

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

А. Н. ПОПОВ

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ЖИЗНИ, СОВЕРШЕННЫЕ ПРИ
ОТЯГЧАЮЩИХ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ЛИЧНОСТИ
ПОТЕРПЕВШЕГО
(пп. “б”, “в”, “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ)**

**Санкт-Петербург
2002**

ББК 67.408

Попов А. Н. Преступления против жизни, совершенные при отягчающих обстоятельствах, относящихся к личности потерпевшего (пп. “б”, “в”, “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ). СПб., 2002. 212 с.

Рецензенты

Н. И. МАЦНЕВ — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета СПбГУ;

Т. А. НИКОЛАЕВА — начальник отдела по надзору за следствием в органах прокуратуры Санкт-Петербурга, ст. советник юстиции.

В работе исследуются проблемы квалификации убийств с отягчающими обстоятельствами, относящимися к потерпевшему. В первой главе анализируются проблемы квалификации убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Во второй — убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а также сопряженного с похищением человека и захватом заложника. В третьей главе рассмотрены проблемы квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Предназначается специалистам в области уголовного права.

© Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2002.

1. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПОТЕРПЕВШЕГО

Основанием выделения квалифицированных видов преступлений, предусмотренных п. “б” ч. 2 ст. 105, п. “а” ч. 2 ст. 111, п. “б” ч. 2 ст. 112 УК РФ, является то, что совершаются они в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего. Поэтому правильность квалификации деяния виновного лица зависит от точного установления цели и мотива его действий, а также характера действий потерпевшего. В связи с этим возникает необходимость определения понятий “близкие”, “служебная деятельность”, “общественный долг”, “в связи”, а также рассмотрения проблемы разграничения со смежными составами преступлений, совершаемых в связи с осуществлением потерпевшим своего служебного долга.

Действующая редакция статей, предусматривающих ответственность за преступления, совершенные в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего, является итогом развития уголовного законодательства за достаточно большой промежуток времени. Представляется, что с целью более глубокого познания сути состава преступления, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует обратиться к истории развития законодательства об ответственности за данное преступление и практике его применения.

1.1. Становление законодательства об ответственности за преступление, совершенное в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего, и практика его применения

История уголовного законодательства России свидетельствует о том, что посягательство на личность в связи с должностью, положением или деятельностью потерпевшего уже давно рассматривается российским законодателем как преступление, совершенное при отягчающих обстоятельствах.

Так, Уложение 1903 г. в ст. 386 предусматривало четыре вида квалифицированного преступления, совершаемого в связи с особым положением потерпевшего. Это было убийство:

1) священнослужителя при совершении им службы Божией или духовной требы;

2) представителя органа власти или лица, исполняющего общественную обязанность, при исполнении или по поводу исполнения им своих обязанностей;

3) часового, охраняющего особу царствующего императора или члена императорского дома;

4) главы иностранного государства¹.

Относительно убийства священнослужителя Редакционная Комиссия заметила, что для применения ст. 386 Уложения необходимо, чтобы убийство было совершено или во время совершения священнослужителем богослужения, или во время совершения отдельных треб, независимо от того, к какому вероисповеданию принадлежит потерпевший. В то же время повышенная ответственность предусматривалась лишь в случае посягательства на жизнь священника одного из христианских вероисповеданий. Убийство духовного лица иной веры влекло ответственность за преступление безотягчающих обстоятельств².

Уложение 1845 г. содержало достаточно большое количество разнообразных и разбросанных по всему Уложению статей, предусматривавших повышенную ответственность за убийство должностных лиц. В Уложении 1903 г. квалифицированным признавалось всякое *убийство лица, состоящего на службе государственной или общественной*, совершенное при отправлении им должности или по поводу его служебной деятельности.

Если убийство совершалось при отправлении потерпевшим должности, то мотивы преступления значения не имели, они могли быть любыми. Независимо от того, руководствовался ли виновный личными побуждениями или желанием противодействовать властям, или же он совершил убийство с целью совершения какого-либо иного преступления, убийство все равно признавалось квалифицированным. Необходимо было только установить, что, совершая деяние, виновный осознавал, что убиваемый им находится при отправлении обязанностей службы.

¹ Уголовное Уложение. Проект Редакционной Комиссии и пояснения к нему. Т. VI. Спб., 1895. Гл. 24. С. 31.

² Там же. С. 52.

Если убийство было совершено не при исполнении потерпевшим обязанностей службы, то для признания его квалифицированным необходимо было установить, что преступление совершено в связи с каким-либо актом служебной деятельности убитого³.

Посягательство на жизнь часового, входил ли он в состав караула внутреннего, непосредственно охраняющего особу государя или членов царствующего дома, или караула внешнего, признавалось квалифицированным убийством. Мотивы преступления могли быть любыми, они значения для квалификации не имели, если только не были политическими. В последнем случае посягательство на жизнь часовых, охраняющих членов императорского дома, подпадало под общее понятие мятежа⁴.

Убийство главы иностранного государства признавалось квалифицированным, если оно было совершено на территории России, независимо от формы правления, осуществляемой в государстве потерпевшего, и характера взаимоотношений между странами. Как отмечала Редакционная Комиссия, “для применения сего пункта вполне достаточно, чтобы лицо, на которое посягнул виновный, пользовалось верховной властью в какой-либо стране и было признано нами таковым и чтобы виновный совершил убийство не только умышленно, но и сознавая, что он посягает на жизнь главы иностранного государства. При этом безразлично: было ли преступление совершено из политических расчетов, или из частных побуждений — ревности, мести; был ли виновный иностранец или русский подданный”⁵.

Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г. не предусматривали в качестве отягчающего обстоятельства убийства его совершение в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего. Однако в судебной практике подобные убийства признавались квалифицированными. В этих случаях отягчающим обстоятельством выступал мотив действий виновного лица. Ему вменялось в вину такое отягчающее обстоятельство, как совершение убийства из низменных побуждений. Так, в п. “а” ст. 136 УК РСФСР предусматривалась ответственность за убийство, совершенное из корысти, ревности (если оно не подходило под признак убийства, совершенного в состоянии аффекта) и

³ Там же. С. 52—54.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 58—59.

других низменных побуждений. К низменным побуждениям относили самые разные мотивы, в том числе и месть. Так, авторы Комментария к УК РСФСР 1926 г. отмечали, что “под мстью надлежит понимать причинение кому-либо вреда в силу того, что в прошлом или настоящем это лицо в свою очередь нанесло вред лицу, совершившему акт мести”⁶. Понятно, что подобная рекомендация являлась расширительным толкованием закона.

И только УК РСФСР 1960 г. в п. “в” ст. 102 предусмотрел повышенную ответственность за убийство, “совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга”. В целом редакция данного пункта не вызывала особых нареканий со стороны теоретиков уголовного права и практических работников, однако судебно-следственная практика столкнулась с тем, что нередко потерпевшими в результате преступления оказывались не сами лица, выполнявшие свой служебный или общественный долг, а, например, их ближайшие родственники. Сразу же возник вопрос, а имеются ли в этом случае основания для квалификации содеянного по п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ)?

Так, Александров 12 апреля 1961 г., находясь в нетрезвом состоянии, вооружившись металлическим веретеном, во время работы пришел в комнату сменных мастеров прядильной фабрики и затеял ссору, пытаясь ударить веретеном по голове Пархоменко. Последний загородился рукой, вследствие чего Александров причинил ему перелом руки. Затем Александров вторично замахнулся веретеном, но Пархоменко поднял стул, и удар пришелся по стулу. Тогда Александров схватил со стола ножницы, но Пархоменко успел вырвать их у него. В это время Александров через окно заметил работницу, которая шла в комнату сменных мастеров, и убежал.

Александров покушался на убийство Пархоменко в связи с решением жены потерпевшего по работе в отношении жены Александрова. Жена Александрова работала помощником мастера прядильного цеха той же фабрики, где сменным мастером работала и жена потерпевшего Пархоменко. Считая жену Пархоменко виновной в лишении дополнительной оплаты, жена Александрова рассказала об этом своему мужу (Александрову). Александров, озлобившись, решил убить мужа Пархоменко.

Верховным судом Чувашской АССР Александров был осужден по ст. 15 и п. “а” ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ), т. е. за покушение на убийство из корыстных побуждений.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР: Постатейный комментарий / Сост. Д. Карницкий, Г. Рогинский, М. Строгович. М., 1932. С. 110.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело в кассационном порядке, приговор в отношении Александрова оставила без изменений.

Пленум Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного суда РСФСР, отменил приговор, а также определение кассационной инстанции и дело в отношении Александрова направил на новое судебное рассмотрение по признакам преступления, предусмотренного п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ), мотивируя это тем, что Александров покушался на жизнь Пархоменко в связи с выполнением женой потерпевшего своего служебного долга.

При вторичном рассмотрении дела Верховный суд Чувашской АССР осудил Александрова по ст. 15 и п. “в” ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ), т. е. за покушение на убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга.

Находя осуждение Александрова неправильным, Председатель Верховного суда СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, в котором поставил вопрос о переквалификации действий Александрова на ст. 15 и ст. 103 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ), т. е. как покушение на простое убийство.

Пленум Верховного суда СССР протест удовлетворил, отметив, что в п. “в” ст. 102 УК РСФСР предусматривается ответственность за убийство, совершенное в связи с выполнением служебного или общественного долга непосредственно потерпевшим, а не его родственниками. Поэтому, по мнению Пленума Верховного суда СССР, применение п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) в этом случае нельзя признать правильным. Это не что иное, как расширительное толкование закона. Содеянное Александровым следует квалифицировать как покушение на убийство без отягчающих обстоятельств⁷.

Не все исследователи соглашались с подобным подходом, считая, что Пленумом Верховного суда СССР дано ограничительное толкование п. “в” ст. 102 УК РСФСР. “Такое толкование можно было бы признать правильным, если считать, что квалифицирующим обстоятельством в этом составе является личность потерпевшего. Между тем следует полагать, что основанием повышения ответственности являются мотивы действия субъекта, а потерпевшим будет и отец убитого ребенка”⁸. Таким образом, авторы, исходя из действующей на тот момент редакции статьи, пришли к выводу, что содеянное необходимо квалифицировать как убийство, совершенное в связи с выполнением лицом служебного или общественного долга, не только в тех случаях, когда убито это лицо, но также и если жертвой стал кто-либо из его близких.

⁷ Бюллетень Верховного суда СССР. 1963. № 2.

⁸ См.: Курс советского уголовного права: В 5 т. Т. 3. Часть особенная / Под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1973. С. 513.

Аналогичной точки зрения придерживался М. К. Анианц. В частности, он писал: “Для указанной квалификации не имеет значения, касалась ли служебная или общественная деятельность потерпевшего, в связи с которой совершено убийство, самого виновного или его родственников и близких”⁹.

Другие авторы исходили из того, что распространять применение п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) и на случаи, когда потерпевшим оказывался не он сам, а его близкие, неправильно.

Например, Л. А. Андреева высказала мнение, что формулировку п. “в” ст. 102 УК РСФСР целесообразно изменить в законодательном порядке, внося дополнение “потерпевшим или близкими ему лицами”¹⁰. В. Г. Беляев и Н. М. Свидлов утверждали, что при убийстве, предусмотренном п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ), потерпевшим может быть лишь лицо, исполняющее названные в законе функции, но не его родственники или близкие, как это иногда считают отдельные практические работники¹¹.

Федеральным законом от 22 марта 1995 г.¹² редакция п. “в” ст. 102 УК РСФСР была изменена. Данный пункт был сформулирован следующим образом: “Убийство лица в связи с выполнением им своего служебного либо общественного долга или его близких родственников, а также иных лиц, убийство которых совершено с целью воспрепятствовать законной деятельности указанного должностного лица”.

Названным Законом были внесены изменения и в другие статьи Уголовного кодекса. Так, в ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 109 УК РСФСР предусматривалась повышенная ответственность за причинение соответственно тяжкого и менее тяжкого телесного повреждения, “если они совершены в отношении лица в связи с выполнением им своего служебного либо общественного долга или в отношении его близких родственников, а также иных лиц, на жизнь и здоровье которых совершается посягательство с це-

⁹ Анианц М. К. Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. С. 96.

¹⁰ Андреева Л. А. Квалификация умышленных убийств, совершенных приотячающих обстоятельствах. Л., 1989. С. 22.

¹¹ Беляев В. Г., Свидлов Н. М. Вопросы квалификации убийств. Волгоград, 1984. С. 24.

¹² Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1471.

лью воспрепятствовать законной деятельности указанного должностного лица”.

Следует признать, что формулировка диспозиции закона была неудачной. Она содержала весьма существенный изъян, а именно: из текста закона нельзя было понять главного — чья жизнь охраняется п. “в” ст. 102, ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 109 УК РСФСР. Ибо в законе говорилось “указанного должностного лица”, а из контекста закона нельзя было сделать вывод о том, что потерпевшим является должностное лицо. Кроме того, в законе наряду с *близкими родственниками* также назывались и *иные лица*, а содержание этого понятия никак не раскрывалось. В данной редакции статьи просуществовали лишь до принятия нового УК РФ, т. е. полтора года.

В УК РФ 1996 г. пункт статьи об ответственности за убийство в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга был дан в новой редакции. В настоящее время п. “б” ч. 2 ст. 105 и соответствующие пункты статей 111 и 112 УК РФ предусматривают ответственность за убийство и причинение вреда здоровью “лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга”.

На наш взгляд, действующая редакция закона удачнее, предыдущей и текстуально и содержательно, поскольку она более компактна по изложению, более емка и понятна по содержанию. Фактически, с небольшими уточнениями, была воспроизведена первоначальная редакция ст. 102 УК РСФСР. Уточнение свелось к тому, что закон признал в качестве потерпевшего и близких лица, исполнявшего или исполняющего свой служебный (общественный) долг. Представляется, что это правильное уточнение, поскольку потеря близких или причинение им вреда нередко оказывается самой страшной мезьей для лица, в связи с деятельностью которого совершено преступление. Данное злодеяние может оказать и устрашающее воздействие, способное изменить его поведение, на что весьма часто и рассчитывают преступники.

Таким образом, действующий уголовный закон признает квалифицированным преступлением посягательство не только на жизнь, но также и на здоровье лица или его близких, совершенное в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга.

1.2. Особенности преступления против личности, совершенного в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего

Впервые рекомендации о применении п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) были даны в постановлении Пленума Верховного суда СССР “О судебной практике по делам об умышленном убийстве” от 27 июня 1975 г. № 4¹³. В п. 8 названного Постановления отмечалось: “По п. “в” ст. 102 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик следует квалифицировать убийство, совершенное с целью воспрепятствовать правомерной деятельности потерпевшего по выполнению своего служебного либо общественного долга, а также по мотивам мести за такую деятельность”.

Фактически аналогичное разъяснение дается и в действующем постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. № 1. Так, в п. 6 Постановления отмечается, что “по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство лица или его близких, совершенное с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность”¹⁴.

Непосредственно в законе употребляется словосочетание “в связи”, которое Пленумом Верховного суда интерпретируется как “с целью воспрепятствования” или “по мотиву мести” за осуществление служебной деятельности или выполнение общественного долга.

Главная отличительная черта рассматриваемого квалифицированного преступления против личности заключается в том, что оно совершается со специальной целью или из побуждений, вызванных деятельностью или поступком потерпевшего (его близких), т. е. по определенному мотиву. Цель воспрепятствования правомерному осуществлению служебной деятельности или выполнению общественного долга означает не что иное, как желание или не допустить соответствующее правомерное поведение или поступок потерпевшего, или по каким-либо причинам данное поведение или поступок пресечь. Иначе говоря, в этом

¹³ Бюллетень Верховного суда СССР. 1975. № 4.

¹⁴ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.

случае движущим мотивом действий виновного выступает стремление воспрепятствовать осуществлению служебной деятельности или выполнению общественного долга. Воспрепятствование происходит или до осуществления служебной деятельности (до выполнения общественного долга), или непосредственно в процессе ее осуществления (его выполнения).

Чаще всего преступление совершается по мотиву мести за выполнение служебного или общественного долга. Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения закона безразлично, когда произошли действия, вызвавшие месть виновного лица. Для квалификации, например, по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ достаточно установления того факта, что преступление было совершено по мотиву мести за выполнение служебного или общественного долга. Так, судебной практике известен случай, когда преступление было совершено спустя почти 20 лет (!) после того, как потерпевший выполнил действия, послужившие поводом к мести.

Пайдулаев М. 22 мая 1963 г. был осужден Верховным судом Дагестанской АССР по ст.15 и п. “в” ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) за то, что он 26 февраля 1963 г. покушался на убийство Пархалдалова в связи с выполнением последним служебного долга.

Президиум Верховного суда РСФСР 19 февраля 1966 г. оставил без удовлетворения протест заместителя Генерального прокурора СССР, в котором ставился вопрос о переквалификации действий Пайдулаева по ст. ст. 15 и 103 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ), предусматривавшим ответственность за покушение на умышленное убийство без отягчающих обстоятельств.

Генеральный прокурор СССР внес по тем же основаниям протест в Пленум Верховного суда СССР.

Пленум Верховного суда СССР не нашел оснований для удовлетворения протеста.

Как установил суд, совершению преступления предшествовали следующие события.

Пайдулаев в 1943 г. был осужден за кражу к двум годам лишения свободы. В 1944 г. он совершил побег из тюрьмы, но вскоре был задержан Пархалдаловым, работавшим тогда в тюремной охране оперативным стрелком. Пайдулаев просил отпустить его, но Пархалдалов не согласился, и тогда Пайдулаев обещал отомстить, пригрозив убийством.

После освобождения из мест заключения Пайдулаев жил и работал в г. Махачкале и 26 февраля 1963 г., находясь в гостях у Килесханова, среди других лиц встретил Пархалдалова. Со словами “Вот теперь ты мне попался, я тебя убью” Пайдулаев бросился на Пархалдалова и пытался нанести ему удар ножом в грудь. Потерпевший сумел уклониться, и удар пришелся в живот. В результате Пархалдалов получил легкое телесное повреждение без расстройства здоровья.

Пайдулаев пытался еще раз нанести удар потерпевшему, но присутствовавший там Ибрагимов помешал ему.

В протесте предлагалось изменить квалификацию действий Пайдулаева по тем основаниям, что столкновение последнего с Пархалдаловым в связи с выполнением им служебных обязанностей произошло за 19 лет до совершения данного преступления, причем в этот период Пайдулаев, по его словам, встречался с Пархалдаловым. При таком положении, утверждается в протесте, покушение на убийство должно рассматриваться как совершенное на почве обычной мести, не связанной со служебной деятельностью потерпевшего, и ввиду отсутствия отягчающих признаков квалифицироваться по ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Пленум Верховного суда СССР указал, что с приведенными доводами согласиться нельзя.

Пленум Верховного суда СССР отметил, что в протесте неправильно указывается, будто осужденный Пайдулаев, по его словам, проживая в г. Махачкале после освобождения из заключения, встречался с Пархалдаловым. В действительности Пайдулаев ничего подобного не утверждал, показав лишь в судебном заседании, что якобы видел как-то Пархалдалова в автобусе в 1962 г., но не может точно сказать, был ли это Пархалдалов.

Таким образом, первая их встреча после события 1944 г. произошла 26 февраля 1963 г. на квартире Килесханова, где Пайдулаев почти сразу же по приходе набросился с ножом на Пархалдалова и пытался его убить.

Единственным мотивом покушения на убийство, как это видно по обстоятельствам дела, являлась месть за то, что в свое время потерпевший, выполняя служебный долг, задержал Пайдулаева.

То обстоятельство, что событие, послужившее поводом к покушению на убийство, произошло задолго до совершения рассматриваемого преступления, не может служить основанием для вывода о том, что по прошествии времени изменилось существо мотива, побудившего Пайдулаева совершить покушение на убийство.

В этой связи, отметил Пленум Верховного суда СССР, в постановлении Президиума Верховного суда РСФСР по данному делу правильно указано, что ответственность за покушение на убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга наступает независимо от того, сколько прошло времени после совершения потерпевшим тех действий по службе, в связи с которыми и произошло покушение на убийство. Важно лишь то, что покушение совершено из мести именно за эти действия.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР не нашел оснований для изменения квалификации преступления, совершенного Пайдулаевым, и оставил протест Генерального прокурора СССР по делу Пайдулаева М. без удовлетворения¹⁵.

Весьма распространены ситуации, когда смерть или вред здоровью причиняется во время выполнения потерпевшим своего служебного или общественного долга. Примером может служить следующий случай.

¹⁵ Бюллетень Верховного суда СССР. 1966. № 5.

Верховным судом Коми АССР Туманов был осужден по ст. 207 и п. “в” ст. 102 УК РСФСР (ст. 119 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Он был признан виновным в угрозе убийством Свиштуновой и в убийстве Багрецова, совершенном в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

20 января 1973 г. около 20 часов Туманов, находясь в нетрезвом 'состоянии, без разрешения вахтера общежития Свиштуновой с сестрой и знакомым Рыжиковым пришел к товарищам по работе в общежитие. Около 22 часов в связи с тем, что в комнате общежития, где находился Туманов с друзьями, возник шум, вахтер Свиштунова предложила посторонним лицам покинуть общежитие. Сестра Туманова и Рыжиков ушли, а Туманов, находясь в сильной степени опьянения, отказался выполнить требование вахтера, оскорбил ее, схватил кухонный нож и, подняв его над головой, с угрозой убийством, пытался догнать Свиштунову, которая в это время выходила из комнаты, чтобы сообщить о случившемся в органы милиции.

Так как в результате действий Туманова возникла реальная угроза жизни Свиштуновой, находившийся в этой же комнате Багрецов преградил Туманову путь и схватил его за руку. Тогда Туманов ударом ножа в шею убил Багрецова.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного Туманова, в которой он просил переквалифицировать его действия на ст. 106 УК РСФСР (ст. 109 УК РФ), нашла приговор обоснованным.

Судебная коллегия посчитала, что вина Туманова в угрозе убийством Свиштуновой и в убийстве Багрецова в связи с выполнением им общественного долга доказана.

Туманов, нанося с большой силой удары ножом потерпевшему в жизненно важный орган — шею, создавал общественно опасный характер своих действий, предвидел общественно опасные последствия и желал их наступления. То, что он в это время находился в сильной степени опьянения, в соответствии с законом не смягчает его ответственности.

Поэтому Судебная коллегия Верховного суда РСФСР сделала вывод о том, что оснований для удовлетворения кассационной жалобы осужденного, в которой ставился вопрос о переквалификации его действий на ст. 106 УК РСФСР (ст. 109 УК РФ), не имеется.

Действия Туманова по п. “в” ст. 102 УК (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) квалифицированы правильно, поскольку он убил Багрецова при защите последней женщины от преступного на нее посяательства¹⁶.

В некоторых ситуациях возникает проблема конкуренции различных мотивов, определивших действия виновного лица. В таких случаях, по нашему мнению, п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит вменению лишь тогда, когда преступление было вызвано именно правомерным поведением потерпевшего, т. е. у виновного не было иных мотивов. Например, если было совершено убийство лица при выполнении им своего служебного долга из корыстных побуждений, с целью завладения имуще-

¹⁶ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1974. № 1.

ством, то п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ вменению не подлежит, поскольку в целом в подобных случаях преступление обуславливается не служебной деятельностью потерпевшего, а желанием похитить имущество.

Так, Резник был признан виновным в убийстве, совершенном в связи с осуществлением лицом служебной деятельности и сопряженным с разбоем, а также в разбое, совершенном с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением оружия и предмета, используемого в качестве оружия, и с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, а также в хищении огнестрельного оружия и боеприпасов.

Резник с целью хищения компьютера из административного корпуса войсковой части по окончании рабочего дня спрятался в одном из помещений.

После того как сотрудники покинули учреждение, он вышел из укрытия и столкнулся с часовым-стрелком военизированной охраны Лемак.

Желая привести ее в бессознательное состояние, он нанес ей большое количество ударов по голове газовым пистолетом. Однако потерпевшая вырвалась и побежала по коридору, пытаясь позвать на помощь.

Резник решил убить потерпевшую. Завладев в ходе борьбы табельным оружием Лемак, он выстрелом в голову убил ее. Забрав пистолет с боевыми патронами, Резник скрылся.

Военная коллегия Верховного суда РФ, рассмотрев дело в кассационном порядке, исключила из приговора указание об осуждении Резника по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство лица в связи с осуществлением им своей служебной деятельности.

Она указала следующее. Резник совершил нападение на Лемак с целью завладения компьютером (т. е. с корыстной целью) и убил ее в связи с тем, что она стала оказывать ему сопротивление и пыталась вызвать помощь, что мешало бы ему осуществить хищение, поэтому квалификация содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ является излишней¹⁷.

В данном случае главным мотивом действий виновного лица было желание совершить хищение — завладеть компьютером. Посягательство на жизнь Лемак было вызвано корыстными побуждениями виновного, а не ее служебной деятельностью. Поэтому Военная коллегия Верховного суда РФ обоснованно исключила п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, несмотря на то, что Лемак являлась часовым-стрелком военизированной охраны и в момент посягательства на ее жизнь выполняла свой служебный долг.

Таким образом, для квалификации действий виновного лица по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить, что, совершая преступление в связи с осуществлением потерпевшим слу-

¹⁷ Справка о некоторых определениях Военной коллегии Верховного суда РФ по делам, рассмотренным в апреле 2000 г. от 11.04.2000 г. № 1-025/2000.

жебной деятельности или выполнением общественного долга, виновный стремится: 1) или предотвратить, 2) или пресечь действия, связанные с выполнением потерпевшим (его близкими) служебной деятельности (выполнением общественного долга), 3) или отомстить за уже совершенные действия. Необходимо в каждом конкретном случае выяснять мотив, вызвавший у виновного желание совершить посягательство на жизнь потерпевшего. Факт нахождения потерпевшего при исполнении своего служебного или общественного долга сам по себе не является достаточным основанием для квалификации действий виновного лица по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Обязательным признаком данного состава преступления является то, что посягательство на жизнь потерпевшего совершается в связи с его правомерной деятельностью или поступком.

Правомерное поведение

Убийство или причинение вреда здоровью, совершенное в связи с осуществлением лицом служебной деятельности (выполнением общественного долга), само по себе не дает основания для квалификации содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующим статьям УК, предусматривающим ответственность за причинение вреда здоровью. Обязательным признаком, который подлежит установлению в каждом конкретном случае, является правомерность действий потерпевшего лица или его близких. Правомерность действий, по нашему мнению, в контексте рассматриваемого состава преступления означает, что потерпевший или его близкие не совершали преступления или иного правонарушения, а действовали строго в соответствии с требованиями службы или нравственными нормами.

Если действия потерпевшего (его близких) были неправомерны, т. е. содержали в себе признаки какого-либо правонарушения или преступления, то основания для квалификации содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. “а” ч. 2 ст. 111 и п. “б” ч. 2 ст. 112 УК РФ) отсутствуют. Действия виновного в этом случае, при отсутствии других отягчающих или смягчающих ответственность обстоятельств, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР Гукасян был признан виновным в убийстве Варданяна, а Меликян — в

покушении на убийство Мутафяна в связи с выполнением потерпевшими своего общественного долга. Обстоятельства дела таковы.

Гукасян и Меликян находились в сквере возле театра, где они распивали пиво. До их прихода в сквер неизвестные ограбили двух несовершеннолетних. Об этом было сообщено в городской оперативный штаб, после чего активисты штаба Варданян и Мутафян направились в сквер. В сквере они увидели Гукасяна и Меликяна. Варданян и Мутафян пытались задержать Гукасяна и Меликяна, однако те оказали им сопротивление. Гукасян ножом нанес ранение Варданяну в область груди, от которого тот скончался, а Меликян нанес удар ножом Мутафяну в живот, причинив тяжкий вред здоровью.

Председатель Верховного суда СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, в котором поставил вопрос о переквалификации содеянного Гукасяном и Меликяном соответственно на простое убийство и покушение на простое убийство.

Пленум Верховного суда удовлетворил протест по следующим основаниям. У прибывших в сквер активистов штаба не было никаких знаков отличия. С Варданяном и Мутафяном осужденные знакомы не были и об их общественной деятельности не знали. Вместе с тем и сами активисты, явившись в сквер для задержания предполагаемых преступников, не представились лицам, которых они заподозрили в преступлении. Более того, не будучи в достаточной степени подготовлены к проведению такой операции, потерпевшие допустили неправильные действия, в силу чего сами могли быть приняты за нарушителей общественного порядка. Данное обстоятельство установлено и в частном определении суда записано, что активисты оперативного штаба, не имея должного руководства, без повода вступили в драку с подозреваемыми. Свидетели показали, что драка в сквере возникла внезапно, а начали ее сами потерпевшие¹⁸.

Приведенный пример наглядно показывает, что поскольку потерпевшие действовали неправомерно — беспричинно напали на виновных, развязали драку, то действия виновных в посягательстве на их жизнь не могут быть квалифицированы как совершенные в связи с выполнением потерпевшими своего общественного долга. В рассматриваемом случае виновные не знали о том, что потерпевшие являются активистами городского оперативного штаба по содействию в борьбе с преступностью. Однако даже если бы они это знали, данное обстоятельство никак не повлияло бы на квалификацию их действий. Поскольку убийство одного потерпевшего и покушение на жизнь другого были совершены в процессе развязавшейся обоюдной драки, постольку действия виновных и были квалифицированы как простое убийство и покушение на такое преступление.

¹⁸ Бюллетень Верховного суда СССР. 1975. № 4.

При квалификации убийства потерпевшего, действовавшего преступно, нельзя забывать о том, что неправомерные действия данного лица, превышающего свои служебные полномочия, могут порождать право необходимой обороны. В подобных случаях, несмотря на то, что потерпевший находился при исполнении служебных обязанностей, противодействие ему не может признаваться преступлением, если не было превышения пределов необходимой обороны со стороны оборонявшегося. Тем более содеянное при преступных действиях потерпевшего не может быть квалифицировано как преступление, совершенное в связи с выполнением им служебного или общественного долга.

В настоящее время считается общепризнанным, что виновный должен знать о том, что он действует в отношении лица, правомерно выполняющего служебный или общественный долг. В противном случае квалификация его действий, например, по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ исключается. Однако в некоторых случаях незнание того, что потерпевший выполняет действия, входящие в круг его служебных или специально возложенных на него общественных обязанностей, не освобождает виновного от ответственности за преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Характерным в этом смысле является дело Кулыгина.

Кулыгин был осужден приговором Брянского областного суда за покушение на простое убийство Володченко, совершенное при следующих обстоятельствах.

Кулыгин в нетрезвом состоянии зашел в магазин и стал настаивать, чтобы продавец отпустил ему бесплатно вино. Получив отказ, Кулыгин сам налил стакан вина. Находящийся в магазине нештатный инспектор государственной торговой инспекции Володченко обратился к Кулыгину с просьбой прекратить неправильное поведение и взял у него стакан с вином. Заведующая магазином вывела Кулыгина на улицу, но тот вновь зашел в магазин, вытащил из кармана нож и с целью убийства стал наносить удары Володченко. Первый удар он нанес Володченко в грудь, но у потерпевшего в кармане были документы, поэтому нож согнулся и не причинил Володченко никаких повреждений. Второй удар Кулыгин пытался нанести в шею Володченко. Володченко увернулся, но ему было причинено легкое телесное повреждение. Затем Кулыгин вновь замахнулся, но удар предотвратили находившиеся в магазине граждане, отняли нож и сообщили о происшедшем в отделение милиции.

Органами предварительного расследования Кулыгин был привлечен к уголовной ответственности за покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах, т. е. по ст. ст. 15 и п. “в” ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Однако суд с такой квалификацией не согласился и признал его виновным в покушении на убийство без отягчающих обстоятельств по тем

мотивам, что осужденный не знал, что потерпевший нештатный инспектор, и хотел убить Володченко “на почве внезапно возникших личных взаимоотношений” из-за того, что тот забрал у него стакан с вином, не разрешил отпустить ему вино и требовал, чтобы он вышел из магазина.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор оставила без изменения.

Заместитель Прокурора РСФСР внес протест в Президиум Верховного суда РСФСР об отмене приговора и определения, считая необоснованной квалификацию действий осужденного по ст.ст. 15 и 103 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Президиум Верховного суда РСФСР отменил приговор и определение в отношении Кулыгина и передал дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства. При новом рассмотрении дела Кулыгин был осужден по ст. 15 и п. “в” ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ)¹⁹.

Представляется, что в данном случае Президиум Верховного суда РСФСР поступил правильно. Реагировать на неправильные действия осужденного могло не только официально уполномоченное на то лицо, но и любой гражданин, выполняя тем самым свой общественный долг, и если в связи с этим совершено покушение на убийство, то преступление не может рассматриваться как совершенное из личных побуждений. В приведенном примере виновный (Кулыгин) не знал, что потерпевший (Володченко) является нештатным сотрудником государственной торговой инспекции, т. е. что тот выполняет специально возложенные на него общественные обязанности. Однако учитывая, что пресекать неправильное поведение Кулыгина в данном случае мог любой гражданин, следует признать, что преступление было совершено в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

Следовательно, если виновный не знает, что потерпевший действует при отправлении своих служебных или общественных обязанностей, но совершает посягательство на его жизнь в связи с действиями, которые по сути являются выполнением потерпевшим общественного долга (например, потерпевший пресекает преступление или иное правонарушение), то содеянное виновным все равно подлежит квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Близкие

¹⁹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 1964—1972 гг. М., 1974. С. 234—235.

В настоящее время непосредственно в тексте закона (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. “а” ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. “б” ч. 2 ст. 112 УК РФ) прямо указано, что потерпевшим от преступления может быть как лицо, которое осуществляло свой служебный или общественный долг, так и его близкие. В то же время уголовный закон умалчивает о том, какое лицо подпадает под понятие “близкие”. Из текста закона нельзя сделать однозначного вывода о том, кто относится к близким лица, исполнявшего свой служебный или общественный долг. Относятся ли к ним только его близкие родственники или и другие лица? Ведь легко представить ситуацию, когда смерть из мести причиняется, например, его невесте, лучшему другу, двоюродному брату, теще и т. д.

В п. 6 Постановления Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. № 1 понятие “близкие” определяется следующим образом: “К близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений”²⁰.

Понятие близких родственников дано в п. 4 ст. 5 УПК РФ. Или могут быть супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. К иным близким в соответствии с требованиями закона и рекомендациями Пленума Верховного суда РФ могут относиться любые лица, которые “заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений”. Таким образом, в смысле рассматриваемого состава преступления близкими потерпевшего считаются как его близкие родственники, так и другие лица.

Некоторые авторы еще до разъяснения Пленума Верховного суда РФ исходили из того, что близким лица, в связи со служебной деятельностью которого совершено преступление, может быть признан любой человек, если его смерть являлась серьезной душевной травмой для данного лица²¹. В настоящее время такой подход получил подтверждение со стороны высшей су-

²⁰ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.

²¹ Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. С. 8.

дебной инстанции. Однако, на наш взгляд, необходимо, чтобы и в текст закона были внесены соответствующие изменения. Можно приводить много примеров, когда при неизменности закона толкование его содержания со стороны высшей судебной инстанции изменялось, иногда на противоположное²².

Поэтому в законе, например в примечании к ст. 105 УК РФ, следует специально разъяснить, какие лица могут относиться к близким потерпевшего²³.

Обращает на себя внимание оборот, употребленный в Постановлении Пленума Верховного суда РФ: “заведомо для виновного дороги потерпевшему”. Спрашивается, какая необходимость была подчеркивать то обстоятельство, что потерпевший был *заведомо* для виновного дорог лицу, выполнявшему свой служебный или общественный долг? Недостаточно ли было установить и доказать, что совершается убийство кого-либо *в связи* с общественно полезной деятельностью определенного лица?

В связи с данной формулировкой Постановления возник следующий вопрос. Будет ли состав рассматриваемого преступления, если совершено убийство родственника, с которым у лица, выполнявшего свой служебный (общественный) долг, сложились неприязненные отношения? Виновный знал характер взаимоотношений сторон, но поскольку у выполнявшего свой служебный (общественный) долг других родственников не было, то виновный и убил из мести это лицо. Можно ли в такой ситуации квалифицировать содеянное по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

Представляется, что подобная квалификация возможна, поскольку был убит родственник. Положение статьи “жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений” не относится к родственникам. Если речь идет об убийстве ближайших родственников, то независимо от взаимоотношения сторон имеются все основания для квалификации содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В то же время едва ли возможно согласиться с мнением, что степень заинтересованности лица в судьбе близких ему людей

²² См., например, рекомендации Пленумов Верховного суда СССР, РСФСР и РФ о квалификации покушения на убийство двух или более лиц.

²³ По нашему мнению, в УК РФ должен содержаться специальный раздел, где давалось бы законодательное толкование употребляемых в нем понятий.

для квалификации действий виновного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ не имеет значения²⁴.

В отношении убийства иных лиц необходимо устанавливать, что они “заведомо для виновного были дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений”. При этом виновный, конечно, может заблуждаться относительно характера взаимоотношений сторон. Однако это обстоятельство, по нашему мнению, не должно влиять на квалификацию содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если установлено, что преступление совершено в связи с общественно полезной деятельностью какого-либо лица, то имеются все основания для вышеназванной квалификации.

Ошибка в личности потерпевшего

В связи с тем, что потерпевшими могут быть и другие лица, а не только то лицо, которое выполняло служебный или общественный долг, возник целый ряд вопросов. Как квалифицировать действия виновного, если он совершил убийство лица, ошибочно принятого за близкого? Подлежит в этом случае применению п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ или содеянное следует квалифицировать иначе? Если иначе, то каким образом? Виновный мог заблуждаться и относительно личности лица, выполнявшего свой служебный или общественный долг. Как подобная ошибка может повлиять на квалификацию действий виновного?

Судебной практике известны случаи, когда виновный, желая отомстить человеку, выполнявшему служебный (общественный) долг, обознавшись, причинял смерть постороннему, совершенно непричастному лицу. Прокурорско-следственные работники, обучавшиеся на факультете повышения квалификации Института²⁵, высказывали самые различные варианты оценки действий виновного лица в подобных ситуациях, чаще всего предлагали следующие:

- 1) ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. простое убийство;
- 2) п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. убийство, совершенное в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга;

²⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. С. 257.

²⁵ Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ.

3) ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. покушение на убийство, совершенное в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга;

4) ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. покушение на убийство, совершенное в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга, и простое убийство.

Анализ юридической литературы показал, что данный вид фактической ошибки не нашел должного отражения на страницах юридической печати. Лишь в редких случаях уделяется определенное внимание рассматриваемому вопросу.

Так, В. В. Сташис и М. И. Бажанов отмечают: “Когда виновный, желая убить потерпевшего в связи с выполнением им служебного или общественного долга, ошибочно лишил жизни другого человека, который такого долга не выполнял, его действия необходимо квалифицировать по ст. 17 и п. “в” ст. 93 [УК Украины] как покушение на преступление, которое он стремился совершить, и по ст. 94 (при отсутствии отягчающих обстоятельств)”²⁶.

Таким образом, указанные авторы предлагают квалифицировать содеянное как покушение на убийство в связи с выполнением лицом своего служебного (общественного) долга и дополнено как простое убийство.

По нашему мнению, ошибка в личности потерпевшего при убийстве в связи с выполнением лицом служебного (общественного) долга не должна влиять на квалификацию содеянного, поскольку виновный в этом случае действует по определенному мотиву. Независимо от того, ошибся ли виновный в личности близкого или лица, выполнявшего служебный (общественный) долг, содеянное все равно следует квалифицировать по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Законом предусматривается ответственность за убийство, совершенное по определенному мотиву. В рассматриваемом случае виновный действует или по мотиву воспрепятствования выполнению служебного (общественного) долга, или по мотиву мести за выполнение данного долга. Заблуждение касается личности потерпевшего. По общему правилу ошибка в личности потерпевшего не оказывает влияния на квалификацию

²⁶ Бажанов М. И., Сташис В. В. Личность под охраной уголовного закона. Симферополь, 1996. С. 30.

убийства, однако мотив преступления должен обязательно найти отражение в формуле обвинения. В нашем случае мотив преступления является квалифицирующим признаком, отягчающим ответственность виновного лица. Поэтому и квалификация совершенного убийства должна быть соответствующей.

Предложенная М. И. Бажановым и В. В. Сташисом квалификация неприемлема, так как совокупности преступлений нет ни юридически, ни фактически, а имеется одно преступление, при котором виновный заблуждается в личности потерпевшего, совершенное по определенному мотиву.

Нельзя содеянное квалифицировать и по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В этом случае игнорируется мотив действий виновного лица. Неправильной будет и квалификация содеянного по ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как покушение на квалифицированное убийство, поскольку смерть потерпевшему фактически причинена, преступление окончено. Характер ошибки не позволяет квалифицировать содеянное как покушение на преступление, так как ошибка в личности потерпевшего не влияет на квалификацию действий виновного лица.

Таким образом, в случае заблуждения виновного относительно личности личности потерпевшего при совершении убийства с целью воспрепятствования правомерному осуществлению им своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность содеянное все равно должно быть квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Заслуживает специального рассмотрения вопрос о понятиях “служебная деятельность” и “общественный долг”, поскольку они являются ключевыми в рассматриваемом составе преступления. Именно в связи с деятельностью или поступком потерпевшего или его близких и совершается преступление. Понятно, что не во всех ситуациях имеются основания для квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующим статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья.

Закон не раскрывает понятий “служебная деятельность” и “общественный долг”, лишь называя их, поэтому уяснить их содержание можно только путем правильного толкования и обобщения практики правоприменения.

Осуществление служебной деятельности

Служба в русском языке определяется как работа, занятия служащего, а также место его работы²⁷, *служить* — 1) нести, исполнять службу; 2) делать что-нибудь для кого-чего-нибудь, выполняя чью-нибудь волю, приказания, направлять свою деятельность на пользу чего-нибудь; 3) выполнять свое назначение²⁸. *Деятельность* — это занятия, труд²⁹.

Отсюда можно сделать вывод, что осуществление служебной деятельности означает выполнение служебной работы, исполнение обязанностей по службе (работе), выполнение своего служебного назначения. Следовательно, состав рассматриваемого преступления будет только в том случае, когда посягательство на жизнь или здоровье потерпевшего было осуществлено в связи с выполнением им своего служебного назначения, исполнения обязанностей по службе (работе).

Представляется, что необходимо различать убийство *при* исполнении служебных обязанностей и убийство *в связи* с исполнением служебных обязанностей. Первое может осуществляться по любому мотиву, а второе только по мотиву (с целью) воспрепятствования служебной деятельности или по мотиву мести за служебную деятельность. В первом случае могут иметься основания для квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а могут и отсутствовать, а во втором основания для подобной квалификации имеются всегда. Например, убийство частного охранника при исполнении им служебных обязанностей может быть совершено и по мотиву ревности. Понятно, что в данном случае нет никаких оснований для квалификации содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. В то же время если убийство лица было совершено по мотиву мести за его служебную деятельность, то независимо от того, находился ли потерпевший в это время при исполнении служебных обязанностей или нет, содеянное все равно подлежит квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В юридической литературе обсуждался вопрос о характере служебной деятельности потерпевшего. Должны ли это быть должностные обязанности, т. е. служебные обязанности должностного лица, или же речь может идти и об обязанностях, относящихся к деятельности по службе в самом широком смысле, т. е. о любых обязанностях, вытекающих из занимаемой долж-

²⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 730.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 167.

ности, выполняемой по службе работы? Иначе говоря, потерпевшими могут быть только должностные лица и их близкие или иные служащие, а также их близкие?

Например, в одном из комментариев к Уголовному кодексу в начале 60-х годов, т. е. когда только вступил в силу УК РСФСР 1960 г., указывалось, что “убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга (п. “в” ст. 102) — это убийство должностного лица, представителя власти, общественного работника”³⁰.

По мнению М. К. Анианца, такое утверждение не соответствовало тексту закона и неоправданно по существу. Он утверждал: “Повышенную опасность представляет как убийство должностного лица или общественного работника в связи с их служебной или общественной деятельностью, так и убийство рядового работника, выполняющего свой служебный или общественный долг”³¹.

Правильное замечание. По нашему мнению, подобное ограничительное толкование закона необоснованно. Потерпевшим может быть не только должностное, но и иное лицо, убийство которого было совершено в связи с осуществлением им служебной деятельности.

Гораздо труднее ответить на следующий вопрос. Может ли быть потерпевшим в смысле рассматриваемого состава преступления не служащий, а рабочий, выполняющий трудовые обязанности? Ведь непосредственно в законе говорится об осуществлении служебной деятельности, т. е. обязанностей по службе, а не всякой трудовой деятельности. Служащий — это работник, занятый интеллектуальным, не физическим трудом в различных сферах умственного труда, управления, обслуживания, торговли. Рабочий — это работник физического труда.

По нашему мнению, ответ на данный вопрос должен быть положительным. Служебную деятельность можно и нужно толковать как деятельность, вытекающую из обязанностей по работе потерпевшего, а относятся эти обязанности к интеллектуальному или физическому труду никакого принципиального значения для квалификации по рассматриваемому составу преступления не имеет. Главное, что преступление было совершено в свя-

³⁰ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Комментарий. Л., 1962. С. 211.

³¹ Анианц М. К. Указ.соч. М., 1964. С. 97.

зи с осуществлением трудовых обязанностей. Иначе говоря, если потерпевший выполнял обязанности, вытекающие из трудового договора (контракта), то имеются основания для квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Правильно отмечал М. К. Анианц: “В связи с этим употребляемое при характеристике данного вида преступления понятие “служебный долг” нельзя сводить только к исполнению обязанностей должностного лица в государственных и общественных предприятиях, учреждениях и организациях. В данном случае им охватывается всякая трудовая деятельность, в том числе и деятельность рабочего на производстве, колхозника в сельскохозяйственной артели, рядового служащего в учреждении и т. п.”³².

В постановлении Пленума Верховного суда СССР “О судебной практике по делам об умышленном убийстве” от 27 июня 1975 г. № 4 отмечалось, что под выполнением служебного долга следует понимать деятельность любого лица, входящую в круг его служебных обязанностей³³.

В дальнейшем, в связи с изменениями социально-экономической обстановки в стране, распадом Советского Союза, Пленум Верховного суда Российской Федерации несколько уточнил данную формулировку. Так, в п. 7 постановления Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об умышленных убийствах” от 22 декабря 1992 г. отмечалось, что под выполнением служебного долга следует понимать действия любого лица, входящие в круг его служебных обязанностей, вытекающих из трудового договора с государственными, кооперативными или иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству.

В действующем постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. № 1 получило признание широкое понимание служебной деятельности. В частности, в п. 6 названного Постановления отмечено: “Под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке пред-

³² Там же.

³³ Бюллетень Верховного суда РФ. 1975. № 4.

приятными и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству”³⁴.

В связи с подобным толкованием служебной деятельности возникает следующий вопрос. Общеизвестно, что в последнее время в России участились случаи убийства предпринимателей. Как квалифицировать убийство предпринимателя, если оно совершается в связи с предпринимательской деятельностью потерпевшего? Имеются ли в этом случае основания для квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, или содеянное необходимо квалифицировать как-то иначе?

В тексте закона упоминается служебная деятельность, т. е. деятельность работника наемного труда. Если учесть, что между предпринимательской и служебной деятельностью имеется существенная разница в том, что первая — это самостоятельная коммерческая деятельность, осуществляемая на свой страх и риск в целях извлечения прибыли, а вторая — деятельность работника наемного труда, выполняемая по договору (контракту), то мы должны прийти к выводу, что в подобных случаях квалифицировать содеянное по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ оснований нет.

Однако данный вывод представляется неправильным. По нашему мнению, смысл существования п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и других аналогичных статей УК РФ, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью, заключается в том, что посягательство на жизнь или здоровье совершается именно в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего или его близких.

В широком смысле слова коммерческая деятельность также может быть признана общественно полезной, поскольку способствует занятости населения, отчислению налогов в государственный или муниципальный бюджет и т. д. Законная, добросовестная предпринимательская деятельность является благом для населения, поскольку она способствует снижению цен на предоставляемые услуги, осуществляемые работы, продаваемые товары, повышению их качества, созданию новых рабочих мест и т. д. Поэтому убийство в связи с законной предприниматель-

³⁴ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.

ской деятельностью лица или его близких также может быть квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Определяющим здесь является мотив действий виновного лица. В самом деле, если, например, движущим мотивом действий виновного было желание устранить конкурента из определенной сферы деятельности, то, на наш взгляд, имеются основания для квалификации содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Даже несмотря на то, что в будущем от такой акции виновный желал получить увеличение прибыли в силу отсутствия конкуренции. Нельзя признать, что подобное преступление совершено из корыстных побуждений, потому что у виновного нет корысти в собственном смысле этого слова. Прибыль, которая будет им получена, является результатом предпринимательской деятельности, а не незаконного обогащения за чужой счет. В рассматриваемом случае убийство совершается в связи с законной предпринимательской деятельностью потерпевшего, т. е. деятельностью общественно полезной. Поэтому и квалификация убийства должна быть по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Примером преступления подобного рода может служить убийство конкурента, желающего, как и убийца, владеть бензоколонкой и торговать бензином в данном населенном пункте. При наличии всех признаков состава преступления содеянное дополнительно может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 178 УК РФ (монопольстические действия и ограничение конкуренции, совершенные с применением насилия).

Чаще всего, конечно, предприниматель, заинтересованный в устранении конкурента, сам непосредственно не совершает убийства, а нанимает для этой цели кого-либо. В этом случае квалификация его действий должна быть по ст. 33 и пп. “б”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как соучастие в убийстве по найму, совершенном в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности. Действия исполнителя, если он осведомлен о мотивах организатора убийства, должны быть квалифицированы по пп. “б”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Если совершается убийство лица, занятого в сфере предпринимательской деятельности, и направлено на устранение конкурента, например с целью занять его должность в коммерческой организации, то содеянное должно квалифицироваться только по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, совершенное из корыстных побуждений. В подобной ситуации нет оснований

для квалификации содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку в основе действий виновного лица лежат корыстные побуждения, а не сама деятельность потерпевшего. Если предприниматель нанял кого-либо для совершения преступления, то он должен отвечать по ст. 33 и п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ как организатор убийства по найму.

Выполнение общественного долга

Понятие “выполнение общественного долга” впервые было разъяснено в постановлении Пленума Верховного суда СССР “О судебной практике по делам об умышленном убийстве” от 27 июня 1975 г. В п. 8 данного Постановления отмечалось, что под выполнением общественного долга следует понимать осуществление гражданами специально возложенных на них общественных обязанностей либо совершение других действий в интересах общества или отдельных лиц (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении и т. п.).

Аналогичное разъяснение было дано в постановлении “О судебной практике по делам об умышленных убийствах” от 22 декабря 1922 г. № 15.

В действующем Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 понятие “выполнение общественного долга” раскрывается следующим образом: “Под выполнением общественного долга понимается осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, изобличающих лицо в совершении преступления, и др.)”³⁵.

Следовательно, в соответствии с данными разъяснениями выполнение общественного долга понимается достаточно широко. Это может быть как выполнение специально возложенных обязанностей на общественных началах, так и совершение иных общественно полезных действий по собственной инициативе

³⁵ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.

потерпевшего. Под действиями первого рода в уголовно-правовой литературе понимается, например, членство в добровольной народной дружине, оперативном отряде содействия милиции, “зеленом патруле”, участие в работе какой-либо общественной комиссии и проч., т. е. выполнение обязанностей в связи с участием в работе официальных общественных учреждений или организаций. Что касается иных общественно полезных действий, то они не предполагают членство в каких-либо общественных учреждениях или организациях. Если в предыдущих Постановлениях разъяснялось, что под выполнением общественного долга понимаются и иные действия гражданина *в интересах общества или отдельных лиц*, то в действующем Постановлении это уточнение не дается и говорится только о совершении общественно полезных действий. Представляется, что существо подхода к пониманию выполнения гражданином общественного долга не претерпело изменений. Примерный перечень действий, составляющих суть выполнения общественного долга, призванный помочь в уяснении содержания рассматриваемого понятия, остался практически прежним. Не сложно заметить, что в названных нами Постановлениях речь идет о действиях, связанных с пресечением, раскрытием правонарушений и преступлений, разоблачением лиц, виновных в их совершении. Единственное отличие в том, что в действующем Постановлении дан более широкий перечень примерных действий.

В связи с этим возникает следующий вопрос. Могут ли образовывать понятие “выполнение общественного долга” действия, не связанные с борьбой с преступностью, например направленные на усиление трудовой дисциплины в коллективе со стороны наиболее добросовестных работников? По нашему мнению, никаких ограничений для широкого понимания общественного долга закон не содержит.

Однако в последнее время в юридической литературе появились критические замечания относительно широкого толкования понятия общественного долга. Так, Н. Г. Иванов утверждает, что предлагаемое широкое понимание общественного долга не вытекает из самого этого понятия. По его мнению, общественным долгом может быть лишь такая обязанность, которая возлагается на гражданина Конституцией РФ или нормативными документами общественных организаций, поскольку долг всегда

определялся как императив: безусловная обязанность выполнения возложенных на лицо обязанностей³⁶. Н. Г. Иванов считает, что широкое понимание общественного долга основано на старых конституционных положениях, моральном кодексе строителя коммунизма, где в качестве общественного долга действительно провозглашалась обязанность гражданина всячески содействовать общественному благу³⁷.

С данным утверждением соглашаться нельзя, поскольку понятие общественного долга включает в себя нравственный долг. Нравственно все то, что направлено на благо других людей, на благо общества. Поэтому если гражданин действовал следуя своему нравственному долгу, то не требуется, чтобы эти его действия были санкционированы каким-либо нормативным актом. Вполне достаточно, что он действовал из благих побуждений. Убийство или причинение вреда здоровью в связи с подобным общественно полезным поведением потерпевшего должно признаваться преступлением, совершенным при обстоятельствах, отягчающих ответственность. Общество и государство заинтересованы в стимулировании общественно полезного поведения, предусматривая повышенную ответственность за посяательства на жизнь или здоровье граждан в связи с их общественно полезной деятельностью или поступками.

В другой работе Н. Г. Иванов приводит дополнительные аргументы в обоснование своей позиции. Он утверждает, что долгомораль представляет собой нравственную ментальность, но не общественный долг в современном его понимании. По его мнению, если это не так, то тогда, например, убийство в отместку за почтительное отношение к женщине следовало бы рассматривать с позиций п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Н. Г. Иванов отмечает, что расширительное толкование общественного долга, предлагаемое в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1, не отвечает научной корректности. В Постановлении дается примерный перечень общественно полезных действий, что “создает иллюзию и вредную фикцию “бескрайнего” понимания общественного долга, который может

³⁶ Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1998. С. 47.

³⁷ Там же.

включать в свою орбиту и моральные обязанности”³⁸. Автор приводит следующий пример: в вагоне метро мужчина делает замечание молодому человеку, не желающему уступить место старой женщине. В этом случае, по мнению автора, выполняется моральный долг. Однако если в отместку за такое замечание поборника морали убивают, то можно ли квалифицировать деяние как убийство лица в связи с выполнением им общественного долга? Н. Г. Иванов считает, что если на данный вопрос ответить утвердительно, на долю хулиганских мотивов ничего не останется и в этой связи может возникнуть неразрешимое противоречие между преступлениями, предусмотренными п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ³⁹.

Представляется, что приведенные Н. Г. Ивановым аргументы неубедительны. Во-первых, убийство за почтительное отношение к женщине не может быть квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку в данном случае нет выполнения общественного долга, которое предполагает активные действия, направленные на противостояние злу. Во-вторых, исходя из каких оснований автор делает вывод, что примерный перечень действий, подпадающих под выполнение общественного долга, данный в Постановлении Пленума Верховного суда РФ, “создает иллюзию и вредную фикцию “бескрайнего” понимания общественного долга”? На наш взгляд, прием, использованный в Постановлении Пленума, является весьма распространенным как в научных работах, так и в постановлениях Пленума Верховного суда РФ. Он помогает составить представление о сути рассматриваемого состава преступления или конкретного квалифицирующего признака. Отказываться от этого приема только потому, что у кого-либо может возникнуть ощущение “бескрайности” примерных действий, по меньшей мере неразумно. В-третьих, замечание, сделанное в вагоне метро молодому человеку, не желающему уступить место старой женщине, является выполнением общественного долга, однако в силу конкуренции мотивов виновного применению подлежит п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данная проблема возникла не сегодня, “неразрешимое” противоречие разрешено. Доктрина и судебно-следственная

³⁸ Иванов Н. Постановление Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”. Критический взгляд // Уголовное право. 2000. № 2.

³⁹ Там же.

практика выработали критерии разграничения п. “б” и п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ, на которых более подробно мы остановимся ниже. Здесь же лишь отметим, что для применения п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ недостаточно того, чтобы потерпевший сделал только замечание, необходимы более активные действия, направленные на пресечение противоправного или аморального поведения виновного лица.

А. Н. Красиков, соглашаясь с Н. Г. Ивановым, высказал мнение, что отдельные теоретики вкладывают в понятие “общественный долг” советское правовое содержание — в ранее действовавших Конституциях провозглашалась обязанность гражданина всеми способами содействовать общественному благу. Поскольку в Конституции РФ 1993 г. ничего подобного не требуется, постольку состава убийства в связи с выполнением потерпевшим общественного долга не должно быть в главе преступлений против личности⁴⁰.

Данный подход вызывает возражение. Представляется, что Конституция РФ здесь совершенно ни при чем. Уголовный закон абсолютно обоснованно предусматривает повышенную ответственность за убийство, а также за преступления против здоровья, совершенные в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, т. е. в связи с его общественно полезным поведением и действиями в интересах других людей, государства или общества. Закон, в том числе и уголовный, только тогда имеет силу, когда он основывается на нормах морали и нравственности. В любом случае он не может и не должен им противоречить. Убийство, совершенное в связи с общественно полезным поведением потерпевшего, должно влечь повышенную ответственность хотя бы по той простой причине, что оно разрушает идею нравственности, долга, самоотвержения, т. е. то, без чего ни одно общество существовать не может. Например, в судебной практике встречались случаи, когда убийство совершалось в отместку за то, что потерпевший на собрании трудового коллектива критиковал виновного за пьянство, нарушение трудовой дисциплины и недобросовестное отношение к работе⁴¹.

⁴⁰ См.: Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 63.

⁴¹ См., например: Аниязн М. К. Указ. соч. С. 98.

На наш взгляд, в подобных случаях имеются все основания для квалификации содеянного как убийства, совершенного в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга. Потерпевший действовал во благо трудового коллектива, в интересах дела, поэтому его действия нельзя оценивать иначе, как выполнение общественного долга. Более того, выполнением общественного долга должны признаваться общественно полезные действия, совершенные в интересах одного человека.

В подтверждение сказанного приведем следующий пример.

Х. пьянствовал, устраивал дома скандалы, избивал свою сожительницу Ж. и угрожал ей убийством. Спасаясь от Х., Ж. ушла к своему знакомому С. Узнав об этом, Х. убил С. за то, что последний укрыл Ж. от его преследований. Куйбышевский областной суд 23 ноября 1962 г. осудил Х. по п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, оставив приговор в силе, указала в своем определении, что С., укрывая у себя в доме Ж. и спасая ее от избиения и угрозы смертью со стороны Х., выполнял свой общественно-гражданский долг⁴².

Представляется, что отказ от широкого толкования общественного долга не будет положительным шагом в правоприменительной деятельности. Он не основан на законе. Более того, он вреден по существу, поскольку создаст препятствия в выполнении гражданами общественного долга. Их жизнь и здоровье в этом случае не получают должной законодательной защиты. Подобный шаг пойдет на пользу преступникам, поскольку их действия не будут образовывать квалифицированного вида преступления, а не гражданам, которые, действуя во благо других, не будут получать необходимой государственной поддержки. Так, Т. Воробьева и А. Санталов совершенно справедливо отмечали, говоря о рассматриваемом преступлении: “Повышенная общественная опасность данного преступления заключается в том, что кроме лишения человека жизни оно посягает на свободное и безопасное выполнение гражданами своего служебного и общественного долга”⁴³. Представляется, что широкое толкование общественного долга соответствует и букве и духу закона.

⁴² Там же. С. 99.

⁴³ Воробьева В., Санталов А. Квалификация умышленного убийства, совершенного в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга // Советская юстиция. 1988. № 23.

***Умысел в преступлениях, совершаемых в связи
с выполнением потерпевшим своего служебного
или общественного долга***

Общеизвестно, что убийство, предусмотренное ст. 105 УК РФ, точно так же, как и преступления против здоровья, предусмотренные ст. ст. 111 и 112 УК РФ, может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Однако применительно к отдельным преступлениям, предусмотренным различными пунктами ст. 105 УК РФ, нельзя однозначно утверждать, что они могут совершаться с любым видом умысла. Так, убийство с целью скрыть другое преступление совершается только с прямым умыслом, поскольку в законе прямо это утверждается путем обозначения цели преступления.

В п. 6 постановления Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. выделяются два случая, когда убийство квалифицируется по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ: 1) совершенное *с целью* воспрепятствования правомерному осуществлению лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга; 2) совершенное *по мотивам мести* за осуществление служебной деятельности или выполнение общественного долга.

Относительно данного разъяснения возникает следующий вопрос. С каким видом умысла может быть совершено преступление в первом случае, выделяемом в п. 6 Постановления? Ведь в нем говорится о том, что данное преступление совершается со специальной целью — воспрепятствовать правомерному осуществлению лицом своей служебной деятельности. Наличие специальной цели по общему правилу, выработанному в теории уголовного права, свидетельствует о том, что преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Можем ли мы утверждать, что убийство или причинение вреда здоровью с целью воспрепятствования правомерному осуществлению служебного или общественного долга совершается только с прямым умыслом?

На наш взгляд, ответ должен быть отрицательным. Представляется, что с субъективной стороны преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ (ст. ст. 111 и 112 УК РФ), может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Данный вывод основан на том, что цель воспрепятствования осуществлению долга потерпевшим не равнозначна цели

убийства потерпевшего. Воспрепятствовать осуществлению долга потерпевшим можно, например, избив его. В этом случае может не быть прямого умысла на причинение смерти, но виновный допускает, что в результате его действий возможны любые последствия, в том числе и смерть потерпевшего, т. е. он действует с косвенным умыслом. При совершении преступления с косвенным умыслом виновный привлекается к ответственности за фактически наступившие последствия. Если наступили последствия в виде смерти потерпевшего, то виновный должен отвечать за убийство, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Следовательно, независимо от того, стремился виновный воспрепятствовать осуществлению потерпевшим своего служебного или общественного долга или он ему мстил, данное преступление с точки зрения закона может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Разъяснение Пленума Верховного суда РФ не препятствует подобному пониманию закона.

Аналогичный вывод делают и другие авторы. Например, Л. А. Андреева специально подчеркивает, что убийство в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом⁴⁴. Э. Ф. Побегайло находит, что данный вид убийства предполагает наличие у виновного как прямого, так и косвенного умысла на лишение потерпевшего жизни⁴⁵.

В литературе высказывается и противоположное мнение. Так, Н. Г. Иванов считает, что с субъективной стороны преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, “оценивается как прямоумышленное, поскольку стремление злоумышленника направлено на убийство с тем, чтобы прекратить правомерную служебную или общественную деятельность. Сознательное допущение, как волевой момент косвенного умысла, в данном случае представляется невероятным”⁴⁶.

⁴⁴ Андреева Л. А. Квалификация убийств... С. 10.

⁴⁵ Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2. Особенная часть М., 1998. С. 26.

⁴⁶ Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1998. С. 49.

По нашему мнению, это неправильное суждение, поскольку неверна основная посылка автора. В законе ответственность предусматривается не за стремление преступника убить потерпевшего, а за убийство, совершенное в связи с осуществлением потерпевшим своего служебного или общественного долга. Нельзя цель воспрепятствования осуществлению правомерной деятельности потерпевшего уравнивать с целью его убийства.

Н. К. Семернева также утверждает, что преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, может совершаться только с прямым умыслом⁴⁷.

На наш взгляд, подобный подход не может быть признан состоятельным. Следуя ему, мы должны сделать вывод о том, что избиевание потерпевшего из мести за его прошлую правомерную деятельность не может квалифицироваться ни по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, ни по п. “а” ч. 2 ст. 111 УК РФ, ни по п. “б” ч. 2 ст. 112 УК РФ независимо от наступивших последствий, поскольку виновный совершал преступление с косвенным умыслом, а рассматриваемое преступление может совершаться только с прямым. Между тем согласиться с данным выводом нельзя, поскольку для него нет никаких оснований. И убийство, и причинение вреда здоровью в соответствии с законом могут совершаться с любым видом умысла. Мотив действий виновного лица в этом случае никак не может повлиять на характер его умысла по отношению к последствиям своих действий.

В случае недоведения убийства до конца по причинам, не зависящим от воли виновного, содеянное может быть квалифицировано как покушение на убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. Для этого необходимо установить и доказать, что виновный действовал с прямым конкретизированным умыслом, направленным именно на причинение потерпевшему смерти. В противном случае его действия должны квалифицироваться по фактически наступившим последствиям с учетом цели и мотива совершенного преступления.

Нередко при оценке действий виновного игнорируется характер и направленность его умысла, что и приводит к неправильной квалификации содеянного в целом. В этом смысле

⁴⁷ Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1997. С. 54.

весьма характерным является дело Касимова. Хотелось бы обратиться на него особое внимание правоприменителей. Анализ судебной практики последних лет свидетельствует о том, что суды очень часто при обосновании своей позиции в аналогичных ситуациях обращаются к тем же аргументам, которые так блестяще и тщательно были рассмотрены и отклонены еще Пленумом Верховного суда СССР по делу Касимова как несостоятельные. Воистину повторение — мать учения.

Кировским областным судом 20 июля 1962 г. Касимов был осужден по ст.ст. 15 и 102 п. “в” УК РСФСР (покушение на умышленное убийство в связи с выполнением потерпевшим общественного долга).

Касимов признан виновным в том, что он 6 мая во дворе своего дома из места на почве выполнения в прошлом потерпевшим Трегубовым общественного долга покушался на убийство последнего, нанеся ему удар ножом в спину.

31 августа 1962 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, придя к выводу, что Касимов совершил покушение на убийство не в связи с выполнением потерпевшим общественного долга, а в ссоре, переквалифицировала его действия по ст. ст. 15 и 103 УК РСФСР (покушение на умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, перечисленных в ст. 102 УК РСФСР).

17 октября 1962 г. Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело по протесту заместителя Прокурора РСФСР, определение Судебной коллегии отменил и дело направил на новое кассационное рассмотрение.

При новом кассационном рассмотрении 31 октября 1962 г. приговор в части квалификации преступления был оставлен без изменения.

Председатель Верховного суда СССР принес в Пленум Верховного суда СССР протест, в котором предложил переквалифицировать действия Касимова на ч. 1 ст. 108 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за умышленное нанесение тяжких телесных повреждений.

Пленум Верховного суда СССР установил следующее.

Как видно из материалов дела, преступные действия Касимовым совершены при следующих обстоятельствах.

В 1960 г. Трегубов, являясь членом бригады содействия милиции, предотвратил избиение жены Касимовым, за что последний подвергся аресту на 10 суток и с тех пор затаил неприязнь к Трегубову.

В день происшествия, 6 мая 1962 г., Касимов встретил Трегубова во дворе и оскорбил его, назвав “мусором”, а тот в свою очередь обругал Касимова бандитом и стал уходить от него. Тогда Касимов вынул из кармана сапожный нож, которым перед этим чинил в сарае удилище, догнал Трегубова и нанес ему удар в левую часть спины на уровне 10-го ребра, причинив проникающее ранение грудной клетки.

В качестве основания для переквалификации действий Касимова в протесте указывалось на то, что он безразлично относился к тому, в какую часть тела наносит удар, что свидетельствует об отсутствии у него цели лишить Трегубова жизни. Кроме того, Касимов имел полную возможность убить Тре-

губова, нанеся ему еще удары ножом, однако не сделал этого. И если даже признать, что Касимов мог допускать возможность смертельного исхода, то и в этом случае у суда не было оснований квалифицировать его действия как покушение на умышленное убийство.

Пленум Верховного суда СССР пришел к выводу, что с приведенными доводами нельзя согласиться.

В протесте правильно указано на то, что для обвинения в покушении на убийство необходимо установить наличие у виновного цели лишить потерпевшего жизни.

Однако в отношении конкретных обстоятельств настоящего дела вывод, содержащийся в протесте, об отсутствии у Касимова прямого умысла на убийство ошибочен и построен фактически на голословном утверждении самого обвиняемого, без должной оценки характера совершенных им преступных действий.

Как видно из материалов дела, Касимов нанес Трегубову удар сапожным ножом кустарного изготовления в левую часть грудной клетки сзади на уровне 10-го ребра, т. е. в жизненно важную часть человеческого тела.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы Трегубову было нанесено ранение, проникающее в плевральную полость, которое являлось опасным для жизни в момент нанесения.

Таким образом, надлежит признать, что примененный Касимовым способ, в частности орудие совершения преступления, а также характер ранения и та сила удара, с которой он был нанесен, свидетельствуют о том, что он предвидел возможность наступления смерти потерпевшего и желал ее и что смертельный исход не наступил лишь в силу обстоятельств, не зависящих от его воли.

Неубедительным является утверждение в протесте о том, что Касимов хотя и совершил опасные действия, однако не хотел при этом лишить Трегубова жизни и, следовательно, не покушался на убийство его.

По обстоятельствам настоящего дела надлежит заключить, что, нанося сильный удар колюще-режущим оружием в такую часть тела, где располагаются жизненно важные органы, в частности сердце и легкие, Касимов, несомненно, сознавал неотвратимость наступления смерти в случае повреждения того или иного важного органа, который может оказаться в зоне проникающего ранения, и поскольку он тем не менее совершил такие действия, следует признать, что причинение смерти охватывалось как его предвидением, так и желанием.

При уяснении направленности умысла Касимова имеет также значение и его предшествующее поведение и взаимоотношения с потерпевшим.

Из материалов дела видно, что Касимов часто пьянствовал и нарушал общественный порядок, создавая соседям невозможные условия для проживания, о чем показал, в частности, допрошенный в суде свидетель Черных.

По делу установлено, что Касимов был недоволен деятельностью Трегубова, пресекавшего его попытки нарушать общественный порядок, и, желая отомстить, нанес ему удар ножом.

Учитывая приведенные данные в их совокупности, Пленум Верховного суда СССР пришел к выводу, что действия Касимова правильно квалифицированы как покушение на убийство, совершенное в связи с выполнением потер-

певшим своего общественного долга, и отрицание им своей виновности противоречит объективным данным настоящего дела.

То обстоятельство, что Касимов ограничился нанесением одного удара ножом Трегубову, на что имеется ссылка в протесте, вовсе не свидетельствует об отсутствии у него умысла на убийство. Касимов действительно нанес потерпевшему один удар ножом, но и этого одного удара было достаточно для наступления смертельного исхода, и то, что он не нанес еще удары, не исключает его ответственности за покушение на убийство⁴⁸.

Таким образом, характер умышленно нанесенного ножевого ранения, сила удара и орудие совершения преступления убедительно свидетельствовали о том, что виновный сознавал неотвратимость наступления смерти потерпевшего. Отказ виновного от дальнейших действий не исключает умысел на убийство, поскольку одного удара было достаточно для наступления смертельного исхода. Характер взаимоотношений сторон и повод, непосредственно использованный виновным для нанесения удара ножом, дают основание считать, что преступление было совершено по мотиву мести за предшествующее правомерное поведение потерпевшего в связи с выполнением им своего общественного долга. Следовательно, при таких обстоятельствах есть все основания для квалификации содеянного как покушение на убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

***Некоторые сложные вопросы, возникающие
при квалификации преступления, совершенного в связи
с осуществлением потерпевшим служебной
деятельности или выполнением общественного долга***

Иногда в судебно-следственной практике приходится сталкиваться со случаями, когда убийство потерпевшего происходит только из-за его причастности к какой-либо организации или общественно полезной деятельности. Как в таких случаях квалифицировать содеянное виновным?

Например, человека убивают только потому, что его обоснованно заподозрили в соучастии с органами правопорядка. На наш взгляд, в этих случаях имеются основания для квалификации содеянного как преступления, совершенного в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, поскольку имеются все признаки состава преступления, преду-

⁴⁸ Бюллетень Верховного суда СССР. 1965. № 6.

смотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Виновный действует по мотиву мести за осуществление потерпевшим своего служебного или общественного долга. И не имеет значения, что виновный мстит не за конкретные действия, совершенные потерпевшим, а за сам факт сотрудничества с правоохранительными органами.

Представляется, что убийство должно быть квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и в тех случаях, когда месть вызвана в целом служебной деятельностью или выполнением общественного долга потерпевшим. В подобных ситуациях ненависть и месть виновного распространяются на всю организацию, представителем которой является потерпевший. Личность потерпевшего при этом может быть или конкретно выбранной, или случайной, что не должно влиять на квалификацию содеянного виновным как преступления, совершенного в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. Например, убийство представителя Армии спасения, с которым виновный столкнулся в темном переулке и убил, движимый ненавистью к данной организации, поскольку она проявляет заботу, как он считает, об “отбросах общества”.

В судебно-следственной практике иногда возникает вопрос о квалификации убийства, совершенного в связи с отказом потерпевшего от участия в преступлении или преступной деятельности. Возможна ли в этом случае квалификация содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ или нет? В доктрине уголовного права по данному вопросу высказаны противоположные суждения.

Например, Н. И. Загородников пришел к выводу, что при совершении такого рода убийства особо опасные преступники, участники воровских группировок пытаются не только осуществить акт мести над потерпевшим, но и устрашающе подействовать на других лиц. В силу этого, считает Н. И. Загородников, подобные убийства приобретают характер особой, повышенной опасности. В качестве иллюстрации он приводит следующий пример.

После отбывтия наказания Л. возвратился к своим родителям. Еще во время отбывания наказания Л. положительно проявил себя в колонии, усердно работал и учился, а также активно участвовал в общественной жизни. Вернувшись домой, он решил больше не заниматься преступной деятельностью, честно исполнял свой общественный долг.

В. и В-кий, будучи без определенных занятий и занимаясь кражами, попытались вновь втянуть Л. в преступную деятельность. Однако Л. категорически

отказался от этого. Тогда В. и В-кий решили за это расправиться с Л., убить его.

В. и В-кий специально организовали встречу с Л., чтобы еще раз поговорить с ним, причем В. взял с собой топор. Встретившись с Л. и убедившись, что он не желает снова вставать на преступный путь, В. ударил Л. топором по голове, и когда последний упал, нанес ему еще несколько ударов топором. Затем топор взял В-кий и также нанес несколько ударов топором по лежащему на земле Л. После совершенного убийства В. и В-кий скрылись.

Московский областной суд приговорил В. к смертной казни, а В-кого, как несовершеннолетнего, к 10 годам лишения свободы⁴⁹.

М. К. Анианц также пришел к выводу, что убийство в связи с отказом от участия в преступлении или преступной деятельности нельзя рассматривать как акт мести, вызванный личными взаимоотношениями, поскольку это деяние имеет своей целью не только месть конкретному лицу за его полезную деятельность, но и устрашение других лиц⁵⁰.

При этом он ссылается на следующие примеры из судебной практики.

1. Ставропольский краевой суд квалифицировал по пп. “б” и “в” ст. 102 (пп. “б”, “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ) действия трижды судимого Л., который, узнав, что ранее судимый В. встал на путь исправления, вступил в ВЛКСМ, стал членом добровольной народной дружины и активно участвует в охране общественного порядка, угрожал ему за это, а затем убил. Приговор краевого суда от 11 января 1962 г. был оставлен в силе Верховным судом РСФСР.

2. Президиум Верховного суда РСФСР признал неправильной квалификацию по ст. 103 (ч. 1 ст. 105 УК РФ) действий А., который убил С. за его отказ от дальнейшего совершения краж, указав при этом, что убийство С. не может рассматриваться как совершенное на почве личной мести, поскольку труд является обязанностью каждого гражданина, а убийство С. совершено в связи с тем, что он решил честно выполнять эту обязанность⁵¹.

По мнению С. М. Корабельникова, если потерпевший был убит из мести за отказ от участия в преступлении, то квалифицировать это преступление как убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, нельзя. Он считает, что в современных условиях подобная квалификация вряд ли возможна. Отказавшись от совершения преступлений, лицо возвращается к нормальному образу жизни, что, утверждает С. М. Корабельников, не может рассматриваться как выполнение общественного долга, даже если лицо вместо со-

⁴⁹ Загородников Н. И. Преступления против жизни. М., 1961. С. 133—134.

⁵⁰ Анианц М. К. Указ. соч. С. 99.

⁵¹ Там же. С. 99—100.

вершения преступления устроилось на работу. Ибо работа в условиях безработицы не может выступать в качестве общественного долга гражданина⁵².

Представляется, соглашаться с подобным подходом нельзя. Дело не в том, что в современных условиях работа не может считаться общественным долгом гражданина, хотя и с этим тезисом можно поспорить, а в том, как оценивать отказ от занятия преступной деятельностью.

По нашему мнению, если убийство или причинение вреда здоровью совершается в связи с тем, что потерпевший отказывается от участия в преступлении или преступной деятельности, то имеются основания для признания такого преступления совершенным в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, поскольку виновный мстит за правомерное поведение потерпевшего, не желающего участвовать в антиобщественной деятельности. На наш взгляд, отказ от совершения преступления(й) нельзя толковать иначе как выполнение потерпевшим своего общественного долга, поскольку, поступая подобным образом, человек вольно или невольно действует в интересах других, отказываясь от причинения общественно опасного вреда иным лицам, государству или обществу в целом. Прекращение преступной деятельности правомерно, а вовлечение в нее преступно. Следовательно, тот, кто совершает убийство в связи с отказом потерпевшего от преступной деятельности, мстит за его правомерное поведение.

Нельзя не учитывать и следующие обстоятельства. В современном преступном мире за отказ от продолжения участия в деятельности организованных преступных сообществ или группировок человека нередко “приговаривают” к смерти. Не каждый рискнет пойти на такое. Общество и государство заинтересованы в том, чтобы те, кто пожелал вернуться к нормальной жизни, были защищены от расправы. Для этого должны быть созданы все условия, в том числе уголовно-правового характера. Во-первых, уголовный закон должен содержать нормы, поощряющие отказ от продолжения занятия преступной деятельностью. В настоящее время даже теоретическая разработка таких норм в науке уголовного права явно недостаточна. Во-вторых,

⁵² Уголовная ответственность за посягательства на жизнь граждан / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. В. Ляпунова. М., 1995. С. 13—14.

виновные в убийстве лиц, отказавшихся от продолжения преступной деятельности, должны отвечать за преступление с отягчающими обстоятельствами, за которое предусмотрена повышенная ответственность. Только при таком подходе со стороны закона и практики правоприменения можно рассчитывать на положительные сдвиги в борьбе с преступностью, в том числе организованной.

Вызывает возражение иногда встречаемое в литературе утверждение, что убийство может быть квалифицировано как совершенное в связи со служебной или общественной деятельностью и в случаях, когда убийцей, например, руководит чувство зависти⁵³.

Следует заметить, что такое убийство не может быть квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, даже если зависть вызывается выполняемой потерпевшим служебной или общественной деятельностью. В подобных случаях виновный действует не из желания воспрепятствовать правомерной деятельности потерпевшего и не из мотива мести за осуществление такой деятельности, что требуется для наличия состава преступления, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а потому, что он завидует потерпевшему, т. е. из личных побуждений. Зависть может возникать под влиянием разнообразных факторов: должность, богатство, физическая привлекательность, творческие успехи и т. д. Она традиционно относится к низменным побуждениям, толкающим виновного на совершение преступления, и вызывается она внутренними, психическими изъятиями в сознании виновного лица. Следовательно, содеянное в подобных случаях должно быть квалифицировано, при отсутствии иных обстоятельств, отягчающих или смягчающих ответственность, по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

При квалификации преступления, совершенного в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга, достаточно часто возникают проблемы разграничения его с иными преступлениями. Поэтому обратимся непосредственно к данным проблемам.

⁵³ Бажанов М. И., Сташис В. В. Указ. соч. С. 30—31.

1.3. Отграничение преступления, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от смежных составов

Преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует разграничивать прежде всего с посягательствами на жизнь, которые совершаются в связи со служебной деятельностью потерпевшего. Это такие преступления, как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317). Кроме того, рассматриваемое преступление необходимо отграничивать от других преступлений, при которых совершается посягательство на личность потерпевшего в связи с его служебной деятельностью. К ним относятся, например, хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка (п. “в” ч. 2 ст. 213); применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318); дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333); насильственные действия в отношении начальника (ст. 334) и некоторые другие. Преступления, предусмотренные п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и аналогичными пунктами ст.ст. 111 и 112 УК РФ, необходимо отграничивать от преступлений, предусмотренных теми же статьями, но совершаемых по другим мотивам. В данной работе имеется возможность остановиться лишь на некоторых из названных проблем, вызывающих наибольшие сложности при квалификации рассматриваемых составов преступлений.

Отграничение убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от иных преступлений против жизни

Преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо отграничивать от других преступлений против

жизни, предусмотренных как ст. 105 УК РФ, так и другими статьями главы 16 УК РФ. Основное внимание в подобных случаях должно быть уделено выяснению цели и мотива совершенного преступления, поскольку на основании данных признаков и проводится разграничение данных составов преступлений.

Отличие убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ

На практике нередко возникает проблема отграничения убийства, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от убийства, совершенного в ссоре или драке. Сложность заключается в выяснении движущих мотивов поведения виновного лица. Для квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить, что потерпевший осуществлял служебную деятельность или выполнял общественный долг и при этом действовал правомерно. Именно в связи с правомерным поведением лица и было совершено преступление в отношении его или его близких. Если преступление совершено в процессе обоюдной ссоры или драки, то оно не может быть квалифицировано как совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. Однако выяснить мотив действий виновного лица бывает не всегда просто. Примером одного из подобных казусов может служить дело Мамедова.

Мамедов признан виновным в мелком хищении государственного имущества и покушении на убийство в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

Эти преступления, как указано в приговоре, совершены при следующих обстоятельствах.

24 июля 1980 г. Мамедов Ариф купил за 40 руб. у водителя Геокчайской автобазы Агаева тонну цемента, похищенного Агаевым по предварительной договоренности с Мамедовым.

В тот же день пьяный Мамедов у себя дома учинил ссору с женой, Мамедовой К., и ударил ее. Боясь дальнейшего избиения со стороны мужа, Мамедова, оставив дома полуторагодовалого сына, ушла к проживавшим неподалеку родителям и рассказала им о происшедшем. Опасаясь за малолетнего сына, она попросила своего брата Мамедова Ализамана сходить за ним. Мамедов Ализаман на улице увидел Мамедова Арифа, который шел в сторону их дома, держа на руках плачущего ребенка.

Мамедов Ализаман попросил Мамедова Арифа отдать ему ребенка, однако последний потребовал не подходить к нему, угрожая, что в противном случае убьет и Мамедова Ализамана и ребенка; в руке он держал перочинный нож с

открытым лезвием. Мамедов Ализаман попытался отобрать ребенка, но в этот момент Мамедов Ариф ударил его ножом в живот, а когда потерпевший стал убегать, бросил в него нож. Собравшиеся на месте происшествия люди отправили потерпевшего в больницу, взяли у Мамедова ребенка, и он ушел домой, где был задержан работниками милиции. По заключению судебно-медицинской экспертизы, потерпевшему причинено тяжкое телесное повреждение — проникающее в полость живота ранение с повреждением желудка, опасное для жизни в момент нанесения.

Председатель Верховного суда СССР внес в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР протест, поставив вопрос о переквалификации действий Мамедова со ст. 15, п. 3 ст. 94 УК Азербайджанской ССР на ст. ст. 15, 95 того же УК.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, рассмотрев материалы дела и обсудив доводы протеста, нашла протест подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

Вывод суда о том, что осужденный ударил ножом потерпевшего во время выполнения последним общественного долга, не вытекает из материалов дела.

Из показаний Мамедова Ализамана усматривается, и это не отрицается судом, что к ним в дом пришла его сестра Мамедова К. и сообщила о ссоре с мужем. Боясь за оставленного с пьяным мужем сына, она попросила его пойти к ним в дом и взять ребенка. Выйдя из дома, он увидел шедшего навстречу Мамедова Арифа с плачущим ребенком на руках, а когда он попытался отобрать ребенка, Мамедов Ариф стал угрожать ему убийством и нанес удар ножом в живот, после чего бросил в него нож, а ребенка отдал кому-то из подошедших граждан.

В суде Мамедов Ариф показал, что поссорился с женой и ударил ее, в результате она, оставив ребенка, ушла к родителям. После этого он тоже вышел из дома с ребенком, намереваясь отнести его к матери. Подходя к дому тестя, увидел идущего навстречу Мамедова Ализамана, который потребовал отдать ему сына. Поскольку он был в нетрезвом состоянии, то предупредил Ализамана, чтобы тот не подходил, иначе убьет и его и ребенка. Когда потерпевший стал силой отнимать ребенка, он ударил его ножом в живот, а затем бросил в его сторону нож. После этого подошли люди и кто-то взял у него сына, а он ушел домой.

При таких обстоятельствах следует признать, что покушение на убийство Мамедов совершил в результате ссоры со своей женой и ее братом и поэтому должен нести ответственность по ст.ст. 15, 95 УК Азербайджанской ССР — за покушение на умышленное убийство, совершенное безотячающих признаков, указанных в ст. 94 УК Азербайджанской ССР⁵⁴.

В данном случае ошибка в квалификации содеянного Мамедовым была допущена в силу того, что суд неправильно установил мотив действий виновного лица. Мамедов совершил преступление не в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, а в процессе ссоры с ним. Поэтому не было

⁵⁴ Бюллетень Верховного суда СССР. 1986. № 6.

оснований для квалификации действий Мамедова как покушение на убийство в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга. Убийство в ссоре или драке совершается из личных неприязненных взаимоотношений в процессе взаимного нанесения оскорблений и(или) ударов. Для ссоры или драки характерно, что оба, и виновный и потерпевший, действуют неправомерно, взаимно обмениваясь ударами. Убийство же, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, подразумевает, что потерпевший действует или действовал правомерно, а виновный — по мотиву воспрепятствования правомерной деятельности потерпевшего или по мотиву мести за осуществление служебного или общественного долга.

Отличие убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от убийства, совершенного из хулиганских побуждений

Проблема разграничения данных преступлений возникает, если потерпевшим становится лицо, которое тем или иным образом вмешалось в действия хулигана. В подобных случаях убийство может быть, с одной стороны, продолжением хулиганских действий виновного, а с другой — реакцией на выполнение потерпевшим общественного долга. Квалифицировать содеянное одновременно по двум мотивам, и как совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, и как совершенное из хулиганских побуждений, нельзя, поскольку эти мотивы являются взаимоисключающими.

Представляется верным замечание, сделанное Л. А. Андреевой, которая пишет, что “квалификация убийства по совокупности пунктов “б” и “в” ст. 102 УК РСФСР [пунктов “б” и “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ] по одному факту, на наш взгляд, невозможна, поскольку если мотив мести (или стремление противодействовать) возник в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга, т. е. действий, которые никак не могут быть признаны ничтожным поводом, то ответственность за убийство наступает по п. “в” ст. 102 УК РСФСР [п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ]. Если же действия потерпевшего, которые послужили поводом для насилия, закончившегося убийством, не были активными, то они не могут расцениваться как выполнение общественного или служебного долга и тем самым убийство пол-

ностью охватится п. “б” ст. 102 УК РСФСР [п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ]”⁵⁵.

Таким образом, в каждом конкретном случае необходимо выяснять мотив, непосредственно определивший действия виновного, что само по себе представляется не простой задачей. Например, как это происходило в ситуации по делу Вдовиченко, покушавшегося на жизнь Коблова.

Антонов и Вдовиченко на улице искали знакомых девушек. Остановив проходивших мимо Консула, Макарова и Савченко, стали спрашивать у них, не знают ли они, где эти девушки живут. В разговоре Макаров ударил Вдовиченко по лицу, вследствие чего между ними началась драка, в ходе которой Вдовиченко достал из кармана перочинный нож и ударом ножа убил Макарова. Увидев нож, Савченко крикнул об этом Консулу и побежал.

Вдовиченко и Антонов догнали Консула, завернули ему на голову пиджак и стали избивать ногами и руками. Проходившие мимо девушки позвали на помощь нескольких граждан, в том числе Косилова и Коблова, которые требовали от Вдовиченко и Антонова оставить Консула и уйти, но те не подчинились их требованиям. Коблов и Косилов оттащили Вдовиченко и Антонова в сторону, причем Коблов ударил Вдовиченко. Достав из кармана нож, Вдовиченко дважды ударил им Коблова, причинив проникающее ранение грудной и брюшной полостей с повреждением сердца, после чего Вдовиченко и Антонов с места происшествия скрылись.

Антонов был привлечен к уголовной ответственности за злостное хулиганство, а Вдовиченко — за злостное хулиганство, убийство Макарова по ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и покушение на убийство Коблова из хулиганских побуждений, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, т. е. по пп. “б”, “в” ст. 102 УК РСФСР (пп. “б”, “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело по кассационным жалобам осужденных, исключила из обвинения Вдовиченко п. “б” ст. 102 УК РСФСР (п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ), указав следующее.

Действия Вдовиченко по ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ) квалифицированы правильно, поскольку Макаров был убит во время начатой им драки.

Вина Вдовиченко и Антонова в совершении злостного хулиганства материалами дела также подтверждена. Вместе с тем квалификация действий Вдовиченко, связанных с нанесением ножевых проникающих ранений Коблову, по ст. 15 и п. “б” ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ) является неправильной.

Из материалов дела видно, что Вдовиченко покушался на убийство Коблова не из хулиганских побуждений, а именно в связи с тем, что потерпевший, выполняя свой общественный долг, активно пресекал совершаемое осужденным злостное хулиганство. Поэтому Судебная коллегия признала, что квали-

⁵⁵ Андреева Л. А. Квалификация умышленных убийств... С. 16—17.

фикации действий Вдовиченко по п. “б” ст. 102 УК РСФСР (п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ) в данном случае не требуется⁵⁶.

Из приведенного примера видно, что убийство квалифицируется или как совершенное из хулиганских побуждений, или как совершенное в связи с выполнением потерпевшим общественного долга. Третьего не дано. На наш взгляд, следует также обратить внимание и на то обстоятельство, что потерпевший был убит в связи с пресечением хулиганских действий со стороны виновного лица.

При отграничении убийства, совершенного в связи с выполнением потерпевшим служебного (общественного) долга, от убийства, совершенного из хулиганских побуждений, особое внимание необходимо обращать на характер действий потерпевшего и обстановку совершения преступления. Именно выяснение данных обстоятельств помогает правильно установить мотив действий виновного лица. В связи с этим стоит обратить внимание на дело Лакотки, убившего Кайрана. Обстоятельства дела следующие.

На праздничном вечере Лакотка, находясь в нетрезвом состоянии, учинил хулиганские действия, поднялся на сцену, где находились музыкальные инструменты, и начал бить ногами по барабану. Один из оркестрантов сделал Лакотке замечание и попросил его покинуть сцену. Однако последний не послушался. При попытке оркестранта удалить Лакотку со сцены тот из хулиганских побуждений ударил оркестранта кулаком.

Продолжал хулиганские действия Лакотка и в гардеробной. Дружинник Кайран предупредил Лакотку, что доставит его в отделение милиции. Лакотка, оставшись недовольным замечанием Кайрана, угрожал ему расправой. Вечером на шоссе с целью отомстить Кайрану Лакотка напал на него и сбил с ног. Проявив особую жестокость, Лакотка стал ногами наносить Кайрану удары по голове и другим частям тела. Продолжалось это до тех пор, пока подошедшие граждане не оттащили Лакотку от Кайрана. Кайран был доставлен в больницу, где, не приходя в сознание, скончался от полученных телесных повреждений.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР Лакотка был осужден за хулиганство и убийство, совершенное с особой жестокостью и в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга. Председатель Верховного суда СССР, находя квалификацию действий Лакотки неправильной, принес протест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР. Он посчитал, что Лакотка убийство Кайрана совершил в обоюдной драке, не зная, что последний является дружинником.

⁵⁶ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 1974—1979 гг. М., 1981. С. 144.

Судебная коллегия не согласилась с доводами протеста, поскольку никаких повреждений, свидетельствующих об обоюдной драке, у Лакотки не обнаружено. Данное утверждение опровергалось также показаниями свидетелей. Кроме того, то обстоятельство, что Лакотка не знал о том, что Кайран является дружинником, в данном случае не имело никакого значения. Кайран был убит в связи с пресечением хулиганских действий Лакотки. Участие в прекращении хулиганских действий законом рассматривается как выполнение общественно-го долга. Поэтому приговор был оставлен без изменения⁵⁷.

В этом деле заслуживает внимания аргументация Судебной коллегии Верховного суда СССР. Судебная коллегия пришла к выводу, что поскольку Кайран пресек л хулиганские действия Лакотки, постольку убийство Кайрана Лакоткой по мотиву мести за это должно рассматриваться как совершенное в связи с выполнением потерпевшим общественного долга. Иначе говоря, Судебная коллегия резюмировала, что Лакотка совершил убийство Кайрана не из хулиганских побуждений, не в продолжение своих хулиганских действий, а из мести за выполнение потерпевшим своего общественного долга, исходя из того, что со стороны потерпевшего ранее было пресечение хулиганских действий.

В обоих вышеприведенных примерах было признано, что потерпевшие пресекали хулиганские действия виновных. Только в одном случае потерпевший (Коблов) ударил виновного, а в другом случае потерпевший (Кайран) сделал виновному замечание.

В связи с этим возникает следующий вопрос: каким должно быть вмешательство потерпевшего в действия хулигана, чтобы оно на основании закона было признано пресечением хулиганства, т. е. выполнением общественного долга? Достаточно ли сделать замечание или необходимо приложение физических сил?

Л. А. Андреева приводит следующий пример.

Климов на автобусной остановке приставал к гражданам, сквернословил, ударил женщину, толкнул другую. В это время подошел автобус. Климов, продолжая хулиганские действия, толкал выходящих пассажиров. Стоящий в очереди на посадку в автобус гражданин Глобишин сделал Климову замечание о его недостойном поведении. Климов подскочил к Глобишину и ударил его ножом в грудь. От полученного ранения Глобишин через час скончался⁵⁸.

⁵⁷ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР по уголовным делам. 1959—1971 гг. М., 1973. С. 206—207.

⁵⁸ Андреева Л. А. Квалификация умышленных убийств... С. 17.

Как должны квалифицироваться в этом случае действия Климова? Как убийство из хулиганских побуждений или как убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга?

Л. А. Андреева приходит к выводу, что содеянное Климовым следует квалифицировать как убийство, совершенное из хулиганских побуждений, поскольку замечание, сделанное хулигану, нельзя расценивать как пресечение хулиганских действий. По ее мнению, пресечение — это воспрепятствование совершению преступления активным вмешательством, в том числе и силой. «Не всякое сделанное замечание может рассматриваться как пресечение и, следовательно, расцениваться как выполнение общественного долга. Вмешательство, направленное на воспрепятствование совершению или продолжению преступления, конечно, может быть и словесным, но это должно быть настойчивое требование, как правило, с предупреждением принять более действенные меры, если преступник не прекратит свои действия. Тогда у убийцы действительно может возникнуть стремление отомстить за такое вмешательство»⁵⁹.

На наш взгляд, высказанные Л. А. Андреевой аргументы представляются достаточно убедительными. Следует согласиться с тем, что при разграничении убийства, совершенного в связи с выполнением общественного долга, и убийства, совершенного из хулиганских побуждений, в ситуациях, когда потерпевший вмешивается в действия хулигана, необходимо устанавливать характер и направленность действий потерпевшего, а также обстановку происшедшего. Именно данные обстоятельства могут помочь в установлении мотива действий виновного лица. Если потерпевший пресекал хулиганские действия, т. е. активно стремился прекратить хулиганство, то посягательство на его жизнь должно расцениваться как совершенное в связи с выполнением общественного долга, даже если действия потерпевшего выразились лишь в предупреждении хулигана о принятии более действенных мер в случае продолжения хулиганских действий. Если же со стороны потерпевшего хулигану было сделано замечание, не содержащее предупреждения о принятии более действенных мер в случае прекращения им хулиганских действий, то содеянное должно квалифицироваться как совершен-

⁵⁹ Там же.

ное из хулиганских побуждений, поскольку виновный использовал незначительный повод для расправы над потерпевшим, что является типичным признаком хулиганства.

Отличие убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от убийства, совершенного с целью скрыть другое преступление

В случае причинения смерти свидетелю возникает вопрос об отграничении убийства, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от убийства, предусмотренного п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку дача свидетельских показаний есть не что иное, как выполнение потерпевшим своего общественного долга. При разграничении названных составов следует исходить из того, что преступление, предусмотренное п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, является частным случаем убийства лица в связи с выполнением им общественного долга. Поэтому при конкуренции составов, предусмотренных пп. “б” и “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, применению подлежит пункт “к”, поскольку он содержит специальный состав по отношению к убийству, предусмотренному п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Так, в Постановлении Президиума Верховного суда РФ по делу Валякина было отмечено, что по смыслу закона причинение смерти другому человеку надлежит квалифицировать по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ в случаях, когда квалифицирующий признак убийства — с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение — является основным мотивом убийства⁶⁰.

Однако вышеназванный критерий разграничения не является универсальным, так как исходя только из него нельзя разграничить рассматриваемые составы преступлений во всех возможных случаях. Поэтому для правильной квалификации необходимо основываться и на дополнительных критериях. В литературе высказываются на этот счет неоднозначные суждения.

Так, Л. А. Андреева считает, что убийство лица в связи с его заявлением о готовящемся или совершенном преступлении либо за дачу свидетельских показаний следует квалифицировать по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а убийство свидетеля с целью облег-

⁶⁰ Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 5.

чения или сокрытия преступления — по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ⁶¹.

Т. В. Кондрашова утверждает: “Если был убит единственный свидетель, чьи показания могли бы быть решающими в раскрытии и изобличении виновного, либо убийство было совершено с целью запугать остальных очевидцев и заставить их или отказаться от дачи показаний, или изменить уже данные показания, что также повлекло бы сокрытие преступления и роли субъекта в нем, то речь должна идти о преступлении, предусмотренном п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если же лишение жизни свидетеля не могло существенно сказаться на ходе расследования дела и изобличении виновного, а целью лица была лишь месть за данные правдивые показания, то содеянное следует квалифицировать по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если имела место месть за ложные показания, то при отсутствии иных квалифицирующих признаков преступления содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ”⁶².

На наш взгляд, при разграничении рассматриваемых составов необходимо устанавливать мотив действий виновного лица. Представляется, что для определения мотива виновного при разграничении преступлений, предусмотренных п. “б” ч. 2 ст. 105 и п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо учитывать наличие (отсутствие) свидетельских показаний потерпевшего по делу. Если был убит человек, который еще не успел дать свидетельские показания, то это убийство с целью скрыть совершенное преступление. Если был убит свидетель, который уже дал показания по делу, то можно предположить, что в этом случае совершено преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку виновный, скорее всего, мстит потерпевшему за дачу свидетельских показаний, т. е. за выполнение общественного долга.

Не будет лишним обратить внимание и на то, в любом ли случае виновный должен знать о факте дачи (не дачи) показаний по делу потерпевшим, поскольку именно знание данного факта и является движущим мотивом его действий. В случае заблуждения, например виновный не знал, что потерпевший уже дал

⁶¹ Андреева Л. А. Квалификация убийств... С. 10.

⁶² Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 63.

показания по делу, содеянное должно квалифицироваться с учетом того мотива, который определил действия виновного. Иначе говоря, данная ошибка не должна влиять на квалификацию действий виновного лица.

Не простым является вопрос о возможности вменения по одному эпизоду одновременно п. “б” и п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По мнению Л. А. Андреевой, такая возможность не исключается. В частности, в одной из своих работ она отмечает следующее: “Мотив мести и цель облегчить или скрыть преступление могут сосуществовать. Так, например, убийца лишает жизни единственного очевидца ранее совершенного им преступления и в связи с тем, что он сообщил об этом преступлении органам власти, и для того, чтобы затруднить проведение следствия по делу и тем самым скрыть первое преступление. В таких случаях убийство, на наш взгляд, следует квалифицировать по пп. “в” и “е” ст. 102 УК РСФСР”⁶³ (пп. “б” и “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Аналогичного мнения придерживается Т. В. Кондрашова. Она пишет: “Не исключена идеальная совокупность мотива мести за правомерную деятельность жертвы и цели облегчить совершение другого преступления. В 1998 г. в одной из колоний строгого режима Свердловской области осужденный Клыков убил помощника начальника колонии, снял с его головы скальп, обмыл водой, обработал химическим составом, после чего надел как маску на свое лицо, переоделся в форму помощника начальника ИК и в таком виде пошел через пропускной пункт, совершив таким образом побег из мест лишения свободы. При совершении убийства Клыков стремился отомстить потерпевшему за добросовестное исполнение им своего служебного долга и одновременно преследовал цель облегчить совершение другого преступления — побега. Поэтому нам представляется, что верной была бы следующая квалификация его действий: пп. “б”, “к”, “м” ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 321, п. “б” ст. 313 УК РФ”⁶⁴.

По нашему мнению, возможно вменение только одного пункта: или п. “б”, или п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку они предусматривают ответственность за действия, совершенные по определенному мотиву. Мы исходим из того, что всегда имеется главное побуждение, которое непосредственно толкнуло винов-

⁶³ Андреева Л. А. Квалификация умышленных убийств... С. 20—21.
См. также: Она же. Квалификация убийств... С. 10.

⁶⁴ Кондрашова Т. В. Указ. соч. С. 62—63.

ного на совершение преступления. Конечно, не исключено, что виновный мог одновременно и мстить потерпевшему за его правомерное поведение, и стремиться совершить или скрыть другое преступление, однако в любом случае один из этих мотивов является доминирующим, определяющим поведение виновного в целом. Так, в примере, приведенном Т. В. Кондрашовой, осужденный Клыков, на наш взгляд, не столько хотел отомстить потерпевшему, хотя, наверное, и желал этого, сколько стремился совершить побег из колонии строгого режима. Поэтому его действия в отношении убийства помощника начальника колонии должны быть, по нашему мнению, квалифицированы без применения п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Представляется, что по каждому делу должен быть установлен и доказан именно тот мотив, который в конечном счете и вызвал у виновного лица решимость совершить то или иное преступление.

Отличие убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от убийства, совершенного в состоянии аффекта

Данные преступления приходится разграничивать в тех случаях, когда потерпевший был убит по мотиву мести после осуществления своего служебного или общественного долга. Квалификация по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ возможна только тогда, когда преступление совершено по мотиву мести за правомерные действия потерпевшего, именно в связи с правомерным поведением потерпевшего по осуществлению служебной деятельности или выполнению общественного долга. Квалификация по ст. 107 УК РФ предполагает, что потерпевший действовал или аморально, или противоправно.

Следовательно, если преступление совершено по мотиву мести за осуществление потерпевшим своего служебного или общественного долга, действия которого в силу различных причин были аморальны или противоправны, то при наличии всех признаков состава преступления применению подлежит ст. 107 УК РФ. В частности, для квалификации содеянного по ст. 107 УК РФ необходимо установить следующие обстоятельства: 1) поведение потерпевшего было противоправным или аморальным; 2) это поведение потерпевшего вызвало состояние сильного душевного волнения у виновного лица; 3) состояние

аффекта у виновного возникло внезапно как реакция на противоправное или аморальное поведение потерпевшего; 4) умысел на убийство потерпевшего возник у виновного в состоянии сильного душевного волнения; 5) данный умысел был реализован, когда виновный еще находился в состоянии сильного душевного волнения (аффекта). В противном случае содеянное подлежит иной квалификации, например по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Практически чаще всего приходится разграничивать рассматриваемые составы преступлений в случаях, когда убийство совершается после выполнения потерпевшим своего общественного долга. Однако бывают ситуации, когда преступление совершено после осуществления потерпевшим своего служебного долга. В подобных случаях правильно квалифицировать действия виновного лица бывает порой очень непросто. Рассмотрим следующий характерный для данной проблемы пример из судебной практики.

Сапронов В. был осужден за убийство Евдокимовой в связи с выполнением потерпевшей своего служебного долга. 7 марта 1973 г. Сапронов В., пьяный, около 24 часов возвратился домой. Его отец, Сапронов Н., пожаловался на плохое состояние здоровья, а затем со словами “умираю” упал на пол и потерял сознание. Для оказания больному медицинской помощи к Сапроновым пришла Евдокимова, работавшая заведующей медпунктом. Она сделала больному несколько уколов, но жизнь спасти не удалось.

Полагая, что в смерти отца повинна Евдокимова, которая, по мнению Сапронова, пришла с опозданием, Сапронов В. произвел в нее выстрел и убил.

Адвокат в кассационной жалобе ставил вопрос о переквалификации преступления, утверждая, что убийство совершено в состоянии душевного волнения, вызванного внезапной смертью отца виновного.

Судебная коллегия оставила приговор без изменения, посчитав, что юридическая оценка действий Сапронова В. является правильной⁶⁵.

На наш взгляд, квалификация действий Сапронова должна быть иной, поскольку в его действиях нет состава преступления, предусматривающего ответственность за убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга. Представляется, что Сапронов, в зависимости от обстоятельств дела, должен отвечать или за убийство, совершенное в состоянии аффекта, или за простое убийство, совершенное без отягчающих или смягчающих обстоятельств.

⁶⁵ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 1964—1972 гг. М., 1974. С. 235.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР пришла к выводу, что квалификация действий Сапронова В. как убийства, совершенного в связи с выполнением потерпевшей своего служебного долга, является правильной. Однако для подобной квалификации в данном случае необходимо было установить и доказать, что убийство было совершено по мотиву мести за правомерное осуществление потерпевшей своего служебного долга. Сапронов же мстил, считая, что именно Евдокимова виновата в смерти отца, поскольку пришла с опозданием, не торопилась, т. е. действовала не так, как должно. Иначе говоря, Сапронов мстил за неправомерное поведение Евдокимовой. Данное обстоятельство, даже если Сапронов и заблуждался в своем мнении, исключает квалификацию убийства Евдокимовой как совершенного в связи с правомерным осуществлением потерпевшей своего служебного долга. При таких обстоятельствах квалификацию действий Сапронова по п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) правильной признать нельзя. Не исключено, что действия Сапронова должны быть квалифицированы как совершенные в состоянии аффекта, поскольку у него были основания считать Евдокимову виновной в смерти отца из-за позднего прихода по вызову. Доводы адвоката являются несостоятельными, поскольку он ставил в кассационной жалобе вопрос о переквалификации, утверждая, что убийство было вызвано внезапной смертью отца, тогда как необходимо было акцентировать внимание суда на том, что преступление было вызвано, как считает его подзащитный, неправомерным поведением потерпевшей.

Таким образом, в рассмотренной ситуации не было оснований для квалификации убийства как совершенного в связи с осуществлением потерпевшей своего служебного долга, но судебная ошибка так и осталась неисправленной.

В другом случае действия виновного также первоначально квалифицировались как убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, однако затем обоснованно были переквалифицированы на убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Верховным судом Удмуртской Республики 19 мая 1997 г. Иванов осужден по ч. 1 ст. 107 УК РФ и п. “в” ст. 102 УК РСФСР.

Он признан виновным в умышленном убийстве 9 мая 1996 г. Скурихина в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, в умышленном убийстве Микрюковой в связи с выполнением ею своего общественного долга.

В основной и дополнительной кассационных жалобах Иванов и его адвокат просили действия Иванова по факту убийства Микрюковой переqualифицировать с п. “в” ст. 102 УК РСФСР на ч. 1 ст. 107 УК РФ, считая, что убийство потерпевших он совершил в состоянии аффекта, вызванного их неправомерными действиями.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 6 ноября 1997 г. приговор изменила, указав следующее.

Доводы осужденного о совершении им убийства потерпевших в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевших, в приговоре не опровергнуты, а напротив, подтверждены доказательствами по делу.

Как показал в судебном заседании Иванов, с потерпевшими, которые были его соседями по дому, у него сложились неприязненные взаимоотношения в связи с тем, что они систематически злоупотребляли спиртным, устраивали скандалы и дебоши, мешая нормальному отдыху соседей. 8 мая 1996 г. его жена — Молодцова, взволнованно сообщила ему, что Скурихин публично оскорблял ее без какого-либо повода во дворе дома. На следующий день он пошел к соседям, чтобы устыдить их за недостойное поведение. Скурихин и Микрюкова в состоянии алкогольного опьянения стали его оскорблять и избивать. Скурихин несколько раз ударил его ножом, Микрюкова же замахивалась столовой вилкой. Опасаясь за свою жизнь, действуя “как в гипнозе”, он отбивался табуретом, а затем подобранным ножом. Он пришел в себя от хрипа Микрюковой, лежавшей в крови.

Согласно показаниям свидетелей Жерневич, Прониной, Болдыревой, Вершинина, Синициной и других Скурихин и Микрюкова систематически устраивали пьяные ссоры и дебоши по месту жительства и мешали соседям отдыхать, замечания воспринимали агрессивно.

Как показала свидетель Молодцова (жена Иванова), потерпевшие, их соседи, нигде не работали, злоупотребляли спиртным, систематически устраивали скандалы. 8 мая 1996 г. Скурихин оскорбил ее во дворе дома, о чем она сказала мужу. 9 мая 1996 г., услышав шум, она заглянула в квартиру Скурихина и Микрюковой и увидела, что Скурихин с ножом и Микрюкова угрожают убийством ее мужу Иванову. Микрюкова набросилась на него с вилкой. В шоковом состоянии она убежала домой, куда вскоре весь в крови вернулся муж и попросил вызвать “скорую помощь”.

По словам свидетельницы Прониной Л., 9 мая 1996 г. она слышала, как в подъезде кричала Молодцова, а Иванов говорил, что его “довели”.

По показаниям свидетелей Болдыревой и Вершинина, Иванов был бледен и испуган, сообщая им о случившемся, плакал.

Согласно заключениям судебно-медицинских экспертов о тяжести телесных повреждений и причинах смерти потерпевших на момент убийства потерпевшие Скурихин и Микрюкова были в состоянии алкогольного опьянения.

В заключении экспертов, проводивших Иванову стационарную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, сделан вывод, что в момент

убийства Скурихина и Микрюковой он находился в состоянии аффекта, вызванного противоправными действиями потерпевших.

Как видно из материалов дела, убийство Скурихина и убийство Микрюковой совершены Ивановым в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

В связи с этим действия осужденного в части убийства Скурихина по ч. 1 ст. 107 УК РФ квалифицированы правильно, их правовая оценка в приговоре мотивирована.

Вместе с тем совершенное Ивановым убийство Микрюковой подлежит переквалификации с п. “в” ст. 102 УК РСФСР на ст. 104 УК РСФСР как умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим аморальным поведением потерпевших, усугубленной их противоправными действиями в момент конфликта.

При оценке содеянного Ивановым судом следовало в соответствии со ст. 10 УК РФ учесть положения ч. 1 ст. 107 УК РФ, согласно которой убийство, вызванное не только насилием или противоправными и аморальными действиями потерпевших, но и длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным и аморальным поведением потерпевших, должно быть квалифицировано как совершенное в состоянии аффекта независимо от того, повлекли или могли повлечь эти действия тяжкие последствия для виновного или его близких⁶⁶.

В данном случае убийство Микрюковой было вызвано длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с ее систематическим аморальным поведением, поэтому при таких обстоятельствах оснований для квалификации по п. “в” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) у суда не было. Аморальное поведение потерпевшей исключает квалификацию действий виновного по статье, предусматривающей ответственность за убийство, совершенное приотягчающих обстоятельствах.

Таким образом, при отграничении убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим своего служебного или общественного долга, от убийства, совершенного в состоянии аффекта, необходимо исходить из того, что для первого состава преступления характерно правомерное поведение потерпевшего, а для второго — противоправное или аморальное. И в том и в другом случае именно поведение потерпевшего вызывает у виновного желание совершить преступление. Однако в первом случае это может быть месть за правомерное, правильное, соответствующее нормам морали, нравственности, закону поведение потерпевшего, а во втором — месть за аморальное, неправиль-

⁶⁶ Бюллетень Верховного суда РФ. 1998. № 6.

ное, неправомерное поведение потерпевшего. В первом случае закон стоит на стороне потерпевшего, сурово наказывая виновного, а во втором проявляет снисхождение к виновному, поскольку поведение потерпевшего не может быть признано социально одобряемым.

Отличие убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, или деяния, совершенного в состоянии необходимой обороны

Проблема разграничения данных составов возникает, если деяние совершено во время выполнения потерпевшим служебного или общественного долга, который при определенных обстоятельствах не может быть признан правомерным и фактически образует признаки какого-либо состава преступления. Поэтому у виновного появляется право на необходимую оборону. Если он умышленно выходит за пределы необходимой обороны, защищаясь от общественно опасного посягательства со стороны потерпевшего, то должен отвечать за превышение пределов необходимой обороны.

По нашему мнению, если должностное лицо предъявляло явно незаконные требования к кому-либо, умышленно превышая полномочия, данные ему законом, пыталось, например, избить гражданина в связи с тем, что тот не выполняет его незаконные требования, то у последнего появляются все основания для защиты от незаконных действий должностного лица. Если гражданин, защищаясь от подобных действий должностного лица, причинит ему смерть, то он не может быть привлечен к уголовной ответственности за убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга. В данном случае действия должностного лица были преступны, а ответственность по п. "б" ч. 2 ст. 105 УК РФ наступает только в том случае, когда убийство было совершено в связи с правомерными действиями лица, осуществляющего свой служебный долг.

Следовательно, при отграничении убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим своего служебного или общественного долга, от убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, следует исходить из характера действий потерпевшего. Если потерпевший осуществлял свои действия правомерно, то убийство в целях пресечения

его правомерной деятельности должно квалифицироваться по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если же потерпевший действовал неправомерно, явно преступно, то причинение ему смерти в зависимости от обстоятельств дела должно квалифицироваться или как действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, или как убийство, совершенное при превышении ее пределов.

Примером неправомерных действий должностного лица может служить дело бывшего работника милиции Левчука, осужденного за хулиганство, превышение власти и убийство, совершенное из хулиганских побуждений, способом, опасным для жизни многих.

В сентябре Левчук был принят на работу в органы милиции и после окончания трехмесячных курсов направлен на службу в должности участкового уполномоченного в один из отдаленных районов Карелии.

18 августа, возвращаясь ночью из сельского клуба, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, он из хулиганских побуждений затеял ссору, а затем драку с гр. Пикалевым, во время которой нанес последнему рукояткой пистолета несколько ударов, а затем из тех же хулиганских побуждений открыл из пистолета беспорядочную стрельбу.

Придя после этого домой, Левчук переоделся в милицейскую форму, взял пистолет и около трех часов ночи вновь вышел на улицу. Встретив около дома Жебовых не известного ему гр. Лангуева К. К., он в грубой форме, под угрозой применения оружия потребовал от последнего предъявить документы. Лангуев объяснил, что документы находятся в доме его сестры Жебовой И. К., и с согласия Левчука вошел в дом. Через несколько минут, не дождавшись возвращения Лангуева, Левчук стал стучать в дверь указанного дома, требуя выпустить его и выкрикивая при этом различные угрозы.

На его стук из дома вышла потерпевшая Жебова И. К. и заявила, что в дом его не пустит. В связи с этим между потерпевшей и Левчуком возникла ссора, во время которой Левчук произносил угрозы, пытался проникнуть в дом, а потерпевшая сорвала с Левчука погоны и столкнула его с крыльца, от чего он упал. Поднявшись с земли, Левчук крикнул: “Бандитов скрываете, всех перестреляю!” — и выстрелил в Жебову.

Жебова была доставлена в больницу, где, не приходя в сознание, 26 августа умерла⁶⁷.

Исходя из обстоятельств дела, Левчук, работавший участковым уполномоченным, совершал явно незаконные действия. Поэтому противодействие ему со стороны потерпевших, если бы они на это решились, было бы признано правомерным.

⁶⁷ Бюллетень Верховного суда СССР. 1970. № 3.

***Отграничение убийства, совершенного в связи
с осуществлением потерпевшим служебной
деятельности или выполнением общественного долга,
от посягательства на жизнь лица в связи
с его служебной деятельностью***

В действующем Уголовном кодексе помимо п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ еще имеются три статьи, в которых предусматривается ответственность за посягательства на жизнь, совершенные в связи со служебной деятельностью потерпевшего. Это ст. 277 УК РФ — посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, ст. 295 УК РФ — посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, ст. 317 УК РФ — посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа.

Вопрос о разграничении вышеназванных составов преступлений возникает достаточно часто. По нашему мнению, при разграничении преступлений, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, и преступлений, предусмотренных ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, необходимо исходить из следующего. Убийство, совершенное в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности, и посягательство на жизнь в связи со служебной деятельностью потерпевшего соотносятся между собой как общий и специальный составы. При конкуренции общего и специального состава по общему правилу всегда применяется специальный состав. Поэтому если в деянии виновного лица имеются признаки преступления, предусмотренного или ст. 277 УК РФ, или ст. 295 УК РФ, или ст. 317 УК РФ, применению подлежит соответствующая статья УК, но никак не п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Пункт “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ в этих случаях может подлежать применению только тогда, когда преступление совершено несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет. В соответствии со ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет отвечают лишь за те преступления, которые названы в ст. 20 УК РФ. Преступления, предусмотренные ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ, в ней не названы, следовательно, за данные преступления несовершеннолетние в возрасте до 16 лет отвечать не могут. Однако в ст. 20 УК РФ упоминается ст. 105 УК РФ, а поскольку

названные статьи фактически предусматривают ответственность за убийство, постольку в этих случаях применению и подлежит п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В данной работе имеется необходимость обратиться к краткому анализу особенностей составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, по следующим соображениям.

Статьи 277, 295, 317 УК РФ предусматривают ответственность за посягательство на жизнь не просто в связи со служебной деятельностью потерпевшего, а в связи с конкретной деятельностью, прямо названной в законе. Однако необходимо учитывать, что, во-первых, данное общее правило нуждается в конкретизации. Во-вторых, преступления, предусмотренные ст.ст. 277, 295, 317 УК РФ, необходимо разграничивать не только с преступлением, предусмотренным п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, но и между собой. В-третьих, в названных статьях речь идет об ответственности за посягательство на жизнь в связи с конкретной деятельностью потерпевшего, т. е. в законе определены границы, когда возможно применение данных статей. Эти границы необходимо четко представлять для правильной квалификации содеянного виновным. Не исключено, что в конкретных случаях применению может подлежать не специальная статья, как это может показаться на первый взгляд, а ст. 105 УК РФ.

В самом деле, как, например, квалифицировать убийство сотрудника патрульно-постовой службы во время выполнения им своих служебных обязанностей, совершенное с целью завладения его табельным оружием? По п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, по ст. 317 УК РФ или как-то иначе? Ответить на данный вопрос, предварительно не разобравшись с особенностями названных составов преступлений, не так-то просто, если вообще возможно.

На практике чаще всего приходится сталкиваться с проблемой отграничения преступления, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ.

Отличие убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа

Исходя только из названия ст. 317 УК РФ, можно сделать вывод, что она предусматривает ответственность за посягатель-

ство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в связи с его служебной деятельностью. Однако простое прочтение диспозиции данной статьи показывает, что на самом деле ответственность установлена за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких, в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность.

Отсюда можно выделить следующие особенности рассматриваемого состава преступления: 1) ответственность предусмотрена не за убийство, а за посягательство на жизнь; 2) круг лиц, жизнь которых охраняется ст. 317 УК РФ, не ограничен только сотрудниками правоохранительных органов, а включает в себя и их близких, а также военнослужащих и близких военнослужащих; 3) ответственность установлена за посягательство на жизнь указанных лиц в целях воспрепятствования их законной деятельности или из мести за такую деятельность; 4) речь идет о преступлении в связи с деятельностью по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Некоторые из данных понятий нами были уже рассмотрены выше, например воспрепятствование законной деятельности или мечь за такую деятельность, поэтому обратимся только к тем, которые еще не были предметом анализа. Так, несомненно, необходимо остановиться на понятии “посягательство”. Оно раскрывается в постановлении Пленума Верховного суда СССР “О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка” от 22 сентября 1989 г.⁶⁸, а также в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР “О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка” от 24 сентября 1991 г.⁶⁹.

⁶⁸ Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 296—301.

⁶⁹ Там же. С. 447—450.

В п. 5 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 22 сентября 1989 г. отмечается, что под посягательством на жизнь надлежит понимать убийство или покушение на убийство работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка, и такие действия независимо от последствий следует квалифицировать как оконченное преступление только по ст. 191² УК РСФСР (ст. 317 УК РФ) и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Иначе говоря, диспозиция ст. 317 УК РФ охватывает как оконченное преступление, так и покушение на него. Показательно в этом смысле дело Игнатова.

Приговором Приморского краевого суда от 5 апреля 1974 г. Игнатов осужден по ст. 191² УК РСФСР (ст. 317 УК РФ).

Он признан виновным в посягательстве на жизнь работника милиции Германа, совершенном в г. Владивостоке при следующих обстоятельствах.

Днем 22 октября 1973 г. Игнатов с незнакомыми ему мужчинами распивал в парке спиртные напитки, при этом указанные лица высказали мысль об убийстве сотрудника милиции. Опьяневший Игнатов, взяв столовый нож, с целью убийства пришел к Фрунзенскому районному отделению милиции.

Встав за угол, около входной двери, Игнатов приготовил нож и стал ждать кого-либо из сотрудников милиции. Около 18 часов из отдела вышел одетый в милицескую форму Герман. Имея умысел на убийство, Игнатов сзади напал на Германа, крикнув “Убью, милиционер!”, но потерпевшему удалось предотвратить удар ножом и приемом обезоружить Игнатова, после чего тот был задержан и доставлен в помещение отдела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 27 мая 1974 г., рассмотрев дело по кассационным жалобам родителей осужденного и адвоката, просившего содеянное Игнатовым переквалифицировать на ст. 15 и ст. 191² УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и ст. 317 УК РФ) на том основании, что, по его мнению, реальной опасности для жизни потерпевшего не было, так как ему не причинены ранения, приговор оставила без изменения и указала следующее.

Из объяснений Игнатова, которые он дал на следствии и в суде, видно, что во время распития спиртных напитков он, выполняя предложение находившихся с ним взрослых лиц, взял заточенный столовый нож, затем пришел к отделению милиции, где пытался ножом убить сотрудника милиции.

Как показал потерпевший, Игнатов набросился на него с ножом сзади с криком “Убью, милиционер!”, но он применил специальный прием и переброшил Игнатова через себя. Затем Игнатов привстал, взял в руки упавший нож и вновь хотел им ударить, но Герман его обезоружил и привел в отделение милиции. “Первый взмах руки Игнатова был на уровне моей шеи”, — пояснил Герман в судебном заседании.

Как в ходе расследования дела, так и в судебном заседании Игнатов утверждал, что он совершил преступление потому, что был пьян и поддался влиянию взрослых лиц. Кроме того, Игнатов последовательно пояснял, что он имел

умысел на убийство именно сотрудника милиции и с этой целью пришел к отделению милиции “Если бы милиционер не выбил у меня нож, то я бы зарезал его”, — показывал Игнатов на следствии.

Аналогичные показания он дал и в суде. Из протокола осмотра вещественного доказательства видно, что изъятый у Игнатова нож имеет лезвие 95 мм, заточенное абразивным инструментом, общая длина ножа 210 мм.

Оценив все доказательства в совокупности, суд правильно указал в приговоре, что Игнатов, имея умысел на лишение жизни сотрудника милиции, пытался осуществить свой замысел, но не смог этого сделать по не зависящим от него причинам, так как потерпевший оказал активное сопротивление и обезоружил его.

Действия Игнатова как посягательство на жизнь работника милиции по ст. 191² УК РСФСР (ст. 317 УК РФ) квалифицированы правильно. Они не могут быть переквалифицированы на ст. 15 и ст. 191² УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и ст. 317 УК РФ), так как посягательство на жизнь работника милиции включает в себя как покушение на совершение данного преступления, так и его окончанный состав.

Тот факт, что потерпевшему Герману не было причинено никаких телесных повреждений, сам по себе не может служить основанием для освобождения Игнатова от уголовной ответственности и на квалификацию действий осужденного не влияет. Утверждение в жалобе о том, что для жизни работника милиции не существовало реальной опасности, опровергается доказательствами по делу⁷⁰.

В п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 24 сентября 1991 г. разъясняется: “Поскольку под посягательством на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка понимается убийство либо покушение на убийство этих лиц, судам следует в соответствии со ст. 314 УПК РСФСР обосновывать в приговоре установленный по делу характер вины, учитывая при этом, что убийство указанных лиц совершается как с прямым, так и с косвенным умыслом, а покушение на их убийство — лишь с прямым умыслом”.

Так, Садиев правильно был осужден не за покушение на жизнь сотрудника правоохранительного органа, а за применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, т. е. по ч. 2 ст. 318 УК РФ. Протест прокурора в данном случае нельзя признать обоснованным.

Пермским областным судом 23 апреля 1998 г. Садиев осужден по ч. 3 ст. 213 и по ч. 2 ст. 318 УК РФ.

⁷⁰ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1974. № 12.

Он признан виновным в хулиганстве, совершенном с применением ножа, и в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти Боринских в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Заместитель прокурора Пермской области, не оспаривая приговор в отношении осуждения Садиева за хулиганство, в кассационном протесте поставил вопрос об отмене приговора в части его осуждения по ч. 2 ст. 318 УК РФ с направлением дела на новое рассмотрение, указав, что Садиев ударами ножа причинил работнику милиции Боринских колото-резаные ранения в левой паховой области и на левой ушной раковине и пытался нанести еще несколько ударов, т. е. совершил посягательство на жизнь работника милиции, в связи с чем органы предварительного следствия обоснованно квалифицировали его действия по ст. 317 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 30 сентября 1998 г. приговор Пермского областного суда оставила без изменения, а кассационный протест без удовлетворения, указав следующее.

Садиев осужден обоснованно. Доводы прокурора о необходимости изменения квалификации действий Садиева опровергаются материалами дела.

Вина Садиева в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителя власти установлена показаниями потерпевшего Боринских, свидетелей, работников милиции Вяткина, Фотина и других, протоколом осмотра места происшествия, заключением судебно-медицинского эксперта о тяжести причиненного потерпевшему телесного повреждения и другими доказательствами.

Осужденный не отрицал, что причинил Боринских телесные повреждения ножом. Однако как на предварительном следствии, так и в судебном заседании он утверждал, что не имел умысла на посягательство на жизнь работника милиции.

Показания Садиева об отсутствии у него умысла на убийство материалами дела не опровергнуты.

По смыслу закона лицо может быть признано виновным в посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа только при наличии прямого умысла, т. е. когда действия виновного свидетельствуют о том, что он предвидел наступление смерти и желал этого.

В протесте не были приведены доказательства наличия у Садиева прямого умысла на убийство потерпевшего.

Высказывание осужденного во время совершения хулиганства, что он всех порежет, в том числе и себя, не свидетельствует о прямом умысле на убийство Боринских, поскольку конкретно кому-либо убийством он не угрожал, а, как видно из его показаний, размахивал ножом, пытаясь закрыть дверь и не пустить сотрудников милиции в свою квартиру, в результате чего Боринских были причинены легкие телесные повреждения в паху и на левой ушной раковине.

При таких обстоятельствах, оценив показания Садиева, потерпевшего Боринских и свидетелей в совокупности со всеми материалами дела, суд обоснованно пришел к выводу об отсутствии у виновного прямого умысла на посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа и правильно ква-

лифицировал его действия по ч. 2 ст. 318 УК РФ как применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти⁷¹.

Таким образом, из разъяснений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР следует, что посягательство — это и убийство и покушение на убийство. Убийство может быть совершено с любым видом умысла, а покушение — только с прямым. Для признания посягательства оконченным не требуется, чтобы наступила смерть потерпевшего. Конструкция данного состава преступления такова, что уже на стадии покушения на убийство оно признается выполненным. Поэтому квалифицировать содеянное как покушение на жизнь сотрудника правоохранительного органа, т. е. по ч. 3 ст. 30 и ст. 317 УК РФ не следует, а необходимо вменить в этом случае только ст. 317 УК РФ. Однако если по обстоятельствам дела видно, что виновный выполнил лишь приготовление к посягательству на жизнь работника правоохранительного органа, то его действия должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 30 и ст. 317 УК РФ. Представляется, что отличие приготовления от покушения заключается в следующем. При приготовлении виновным не выполняется объективная сторона преступления. Им совершаются действия, направленные на создание условий для последующего совершения преступления. При покушении виновный приступает к выполнению объективной стороны состава преступления, т. е. в этом случае он совершает действия, непосредственно направленные на лишение потерпевшего жизни.

Кто может быть потерпевшим в результате преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ? Ответ на данный вопрос, как мы уже отмечали выше, дан в самом законе. Это сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и близкие названных лиц. Следовательно, наша задача заключается в том, чтобы раскрыть понятия “сотрудник правоохранительного органа” и “военнослужащий” применительно к рассматриваемому составу преступления.

Однако прежде чем мы к этому приступим, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что круг потерпевших в связи с принятием нового УК претерпел изменения. В ст. 191² УК РСФСР предусматривалась ответственность за посягательство на жизнь работника милиции и народного дружинника.

⁷¹ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 6.

Исходя из разъяснений, содержащихся в Постановлениях Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР, можно было сделать вывод, что жизнь военнослужащих, выполнявших обязанности по охране общественного порядка, также охранялась данной статьей. Следовательно, применительно к ст. 191² УК РСФСР потерпевшими признавались работники милиции, народные дружинники, военнослужащие. В настоящее время таковыми признаются сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и их близкие.

Таким образом, из круга потерпевших были исключены народные дружинники, а добавлены близкие лиц, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Кроме того, если ранее потерпевшими признавались только работники милиции, то в настоящее время сотрудники правоохранительных органов. В силу чего круг потерпевших, конечно же, стал гораздо шире. Посягательство на жизнь и здоровье дружинников в настоящее время должно квалифицироваться как преступление против личности, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

Правовое положение военнослужащих, их права и обязанности определены в Федеральном законе “О статусе военнослужащих” от 27 мая 1998 г.⁷² В ст. 12 данного Закона закреплено:

1. Военнослужащие проходят военную службу по контракту или военную службу по призыву в соответствии с федеральным законом о воинской обязанности и военной службе.

К военнослужащим относятся:

офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных образовательных учреждений профессионального образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту (далее — военнослужащие, проходящие военную службу по контракту);

офицеры, призванные на военную службу в соответствии с указом Президента Российской Федерации;

сержанты, старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву, курсанты военных образовательных учреждений профессионального образования до заключения с

⁷² Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331; 1999. № 29. Ст. 3682; 2000. № 1. Ст. 12; № 26. Ст. 2729; № 33. Ст. 3348.

ними контракта (далее — военнослужащие, проходящие военную службу по призыву).

Офицеры, призванные на военную службу в соответствии с указом Президента Российской Федерации, по своему правовому положению приравниваются к офицерам, проходящим военную службу по контракту, если иное не предусмотрено федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Условия контракта о прохождении военной службы определяются федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

2. Граждане приобретают статус военнослужащих с началом военной службы и утрачивают его с окончанием военной службы.

На граждан, призванных на военные сборы, статус военнослужащих распространяется в случаях и порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

3. За гражданами, проходившими военную службу в воинских частях Вооруженных Сил Союза ССР, других воинских формированиях Союза ССР и государств — участников Содружества Независимых Государств до принятия указанных воинских формирований под юрисдикцию Российской Федерации и перешедшими на военную службу в войска или иные воинские формирования, организации других государств, ранее входивших в состав Союза ССР, сохраняются льготы, гарантии и компенсации, предусмотренные настоящим Федеральным законом, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, при условии заключения и ратификации в установленном порядке соответствующих международных договоров Российской Федерации.

4. Статус военнослужащих, проходящих военную службу на территориях государств, не указанных в пункте 3 настоящей статьи, а также военнослужащих, направленных в вооруженные силы указанных государств в порядке военного сотрудничества, определяется в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Привлечение военнослужащих к выполнению работ, не обусловленных исполнением обязанностей военной службы, допускается в случаях, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом на военнослужащих распространяются правовые нормы, предусмотренные для других граждан, выполняющих указанные работы (ст. 8 Федерального закона “О статусе военнослужащих”).

Обеспечение общественного порядка и обеспечение общественной безопасности возлагается на внутренние войска Министерства внутренних дел России⁷³.

Согласно закону внутренние войска МВД РФ несут патрульно-постовую службу в городах и населенных пунктах, обеспечивают общественную безопасность при проведении массовых мероприятий, оказывают содействие органам внутренних дел в принятии неотложных мер по спасению людей, охране имущества, оставшегося без присмотра, охраняют общественный порядок при авариях, катастрофах, пожарах, стихийных бедствиях и других чрезвычайных обстоятельствах, а также обеспечивают правовой режим чрезвычайного положения, участвуют в пресечении массовых беспорядков в населенных пунктах, а при необходимости — и в уголовно-исполнительных учреждениях.

Кто относится к сотрудникам правоохранительных органов в смысле ст. 317 УК РФ? Ответ на данный вопрос представляется не простым, поскольку единого перечня сотрудников правоохранительных органов в настоящее время не существует. Лишь в Федеральном законе “О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов” от 20 апреля 1995 г.⁷⁴ названы лица, которые подлежат государственной защите при наличии угрозы посягательства на их жизнь, здоровье и имущество в связи с их служебной деятельностью. Среди них есть те, кого можно отнести к сотрудникам правоохранительных органов. Однако при одном обязательном условии. Их деятельность должна заключаться в охране обще-

⁷³ См.: О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.97 г. // Собрание законодательства РФ, 1997. № 6. Ст. 711; 2000. № 26. Ст. 2730; № 46. Ст. 4537.

⁷⁴ Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; 1995. № 17. Ст. 1455; 1998. № 30. Ст. 3613; 1999. № 2. Ст. 238; 2000. № 10. Ст. 1067; 2001. № 26. Ст. 2580.

ственного порядка и обеспечении общественной безопасности, поскольку этого требует диспозиция ст. 317 УК РФ.

Следовательно, понятие “сотрудник правоохранительного органа” необходимо анализировать в неразрывной связи с понятием “охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности”. Если посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа было совершено в связи с его деятельностью по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, то применению подлежит ст. 317 УК РФ. Если в связи с другой служебной деятельностью, то квалифицировать содеянное, при наличии всех необходимых признаков, следует по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Содержание понятия “деятельность по охране общественного порядка” раскрывается в постановлении Пленума Верховного суда СССР “О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка” от 22 сентября 1989 г.

В частности, в п. 5 данного Постановления отмечается, что “под исполнением обязанностей по охране общественного порядка работниками милиции, народными дружинниками, а также военнослужащими следует понимать несение ими постовой или патрульной службы на улицах и в общественных местах; поддержание порядка во время проведения массовых мероприятий, при ликвидации последствий аварий, общественных и стихийных бедствий; предотвращение или пресечение противоправных посягательств”⁷⁵.

Таким образом, сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие в тех случаях признаются исполняющими обязанности по охране общественного порядка, когда они: 1) несут патрульно-постовую службу; 2) поддерживают порядок при проведении массовых мероприятий; 3) предотвращают или пресекают противоправные посягательства.

Патрульно-постовую службу и поддержание порядка в общественных местах и при проведении массовых мероприятий осуществляют, как правило, сотрудники милиции органов внутрен-

⁷⁵ Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 298.

них дел МВД РФ, а также военнослужащие внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации. Предотвращать или пресекать противоправные посяательства могут как вышеназванные лица, так и сотрудники самых различных служб, например лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов контрразведки, федеральных органов налоговой полиции, судебные исполнители, сотрудники федеральных органов государственной охраны, работники таможенных органов и т. д.

Однако, несмотря на понятность приведенных формулировок, полной ясности в том, кого относить к потерпевшим в смысле ст. 317 УК РФ, они не дают.

Например, возникают сложности при квалификации в следующем случае. Сотрудник МВД, служебная деятельность которого не была связана с пресечением и предупреждением преступлений, возвращаясь с работы, попытался пресечь хулиганство, но в связи с этим был убит. В этом случае применению подлежит п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ или ст. 317 УК РФ, а может быть, ст. 295 УК РФ?

С одной стороны, погибший был сотрудником правоохранительного органа. С другой — он в силу своих служебных обязанностей не занимался деятельностью по охране общественного порядка. В то же время смерть потерпевшему была причинена во время пресечения им преступления, т. е. вроде бы в связи с деятельностью по охране общественного порядка. Как в этом случае квалифицировать содеянное виновным?

В более широком плане данный вопрос можно сформулировать следующим образом. Должна ли деятельность по охране общественного порядка составлять суть служебных обязанностей потерпевшего или же для привлечения виновного к ответственности по ст. 317 УК РФ достаточно установить, что сотрудник правоохранительного органа или военнослужащий, независимо от характера служебной деятельности, пресекал или предотвращал правонарушение в момент посяательства на его жизнь?

Представляется, что при определении того, кто может быть потерпевшим в смысле ст. 317 УК РФ, необходимо исходить из следующих критериев: 1) принадлежности погибшего лица к тому или иному органу; 2) характера исполняемых им служеб-

ных обязанностей; 3) обстоятельств гибели потерпевшего. Иначе говоря, для вменения виновному преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, необходимо установить, что: 1) имелось посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего (их близких); 2) в его служебные обязанности входит деятельность по охране общественного порядка; 3) преступление было совершено в целях воспрепятствования законной деятельности потерпевшего или по мотиву мести за такую деятельность.

В вышеприведенном примере содеянное виновным (Садиевым), на наш взгляд, должно быть квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга, поскольку служебных обязанностей по охране общественного порядка он в этом случае не выполнял.

По нашему мнению, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (военнослужащего, а также близких указанных лиц) только тогда может квалифицироваться по ст. 317 УК РФ, когда деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности входит в служебные обязанности потерпевшего. В противном случае применению подлежит п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Из этого правила есть исключение, связанное с регламентированием служебных обязанностей и прав некоторых категорий сотрудников правоохранительных органов, например сотрудников милиции.

В соответствии с Законом РФ “О милиции” от 18 апреля 1991 г.⁷⁶ сотрудники милиции на всей территории Российской Федерации независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени обязаны в случае обращения к ним граждан с заявлением о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, либо в случае непосредственного обнаружения сотрудником милиции таких событий принять меры к спасению людей, предотвращению и пресечению правонарушения, задер-

⁷⁶ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503; Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 360; № 32. Ст. 1231; Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2964; 1999. № 14. Ст. 1666; № 49. Ст. 5905; 2000. № 31. Ст. 3204; № 46. Ст. 4537; 2001. № 1. Ст. 15; № 31. Ст. 3172; № 32. Ст. 3316.

жанию лица по подозрению в его совершении, охране места происшествия и сообщить об этом в ближайшее подразделение милиции.

В п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР “О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка” от 22 сентября 1989 г. разъяснено, что ответственность по ст. 191² УК РСФСР (ст. 317 УК РФ) наступает независимо от того, находился работник милиции на дежурстве или же по своей инициативе либо по просьбе граждан принял меры к предотвращению нарушений общественного порядка или пресечению преступления⁷⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сотрудник милиции всегда и везде находится на охране общественного порядка. Поэтому при осознании виновным того, что он совершает посягательство на жизнь сотрудника милиции при пресечении или предотвращении последним правонарушения, содеянное должно квалифицироваться по ст. 317 УК РФ. Не имеет значения, при каких обстоятельствах сотрудник милиции пресекал или предотвращал правонарушение: выполнял служебные обязанности по охране общественного порядка или шел на работу (домой), во время отпуска или в нерабочее время, по собственной инициативе или по инициативе других лиц.

В связи с вышесказанным вызывает возражение рекомендация, данная Т. В. Кондрашовой. Она предлагает лишение жизни работника милиции в связи с проверкой им паспортного режима квалифицировать не по ст. 317 УК РФ, а по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, потому что, по ее мнению, в этом случае работник милиции не выполняет деятельности по охране общественного порядка⁷⁸.

Данное суждение представляется ошибочным. Проверка паспортного режима — это деятельность по охране общественного порядка, поскольку она направлена на пресечение или предупреждение правонарушений. Кроме того, несоблюдение режима регистрации само по себе является правонарушением. Поэтому в рассматриваемом случае имеются основания для квалифика-

⁷⁷ Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 297.

⁷⁸ Кондрашова Т. В. Указ. соч. С. 61.

ции содеянного именно по ст. 317 УК РФ, а не по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Если же посягательство на жизнь работника милиции было совершено не связи с деятельностью по охране общественного порядка, то оно не подлежит квалификации по ст. 317 УК РФ. Содеянное виновным следует квалифицировать в зависимости от обстоятельств дела.

Так, в свое время возникли сложности при квалификации действий Гращенкова. На наш взгляд, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР необоснованно отменила определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда о возвращении дела на доследование. Обстоятельства дела следующие.

Гращенков с целью завладения пистолетом напал на работника милиции Михайлова. Обманным путем, якобы для обнаружения спрятанного кем-то оружия, Гращенков завел Михайлова в безлюдное место и там, когда Михайлов нагнулся, ища в снегу оружие, ударил его обрезом малокалиберной винтовки по голове, а затем нанес ему удар кинжалом в спину. После этого Гращенков пытался достать у Михайлова из кобуры пистолет. Однако, несмотря на тяжесть и опасность для жизни ранений, Михайлов оказал сопротивление, в связи с чем Гращенков, не завладев пистолетом, скрылся.

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда возвратила дело на дополнительное расследование по следующим основаниям: Гращенков совершил нападение на милиционера Михайлова не в целях противодействия его деятельности по охране общественного порядка, а по другим мотивам. Поэтому он не может нести ответственность по ст. 191² УК РСФСР (ст. 317 УК РФ).

Прокурор принес протест на это определение в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, мотивировав его тем, что квалификация действий Гращенкова была осуществлена в соответствии с законом.

Проверив материалы дела и обсудив доводы протеста об отмене указанного определения областного суда, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР нашла частный протест обоснованным.

По ее мнению, областной суд пришел к неправильному выводу о том, что ответственность по ст. 191² УК (ст. 317 УК РФ) наступает лишь в случаях, когда преступные действия виновных являлись противодействием деятельности по охране общественного порядка работников милиции или народных дружинников. Согласно диспозиции ст. 191² УК РСФСР (ст. 317 УК РФ) виновные несут ответственность по данной статье при всех обстоятельствах, если посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника находилось в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка, а не только когда оно представляло собой известное противодействие.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила определение судебной коллегии областного суда в отношении Гращенко и дело направила на новое рассмотрение в тот же суд, в ином составе судей, со стадии судебного разбирательства⁷⁹.

По нашему мнению, в данном случае судебная коллегия областного суда поступила правильно, послав дело на доследование, поскольку посягательство на жизнь работника милиции было совершено не связи с деятельностью потерпевшего по охране общественного порядка. Виновный совершил посягательство на жизнь Михайлова с целью завладения его табельным оружием, т. е. по корыстному мотиву, а не по мотиву воспрепятствования деятельности по охране общественного порядка и не по мотиву мести за осуществление такой деятельности. При подобных обстоятельствах нет оснований для квалификации содеянного виновным по ст. 191² УК РСФСР (ст. 317 УК РФ).

В некоторых случаях виновный может не знать в момент посягательства на жизнь работника милиции, что тот выполняет обязанности по охране общественного порядка, поскольку, например, потерпевший находился в гражданской одежде. Если посягательство на жизнь работника милиции совершается в связи с тем, что он пресекал или предотвращал правонарушение, то содеянное виновным должно быть квалифицировано не по ст. 317 УК РФ, а по п. "б" ч. 2 ст. 105 УК РФ. Для вменения ст. 317 УК РФ виновный должен осознавать, что он совершает посягательство на жизнь работника милиции в связи с его действиями по пресечению или предотвращению правонарушения, независимо от того, находился он в это время на службе или нет. Посягательство на жизнь других лиц, являющихся сотрудниками правоохранительных органов или военнослужащими, квалифицируется по ст. 317 УК РФ, только если они выполняли служебную деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

При разграничении преступлений, предусмотренных п. "б" ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 317 УК РФ, необходимо обращаться к нормативным актам, регламентирующим деятельность сотрудников милиции.

⁷⁹ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1964. № 3.

В соответствии со ст. 1 Закона РФ “О милиции” милиция в Российской Федерации — это система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных посягательств и иных противоправных посягательств. Милиция входит в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Задачи милиции определяются в ст. 2 Закона РФ “О милиции”. Ими являются:

- обеспечение безопасности личности;
- предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;
- выявление и раскрытие преступлений;
- охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;
- защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;
- оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов в пределах, установленных Законом “О милиции”.

Милиция в Российской Федерации подразделяется на криминальную милицию и милицию общественной безопасности.

Основными задачами криминальной милиции являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия обязательно, организация и осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших и иных лиц в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации (ст. 8 Закона РФ “О милиции”).

Правительством России утверждена структура криминальной милиции. Вся криминальная милиция подразделяется на федеральную криминальную милицию, криминальную милицию в субъектах Российской Федерации, криминальную милицию на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и криминальную милицию в закрытых административно-территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах. В криминальную милицию входят Национальное центральное бюро Интерпола и его территориальные подразделения, а также следующие подразделения:

- а) уголовного розыска;
- б) по борьбе с экономическими преступлениями;
- в) по борьбе с незаконным оборотом оружия;
- г) по борьбе с организованной преступностью, в том числе специальные отряды (отделы) быстрого реагирования;
- д) по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий;
- е) оперативно-поисковые;
- ж) оперативно-технических мероприятий;
- з) собственной безопасности;
- и) отряды милиции специального назначения⁸⁰.

Основными задачами милиции общественной безопасности (местной милиции) являются обеспечение безопасности личности, общественной безопасности, охрана собственности, общественного порядка, выявление, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, раскрытие преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия не обязательно, розыск отдельных лиц, установление места нахождения которых отнесено к компетенции милиции общественной безопасности (ст. 8 Закона РФ “О милиции”).

Структуру милиции общественной безопасности (местной милиции) образуют следующие подразделения:

- 1) дежурные части;
- 2) участковые инспектора милиции;
- 3) Государственная инспекция безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации;
- 4) изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых;
- 5) специальные приемники для содержания лиц, арестованных в административном порядке;
- 6) приемники-распределители для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество;
- 7) медицинские вытрезвители при органах внутренних дел;
- 8) центры временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей;
- 9) отряды милиции особого назначения;
- 10) подразделения:

⁸⁰ См.: О подразделениях криминальной милиции: Постановление Правительства РФ от 07.12.2000 г. № 925 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4904.

- а) милиции вневедомственной охраны при органах внутренних дел;
- б) дознания;
- в) патрульно-постовой службы милиции;
- г) лицензионно-разрешительной работы и контроля за частной детективной и охранной деятельностью;
- д) охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых;
- е) по делам несовершеннолетних;
- ж) по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнению административного законодательства;
- з) по охране дипломатических представительств и консульств иностранных государств⁸¹.

В соответствии со ст. 17 Закона РФ “О милиции” “сотрудниками милиции в Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, состоящие на должностях рядового или начальствующего состава органов внутренних дел, которым в установленном порядке присвоены специальные звания рядового или начальствующего состава милиции. Сотрудники милиции могут проходить службу не на должностях рядового или начальствующего состава в случаях:

- а) нахождения в распоряжении органов внутренних дел;
- б) нахождения за штатом;
- в) прикомандирования к органам государственной власти, а также к иным организациям.

Сотрудникам милиции выдаются служебные удостоверения установленного Министерством внутренних дел Российской Федерации образца и специальные жетоны с личным номером.

Сотрудники милиции имеют форменную одежду, образцы которой утверждаются Правительством Российской Федерации.

Сотрудники милиции имеют право на постоянное ношение и хранение табельного огнестрельного оружия и специальных средств. Порядок выдачи, ношения и хранения указанных оружия и специальных средств определяется министром внутренних дел Российской Федерации.

По решению органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации форменная одежда милиции общественной безопасности субъектов Российской Федерации может иметь

⁸¹ См.: О подразделениях милиции общественной безопасности: Постановление Правительства РФ от 07.12.2000 г. № 926 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4905.

дополнительную отличительную нагрудную и нарукавную символику”.

К выполнению обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественного порядка могут привлекаться не только сотрудники милиции, но и другие лица. Так, в ст. 6 Закона РФ “О милиции” предусмотрено, что лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, не являющиеся сотрудниками милиции, а также стажеры во время испытательного срока могут привлекаться к выполнению задач милиции с момента и в порядке, определяемых министром внутренних дел Российской Федерации. В этом случае на них распространяются обязанности и права, гарантии правовой и социальной защищенности, а также ответственность, предусмотренные для сотрудников милиции.

Следовательно, посягательство на жизнь указанных лиц с момента привлечения их к выполнению задач милиции также должно квалифицироваться по ст. 317 УК РФ, а не по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Граждане, как правило, хорошо осознают цели и задачи деятельности милиции по борьбе с преступностью. Поэтому если доказано, что совершено посягательство на жизнь именно сотрудника милиции в связи с данной правомерной деятельностью, то имеются основания для квалификации содеянного по ст. 317 УК РФ независимо от места, времени и иных обстоятельств происшедшего.

В судебной практике неоднократно возникали вопросы о квалификации посягательства на жизнь сотрудников милиции, которые в свободное от основной работы время привлекались к охране банков, рынков, магазинов, ресторанов и других частных заведений с использованием форменной одежды, служебного удостоверения, спецсредств или оружия. Представляется, что если посягательство на жизнь этих сотрудников милиции было совершено в связи с их деятельностью по охране общественного порядка, то содеянное должно быть квалифицировано по ст. 317 УК РФ. На подобное решение вопроса не должно влиять то обстоятельство, что сотрудникам милиции запрещается заниматься любыми видами деятельности, за исключением творческой, научной и педагогической. Сотрудники милиции в любое время и в любом месте должны пресекать или предотвращать правонарушения, поэтому посягательство на их жизнь в

подобных случаях есть не что иное, как посягательство на жизнь сотрудника милиции в связи с деятельностью по охране общественного порядка.

Например, посягательство на жизнь сотрудника милиции, одетого в гражданскую одежду, который, находясь в отпуске, в парке отдыха пресекал хулиганство, представившись сотрудником милиции и показав удостоверение, должно квалифицироваться по ст. 317 УК РФ. Если бы виновный не знал о том, что перед ним работник милиции, то его действия подлежали бы квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как потерпевший при таких обстоятельствах в глазах преступника выполнял свой общественный долг, в связи с чем и был убит.

Представляется абсолютно необоснованной рекомендация квалифицировать по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ содеянное виновным в случаях, когда посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов или военнослужащего совершено на почве личных взаимоотношений или конфликтов, из корысти или ревности⁸².

В подобных ситуациях преступление совершается не в связи с осуществлением служебной деятельности потерпевшего, поэтому для квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ нет никаких законных оснований. Для вменения преступления, предусмотренного данной нормой, как и преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, необходимо установить, что посягательство на жизнь потерпевшего совершено именно в связи с его служебной деятельностью, а не в связи с личными взаимоотношениями или из корыстных побуждений.

Например, убийство сотрудника милиции во время несения им патрульно-постовой службы, совершенное с целью завладения его табельным оружием, не может быть квалифицировано ни по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, ни по ст. 317 УК РФ. Ни для первой, ни для второй квалификации в данном случае нет оснований, поскольку преступление совершено не в связи с выполнением потерпевшим служебной деятельности, а из корыстных побуждений. Действия виновного подлежат квалификации по п. “б” ч. 4 ст. 226 УК РФ и п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Он совершил хищение огнестрельного оружия с применением насилия,

⁸² См.: Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1998. С. 672.

опасного для жизни и здоровья потерпевшего (разбой) и убийство, сопряженное с разбоем.

Следует подчеркнуть, что ответственность за посягательство на жизнь работника милиции может наступать лишь при условии, что потерпевший является работником милиции и посягательство совершается в связи с его деятельностью по охране общественного порядка. В противном случае квалифицировать содеянное по ст. 317 УК РФ нельзя. Если посягательство на жизнь работника милиции было совершено в связи с его неправомерными действиями, то в действиях оборонявшегося вообще может не быть состава преступления. Вот характерный пример.

Сачко был осужден Донецким областным судом в связи с посягательством на жизнь работника милиции Егорова. В кассационном порядке приговор оставлен без изменения.

Считая, что в действиях Сачко нет состава преступления, заместитель Генерального прокурора СССР опротестовал приговор и кассационное определение.

По делу установлено, что около 11 часов вечера работник милиции Егоров, одетый в гражданскую одежду, проходя по лесопосадкам в районе одной из улиц в г. Макеевке, увидел Сачко и его знакомую Ларису Мирошниченко, которые сидели и разговаривали. Подойдя к ним, Егоров сказал, что он работник милиции, и спросил, что они делают. Сачко и Мирошниченко, испугавшись, бросились бежать, но Егоров схватил девушку за руку. Затем он предъявил Мирошниченко свое служебное удостоверение и попросил, чтобы она позвала Сачко.

После разговора с Сачко Егоров велел ему идти домой, а на вопрос Сачко о девушке ответил, что с нею он еще поговорит.

Сачко побежал в расположенный неподалеку дом, в котором жила Мирошниченко, и, объяснив, что Ларису обижает какой-то хулиган, попросил кочергу. Не найдя кочерги, он схватил попавшийся под руку молоток, побежал к посадкам и окликнул Мирошниченко. Егоров, продолжая задерживать ее, ответил Сачко, что если ему нужна Лариса, пусть подойдет сам. Сачко подбежал к Егорову и ударил его молотком по голове. Когда тот выхватил пистолет, Сачко бросился бежать, но был задержан. Егорову были причинены легкие телесные повреждения с расстройством здоровья.

Пленум Верховного суда УССР, рассматривавший дело Сачко по протесту заместителя Генерального прокурора СССР, установил и отметил следующее.

По закону ответственность за посягательство на жизнь работника милиции может наступать лишь при условии, если виновному достоверно известно, что потерпевший является работником милиции, и если посягательство совершается в связи с его деятельностью по охране общественного порядка. В этом же случае оба признака отсутствуют. Сачко не знал, что Егоров работник милиции. Егоров был без формы и удостоверения ему не показывал. Заявлению Егорова о том, что он работник милиции, Сачко не поверил, поскольку поведение Егорова было подозрительным. Из материалов дела видно, что действия

Егорова могли вызвать такие сомнения. Установлено, что Сачко и Мирошниченко общественный порядок не нарушали и у работника милиции не было оснований для вмешательства. Тем более не было причин задерживать Мирошниченко.

Егоров объяснил, что задержал ее лишь для того, чтобы “выяснить, кто они такие и что может делать молодая девушка там”. При таких обстоятельствах нельзя рассматривать действия Егорова как направленные на охрану общественного порядка.

Не зная, что Егоров работник милиции, и заподозрив, что он может причинить вред Мирошниченко, Сачко пытался защитить ее. В действиях Сачко нет состава преступления. Протест заместителя Генерального прокурора СССР подлежит удовлетворению⁸³.

Таким образом, не может квалифицироваться по ст. 317 УК РФ посягательство на жизнь работника милиции, а равно иного сотрудника правоохранительных органов и военнослужащего, если оно совершено не в связи с осуществлением ими обязанностей по выполнению общественного порядка, а вызвано другими причинами.

Отличие убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование

Статья 295 УК РФ является новеллой уголовного законодательства России. Она предусматривает частный случай ответственности за посягательство на жизнь, совершенное в связи со служебной деятельностью потерпевшего. Исходя из названия статьи, можно сделать вывод о том, что в ст. 295 УК РФ предусмотрена ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование. Однако ознакомление с диспозицией закона показывает, что круг лиц, жизнь которых охраняется данной статьей, намного шире, чем это отражено в ее названии.

Так, например, в соответствии со ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Поэтому можно предположить из названия ст. 295 УК РФ, что в ней речь идет об охране жизни только судей, однако в самой статье называются как судьи, так и иные лица, участвующие в отправлении правосудия, а также близкие тех и других.

⁸³ Практика прокурорского надзора при рассмотрении судами уголовных дел. М., 1987. С. 396—397.

В целом же ст. 295 УК РФ предусматривает ответственность за посягательство на жизнь следующих лиц: 1) судьи; 2) присяжного заседателя; 3) иного лица, участвующего в отправлении правосудия; 4) прокурора; 5) следователя; 6) лица, производящего дознание; 7) защитника; 8) эксперта; 9) судебного пристава; 10) судебного исполнителя; 11) их близких.

Представляется, что к “иным лицам, участвующим в отправлении правосудия” можно отнести общественных обвинителей и общественных защитников. Не относятся к потерпевшим в смысле состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, работники, не участвующие в отправлении правосудия, производстве предварительного расследования, исполнении судебного акта, т. е. лица, выполняющие технические функции, например секретарь судебного заседания.

В законе оговорены те виды деятельности, в связи с осуществлением которых посягательство на жизнь образует состав преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ. Это: 1) производство предварительного расследования, 2) рассмотрение дел или материалов в суде либо 3) исполнение приговора, решения суда или иного судебного акта.

В диспозиции закона прописаны признаки субъективной стороны рассматриваемого состава преступления. Цель посягательства виновного на жизнь потерпевшего — воспрепятствование его законной деятельности либо месть за такую деятельность.

Представляется, что название статьи необходимо изменить. По нашему мнению, лучше, если ст. 295 УК РФ будет иметь следующее название: “Посягательство на жизнь лиц, участвующих в отправлении правосудия, проведении дознания или предварительного расследования”. Поскольку защитники, эксперты, судебные исполнители, судебные приставы не осуществляют ни правосудия, ни дознания, ни предварительного расследования, а только участвуют в названных видах деятельности, постольку указывать в названии статьи, что она предусматривает ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, некорректно. В настоящее время название статьи не соответствует ее содержанию.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ст. 295 УК РФ предусматривает ответственность за посягательство на жизнь лиц, участвующих в отправлении правосудия, а также в

производстве дознания или предварительного расследования, в рассмотрении дел или материалов в суде, в непосредственной реализации судебного решения. Причем в ст. 295 УК РФ речь идет не только об уголовном производстве, но и о других его видах — гражданском, арбитражном, административном. Все это вместе взятое образует правосудие в широком смысле слова.

Поэтому если совершено посягательство на жизнь лица, которое участвует в отправлении правосудия в широком смысле слова, в целях воспрепятствования его законной деятельности или из мести за такую деятельность, то содеянное должно квалифицироваться по ст. 295 УК РФ, а не по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В конкретных случаях может возникнуть проблема конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 105 и 295 УК РФ. По нашему мнению, ст. 295 УК РФ содержит специальный состав по отношению к составу преступления, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В самом деле, п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает ответственность за убийство, совершенное в связи с осуществлением любой служебной деятельности потерпевшего, а ст. 295 УК РФ — ответственность за посягательство на жизнь лица, участвующего в отправлении правосудия в широком смысле слова. Следовательно, составы преступлений, предусмотренные в данных статьях, соотносятся между собой как общий и специальный. При квалификации содеянного виновным необходимо учитывать данное обстоятельство.

Так, в середине 70-х гг. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР рассматривалось дело Мусина, покушавшегося на жизнь работника милиции. Судебная коллегия пришла к выводу, что содеянное виновным должно быть квалифицировано как покушение на жизнь лица, осуществлявшего свой служебный долг, а не как посягательство на жизнь потерпевшего в связи с деятельностью по охране общественного порядка. Представляется, что в настоящее время содеянное было бы квалифицировано по ст. 295 УК РФ. Обстоятельства дела следующие.

Мусин являлся свидетелем по делу о лесном пожаре и неоднократно вызывался в судебное заседание в пос. Зарянка по судебным повесткам. Однако Мусин отказывался получать повестки и злобно уклонялся от явки в суд. В

связи с этим Верхне-Колымский районный народный суд Якутской АССР вынес определение о принудительном приводе его в судебное заседание.

11 декабря 1973 г. работник милиции Аржаков вместе с внештатным инспектором милиции Прокопьевым пришел к Мусину, чтобы исполнить определение суда о приводе его в суд. Однако последний на предложение Аржакова поехать в суд в качестве свидетеля вновь ответил отказом и, закрывшись в избушке, не впускал их, угрожал убийством, выставив в дверную щель ствол охотничьего ружья. Аржаков и Прокопьев вынуждены были уйти.

После обеда работник милиции Аржаков вновь пришел к нему.

Однако Мусин с целью убийства Аржакова произвел в него из двустольного охотничьего ружья два выстрела и одним из них ранил его в грудь, повредив легкое, чем причинил тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело 30 сентября 1974 г. по кассационной жалобе осужденного, приговор оставила без изменения и указала следующее.

Мусин не отрицал вины в совершении преступления. Его вина подтверждается кроме этого показаниями Аржакова и Прокопьева, показаниями свидетелей Спиридонова и Шадринной, протоколом осмотра места преступления, вещественным доказательством по делу — ружьем, заключением судебно-медицинского эксперта о характере причиненных Аржакову телесных повреждений и другими рассмотренными судом доказательствами.

Примененное Мусиным оружие и характер причиненного Аржакову ранения свидетельствуют о направленности умысла осужденного на убийство потерпевшего.

Из объяснений Мусина видно, что он знал о том, что Аржаков является работником милиции и действует как представитель власти.

При таких обстоятельствах действия Мусина в отношении Аржакова правильно квалифицированы как покушение на убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга, по ст. 15 и п. “в” ст. 102 УК РСФСР⁸⁴.

Если рассмотреть содеянное Мусиным с позиции действующего в настоящее время закона, то мы должны будем признать, что Мусин совершил преступление, предусмотренное ст. 295 УК РФ. Он посягал на жизнь Аржакова, который выполнял определение суда о приводе его в суд, т. е. посягательство на жизнь потерпевшего было совершено в связи с исполнением им судебного акта с целью уклонения от явки в суд в качестве свидетеля. Следовательно, имеются все необходимые основания для квалификации содеянного по ст. 295 УК РФ.

На наш взгляд, поскольку работник милиции на законном основании привлекался для исполнения определения суда о приводе свидетеля, злостно уклоняющегося от явки в суд, то

⁸⁴ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1975. № 4.

посягательство на его жизнь подлежит квалификации именно по ст. 295 УК РФ, а не как-то иначе.

В завершение рассмотрим один случай, вызвавший проблемы с точки зрения разграничения составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 105 и 295 УК РФ. Его суть заключается в следующем.

Прокурор возбудил уголовное дело в отношении начальника милиции одного из райотделов по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, и передал его следователю для производства предварительного расследования. В отместку за возбуждение уголовного дела начальник милиции пришел вечером к прокурору домой и с целью убийства произвел в него выстрел из табельного оружия, причинив тем самым потерпевшему тяжкий вред здоровью. Как квалифицировать содеянное виновным в этом случае?

Главный вопрос, который надлежит решить для правильной квалификации содеянного,— это выяснение вида деятельности, в связи с которой совершено посягательство на жизнь потерпевшего. С одной стороны, прокурор не занимался расследованием уголовного дела, не участвовал в рассмотрении дела в суде, тем более не исполнял судебного решения. Поэтому имеются признаки преступления, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. С другой стороны, он на законном основании возбудил уголовное дело. Данная деятельность связана с производством предварительного расследования, хотя таковой и не является. Как быть?

На наш взгляд, поскольку возбуждение уголовного дела относится к производству предварительного расследования, содеянное виновным надлежит квалифицировать по ст. 295 УК РФ. Потерпевший осуществлял правосудие в широком смысле слова: он возбудил уголовное дело, что повлекло за собой производство предварительного расследования. По мотиву мести за это и было совершено посягательство на его жизнь со стороны подследственного. Следовательно, можно констатировать, что в деянии виновного содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ.

Отличие убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением

*общественного долга, от посягательства на жизнь
государственного или общественного деятеля*

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля предусмотрено ст. 277 УК РФ. Данной статьей, как и п. “в” ч. 2 ст. 105, ст.ст. 295, 317 УК РФ, устанавливается ответственность за посягательство на жизнь лица в целях прекращения его деятельности либо из мести за такую деятельность. Основанием для разграничения этих составов является характер деятельности потерпевшего. Поэтому обратимся к понятиям государственный или общественный деятель, с тем чтобы определить критерии, которые позволяли бы отграничить преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, от предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В законе в качестве потерпевшего называется государственный или общественный деятель, в связи с государственной или иной политической деятельностью которого и совершается посягательство на его жизнь.

Представляется, что к государственным деятелям можно отнести только тех лиц, которые занимают государственную должность. Понятие государственной должности дается в Федеральном законе “Об основах государственной службы Российской Федерации” от 31 июля 1995 г.⁸⁵ В частности, в ст. 1 Закона отмечено, что государственная должность — это должность в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, а также в иных государственных органах, образуемых в соответствии с Конституцией Российской Федерации, с установленными кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий данного государственного органа, денежным содержанием и ответственностью за исполнение этих обязанностей.

Все государственные должности подразделяются на три категории — “А”, “Б” и “В”. Перечень государственных должностей данных категорий предусмотрен в Реестре государственных должностей в Российской Федерации, утверждаемом Президентом РФ⁸⁶.

⁸⁵ Собрание законодательства РФ. 1995. № 31. Ст. 2990; 1999. № 8. Ст. 974; 2000. № 46. Ст. 4537.

⁸⁶ Реестр государственных должностей федеральных государственных служащих. Утв. Указом Президента РФ от 11.01.95 г. № 33 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 174; № 25. Ст. 2378; № 33. Ст. 3358; 1996. № 16. Ст.ст. 1833, 1834.

По нашему мнению, только лица, занимающие государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации (государственные должности категории “А”), могут признаваться потерпевшими в смысле состава преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ. Роль именно этих лиц в управлении государством настолько велика, что посягательство на их жизнь причиняет значительный ущерб безопасности государства. Посягательство на жизнь лиц, занимающих государственные должности категорий “Б” и “В”, совершаемое в связи с их служебной деятельностью, должно быть квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Перечень государственных должностей Российской Федерации следующий: Президент РФ, Председатель Правительства РФ, Первый заместитель, заместитель Председателя Правительства РФ, федеральный министр; Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ, заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ, председатель, заместитель председателя комитета (комиссии) Совета Федерации Федерального Собрания, член комитета (комиссии) Совета Федерации Федерального Собрания, депутаты Государственной Думы; Председатель, заместитель Председателя, судья-секретарь, судья Конституционного суда РФ; Председатель, Первый заместитель, заместитель Председателя, судья Верховного суда РФ; Председатель, Первый заместитель, заместитель Председателя, судья Высшего арбитражного суда РФ; Генеральный прокурор РФ; Секретарь Совета безопасности РФ; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; руководитель высшего государственного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации; Председатель, заместитель Председателя, аудитор Счетной палаты; Председатель Центрального банка РФ; Председатель, заместитель Председателя, секретарь, член Центральной избирательной комиссии РФ (замещающий должность на постоянной основе); председатель, заместитель председателя, судья федерального суда; чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации (в иностранном государстве), постоянный представитель (представитель, почетный наблюдатель) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве); Генеральный директор Судебного департамента при Верховном суде РФ.

Перечень государственных должностей в субъектах федерации устанавливается субъектами Российской Федерации, в котором и определяются государственные должности субъектов Российской Федерации, относящиеся к категории “А”.

Граждане имеют право на создание различных общественных объединений, в том числе и политических. В настоящее время отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение, связанные с созданием, деятельностью, реорганизацией и(или) ликвидацией общественных объединений, регулируются Федеральным законом “Об общественных объединениях” от 19 мая 1995 г.⁸⁷, Гражданским кодексом РФ и другими законами об отдельных видах общественных объединений.

Представляется, что общественный деятель в смысле ст. 277 УК РФ — это лицо, осуществляющее ведущую или руководящую функцию в каком-либо общественном объединении.

Таким образом, по нашему мнению, в ст. 277 УК РФ устанавливается ответственность за посягательство на жизнь лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации (государственные должности категории “А”), а также занимающего руководящую должность в общественном объединении (осуществляющего ведущую функцию), совершенное в связи с исполнением государственных или общественных обязанностей, вытекающих из занимаемой должности (роли).

На наш взгляд, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля может быть совершено как в связи с определенной линией поведения данного лица, так и в связи с каким-либо конкретным актом его деятельности. С точки зрения закона данное обстоятельство никакого значения для квалификации содеянного виновным не имеет.

Таким образом, при разграничении преступления, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, и преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, необходимо исходить из характера должности (роли), занимаемой потерпевшим, и обязанностей, вытекающих из данной должности (роли). В п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрена ответственность за убийство лица в связи с *осуществлением служебной деятельности или выполнением*

⁸⁷ Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; 1997. № 20. Ст. 2231; 1998. № 30. Ст. 3608.

общественного долга без учета значения и роли потерпевшего в деятельности государства, субъекта федерации или общественного объединения. В ст. 277 УК РФ данное обстоятельство является определяющим. Оно и выступает критерием разграничения рассматриваемых составов преступлений.

Вряд ли можно признать правильным утверждение, иногда встречающееся в литературе, что посягательство на жизнь любого общественного деятеля, независимо от его роли в общественном объединении, образует состав преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ. Роль общественного деятеля должна быть активна, заметна и значима для общественного объединения. В противном случае применению подлежит не ст. 277 УК РФ, а п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

***Соотношение преступления против жизни,
предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ,
с иными преступлениями, совершаемыми в связи
с выполнением потерпевшим своего служебного
или общественного долга***

При квалификации преступления, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, может возникнуть проблема разграничения данного состава с иными, а не только с теми, которые были рассмотрены выше. В частности, с предусмотренными ст.ст. 321 и 334 УК РФ. В этих статьях также устанавливается ответственность за преступления, совершаемые в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга. Отличие в том, что такое последствие, как причинение смерти потерпевшему, находится за пределами их состава. Однако квалификация содеянного виновным в конкретных случаях может вызывать сложности. Поэтому остановимся на некоторых аспектах названной проблемы.

***Соотношение преступления против жизни, совершенного в связи
с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или
выполнением общественного долга, и преступления,
предусмотренного ст. 321 УК РФ***

В п. 19 постановления Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. дано следующее разъяснение: “Убийство сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо осужденного с целью воспрепятствовать его ис-

правлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащимся под стражей, надлежит квалифицировать, помимо соответствующей части ст. 105 УК РФ, по ст. 321 УК РФ, предусматривающей ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»⁸⁸.

Исходя из данного разъяснения, нельзя сделать вывод о том, какая часть ст. 105 УК РФ подлежит применению в называемых Постановлением Пленума Верховного суда РФ случаях. Кроме того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что ст. 321 УК РФ в настоящее время сформулирована несколько иначе. Федеральным законом от 9 марта 2001 г. принята новая ее редакция. Применительно к ст. 321 УК РФ имеется несколько проблем, непосредственно связанных с квалификацией содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, например касающихся потерпевшего и деятельности, в связи с которой совершается посягательство на его жизнь. Поэтому имеется настоятельная необходимость обратиться к анализу соотношения ст. 105 и ст. 321 УК РФ, учитывая отмеченные и иные обстоятельства.

Статья 321 УК РФ в действующей редакции предусматривает ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Конструктивно статья состоит из трех частей. Ответственность предусмотрена за применение насилия в отношении следующих лиц: 1) осужденных; 2) сотрудников места лишения свободы или места содержания под стражей; 3) близких названных сотрудников.

Часть 1 ст. 321 УК РФ устанавливает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, или угрозу применения насилия в отношении осужденного с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

Часть 2 ст. 321 УК РФ предусматривает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением сотрудником служебной деятельности. В данной части статьи также преду-

⁸⁸ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.

смотрена ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, близких сотруднику.

Часть 3 ст. 321 УК РФ устанавливает ответственность за деяния, предусмотренные частями первой и второй данной статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья называемых в статье лиц.

Таким образом, к особенностям состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, необходимо отнести следующее:

1) специальный потерпевший (осужденный, сотрудник места лишения свободы, сотрудник места содержания под стражей, близкие названных сотрудников);

2) совершение преступления:

в связи со служебной деятельностью потерпевшего (его близких),

с целью воспрепятствовать исправлению осужденного,

из мести за оказанное осужденным содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

Поскольку мы рассматриваем соотношение ст. 321 и ст. 105 УК РФ, нас интересует квалификация насилия, о п а с н о г о для жизни или здоровья, примененного в отношении потерпевшего в связи с его правомерным поведением. Поэтому далее остановимся только на этом вопросе, предварительно определившись с понятиями “потерпевший” и “субъект преступления”.

Статья 321 УК РФ, как видно из названия, устанавливает ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Дезорганизация деятельности данных учреждений осуществляется виновными путем применения насилия к другим осужденным, сотрудникам учреждений и их близким.

Весьма спорным в научной литературе считается вопрос о том, кто может быть потерпевшим в смысле ст. 321 УК РФ: только осужденные или ими могут быть и лица, содержащиеся под стражей?

Основание для противоречивых толкований дает сам закон. В диспозиции статьи говорится, что к потерпевшим относятся как сотрудники места лишения свободы, так и сотрудники места содержания под стражей. В местах содержания под стражей могут находиться как осужденные, так и лица, содержащиеся в

порядке меры пресечения, пока еще только подозреваемые или обвиняемые в совершении преступления. Возникает вопрос, как, например, квалифицировать применение насилия, опасного для жизни или здоровья сотрудника места содержания под стражей, совершенное в связи с его служебной деятельностью лицом, находящимся под стражей?

Другой вопрос: можно ли квалифицировать содеянное по ст. 321 УК РФ, если, например, одно лицо, находящееся под стражей, применило насилие в отношении другого лица, также содержащегося под стражей, в связи с оказанием последним содействия администрации учреждения места содержания под стражей? Или в этом случае применению подлежат соответствующие статьи, предусматривающие ответственность за преступления против жизни или здоровья, совершенные в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга?

В литературе встречаются прямо противоположные суждения. Одни авторы утверждают, что потерпевшим в смысле ст. 321 УК РФ может быть и осужденный и лицо, содержащееся под стражей в порядке меры пресечения⁸⁹. Другие исходят из того, что в рассматриваемом случае потерпевшими могут быть только осужденные⁹⁰.

На наш взгляд, следует исходить из того, что в диспозиции ст. 321 УК РФ в качестве потерпевшего называется только осужденный. Следовательно, потерпевшим может быть только то лицо, в отношении которого имеется приговор суда, вступивший в законную силу. Поэтому если совершается убийство подозреваемого в совершении преступления с целью воспрепятствовать его правомерному поведению, например содействию администрации учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, или из мести за такое содействие, то содеянное виновным в этом случае следует квалифицировать по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Иной подход, по нашему мнению, должен быть, если речь идет об убийстве сотрудника места содержания под стражей,

⁸⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. С. 645.

⁹⁰ Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1997. С. 684.

совершенном в связи с его служебной деятельностью лицом, находящимся под стражей. В законе прямо указано, что потерпевшим в смысле ст. 321 УК РФ может быть как сотрудник места лишения свободы, так и сотрудник места содержания под стражей.

Применительно к данной ситуации возникают два вопроса. Кто относится к сотрудникам учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества: только лица, состоящие на службе в органах и имеющие специальные звания; или вольнонаемные граждане, работающие в данных учреждениях? Кто может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ? Ответы на данные вопросы далеко не так просты, как это может показаться на первый взгляд.

В УК РСФСР имелась статья (ст. 77¹), аналогичная ст. 321 УК РФ. Она предусматривала ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, совершенные лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. В соответствии с диспозицией данной статьи потерпевшими признавались осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, и администрация исправительно-трудовых учреждений.

На практике возникали сложности с определением круга лиц, которые относились к администрации исправительно-трудового учреждения. Поэтому в Постановлении Пленума Верховного суда СССР был дан их перечень. Ими являлись должностные лица, которые на основании ст. 55 Исправительно-трудового кодекса РСФСР и соответствующих статей ИТК других союзных республик пользовались правом применения мер поощрения и взыскания, дежурные помощники начальников колоний и лица контролерского состава, а также иные лица начальствующего состава исправительно-трудовых учреждений, военнослужащие внутренних войск, несшие службу по конвоированию, лица, осуществлявшие в местах лишения свободы общеобразовательное и профессионально-техническое обучение и медицинское обслуживание, административный и инженерно-технический персонал, руководивший деятельностью осужденных⁹¹.

⁹¹ См.: О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений: Постановление Пленума Верховного суда СССР от 21.06.85 г. № 10 // Сборник

В ст. 321 УК РФ потерпевшими называются сотрудники места лишения свободы и места содержания под стражей. В литературе определились два подхода: 1) потерпевшими признаются только те сотрудники, которые имеют специальное звание рядового и начальствующего состава органов внутренних дел России, порядок и условия прохождения службы которых регламентируется Положением о службе в органах внутренних дел России⁹²; 2) к потерпевшим, кроме вышеназванных, относятся и лица, работающие по найму в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Представляется, что именно второй подход соответствует действующему закону. Исходя из анализа ст. 24 Закона РФ “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” от 21 июля 1993 г.⁹³, можно сделать вывод, что к работникам уголовно-исполнительной системы относятся как лица, имеющие специальные звания, так и вольнонаемные граждане. На наш взгляд, необходимо различать понятия “сотрудник уголовно-исполнительной системы” и “сотрудник учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества”. Сотрудник уголовно-исполнительной системы в соответствии с законом имеет специальное звание. Порядок и условия прохождения службы сотрудника уголовно-исполнительной системы регламентируются Законом “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”, Положением о службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, нормативными актами Министерства юстиции Российской Федерации.

Организация деятельности рабочих и служащих, их трудовые отношения регламентируются законодательством Российской Федерации о труде и правилами внутреннего распорядка учреждений, исполняющих наказания.

Представляется, что обе категории работников уголовно-исполнительной системы в равной мере охраняются ст. 321 УК

постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 235—236.

⁹² Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1997. С. 684.

⁹³ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1796; № 30. Ст. 3613; 2000. № 26. Ст. 2730; 2001. № 11. Ст. 1002.

РФ от преступных посягательств в связи с их служебной деятельностью в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Поэтому и потерпевшими в смысле ст. 321 УК РФ должны признаваться и те и другие.

В ст. 77¹ УК РСФСР субъект преступления был указан в самом законе. Им признавалось только лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы. В ст. 321 УК РФ субъект преступления не назван. В связи с этим возникает вопрос: кто может быть субъектом данного преступления? Только осужденные или субъектом преступления может быть любое лицо, применившее насилие к лицам, названным в ст. 321 УК РФ, в связи с определенным их поведением или деятельностью?

В уголовно-правовой литературе имеются взаимоисключающие суждения. Одни авторы исходят из того, что субъектами преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, могут быть лица, достигшие 16 лет, осужденные по приговору суда и отбывающие наказание в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, а также подозреваемые и обвиняемые, которым в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу⁹⁴.

Эта точка зрения поддержана большинством специалистов в области уголовного права. Другая точка зрения заключается в том, что субъектами преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, могут признаваться не только осужденные и арестованные, но и другие лица, достигшие возраста 16 лет⁹⁵.

На наш взгляд, последний подход представляется наиболее правильным. В настоящее время уголовный закон не содержит никаких ограничений по субъекту преступления. Например, любое лицо, которое применило насилие к осужденному с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное осужденным содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, должно отвечать по ст. 321 УК РФ. В его деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного данной статьей.

Так, применить насилие к осужденному в подобных случаях может бывший осужденный. На каком основании его действия должны квалифицироваться как-то иначе, а не по ст. 321 УК

⁹⁴ Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1997. С. 685.

⁹⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 765.

РФ? Представляется, что подобных оснований нет. Точно так же, как и в случаях применения насилия в отношении сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Если насилие к ним было применено в связи с их служебной деятельностью не осужденным и не арестованным, а иным лицом, то квалификация содеянного все равно должна быть по ст. 321 УК РФ. Потому что главное с точки зрения диспозиции действующего закона *не кто* совершил преступление, а *почему* и в отношении *кого* применено насилие.

Следовательно, субъектом преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, может быть признан как специальный, так и общий субъект, т. е. как осужденный и арестованный, так и иное лицо, совершившее данное преступление.

Рассмотрев вопросы, касающиеся потерпевшего и субъекта преступления, остановимся на квалификации случаев, когда потерпевшему причиняется смерть. Представляется, что квалификация содеянного виновным будет различаться в зависимости от потерпевшего.

Если один арестованный убил другого арестованного, то в этом случае ст. 321 УК РФ применяться не должна, поскольку признаков состава преступления, предусмотренного данной статьей, в деянии виновного нет. Потерпевшим в смысле состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, может быть признан только осужденный. Содеянное виновным должно квалифицироваться по соответствующей части ст. 105 УК РФ в зависимости от обстоятельств дела. Если убийство было совершено в связи с выполнением потерпевшим своего общественно-го долга, то квалификация должна быть по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Например, был убит *подозреваемый или обвиняемый* в целях воспрепятствовать ему в оказании помощи администрации учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества. В этом случае совершается убийство в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга. Подозреваемый или обвиняемый по закону не признается потерпевшим в смысле состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ.

Если был убит *осужденный* с целью воспрепятствования его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, то квалификация действий виновного должна быть по ч. 3 ст. 321 УК РФ и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Убийство не

охватывается составом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 321 УК РФ, поэтому оно требует дополнительной квалификации. Пункт “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ в данном случае применяется потому, что виновный совершил убийство в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

В судебной практике встречаются случаи, когда убийство одного осужденного другим осужденным совершается в связи с отказом потерпевшего участвовать в преступлении. На наш взгляд, в подобной ситуации необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по ч. 3 ст. 321 УК РФ и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Убийство в связи с отказом от участия в совершении преступления вполне может квалифицироваться как совершенное с целью воспрепятствовать исправлению осужденного, поскольку исправление — это воздержание от совершения новых преступлений. Следовательно, если потерпевший был убит за то, что он отказался от участия в совершении преступления, значит, убийство было совершено с целью воспрепятствовать исправлению осужденного.

Цель воспрепятствования исправлению осужденного или месть за содействие администрации присутствует во всех случаях, когда убийство осужденного совершается в связи с его общественно полезной деятельностью в местах лишения свободы. Применительно к осужденным в рассматриваемой норме, в отличие от статей главы “Преступления против личности”, использована формулировка “с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы”. Особенность правового положения потерпевшего и специфика места совершения преступления накладывают свой отпечаток на формулирование диспозиции закона. Если в статьях главы 16 УК РФ преступление признается квалифицированным в связи с осуществлением потерпевшим служебного или общественного долга, то в ст. 321 УК РФ речь идет об исправлении осужденного и оказании им содействия администрации исправительного учреждения. Однако по сути это означает, что и в том и другом случае преступление совершается в связи с общественно полезным поведением потерпевшего.

Представляется, что, если осужденный причиняет смерть другому осужденному, без выяснения мотива преступления квалифицировать содеянное виновным практически невозможно.

Во всяком случае необходимо отличать желание виновного воспрепятствовать исправлению осужденного или отомстить за содействие администрации от иных мотивов, например возникших на почве личных взаимоотношений.

По нашему мнению, если совершается убийство осужденного в связи с его общественно полезной деятельностью, то квалификация всегда должна быть по совокупности преступлений — ч. 3 ст. 321 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Так надлежит квалифицировать действия виновного потому, что в ст. 321 УК РФ речь идет фактически об общественно полезной деятельности потерпевшего, которая в диспозиции данной статьи раскрывается иными словами. Поскольку убийство находится за пределами состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, постольку дополнительно требуется квалификация по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Виновный одним деянием совершает два преступления. Квалифицировать его действия только по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ в этом случае нельзя. Субъект посягал на два разных объекта, ответственность за причинение вреда которым предусмотрено в разных главах УК РФ. В качестве иллюстрации сказанного приведем следующий пример.

Хусаинов, отбывая наказание по приговору суда, часто переводился с одной работы на другую, а перед этим он был исключен из секции внутреннего порядка за недобросовестное отношение к выполнению своих обязанностей.

Причастным к частым переводам его с одной работы на другую Хусаинов считал председателя совета коллектива 3-го отряда заключенного Фальковского.

12 июля 1969 г. Фальковский, как старший нарядчик и председатель совета, передал Хусаинову распоряжение администрации о необходимости перейти в общежитие 2-го отряда, где он работал.

После этого Хусаинов еще больше разозлился на Фальковского и решил убить его.

В ночь на 13 июля 1969 г. Хусаинов напал на спавшего Фальковского и нанес ему ножом удары в шею спереди и сзади, но от крика потерпевшего проснулись заключенные Семькин и Митрофанов. Семькин схватил Хусаинова за обе руки, а потерпевший Фальковский побежал в санчасть. Хусаинов вырвался, бросил нож на пол и заявил, что “получилось неудачно”.

Фальковскому были причинены легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья. В судебном заседании Хусаинов полностью признался в содеянном.

Действия Хусаинова были квалифицированы по ст. 15 и п. “в” ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Суд пришел к выводу, что

мотивом покушения на убийство было выполнение Фальковским как председателем совета коллектива общественных обязанностей⁹⁶.

В данном случае действия Хусаинова были квалифицированы только по ст. 15 и п. “в” ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) потому, что ст. 77¹ УК РСФСР, аналогичная ст. 321 УК РФ, имела другую диспозицию. Ответственность по ст. 77¹ УК РСФСР наступала только тогда, когда виновный занимался терроризированием осужденных, вставших на путь исправления. Терроризированием признавалось создание опасных условий существования, а в рассмотренном нами случае терроризирования не было.

В соответствии с действующим законодательством содеянное Хусаиновым подлежало бы квалификации по совокупности преступлений — по ч. 3 ст. 321 УК РФ, а также по ч. 3 ст. 30 и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В отношении оценки убийства сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, подход должен быть несколько иным. Если убит сотрудник учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в связи с его служебной деятельностью, то действия виновного следует квалифицировать по совокупности составов преступлений.

Пленум Верховного суда РФ в постановлении “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. рекомендует в этом случае дополнительно применять п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Аналогичная рекомендация встречается и в специальной литературе. Так, Т. В. Кондрашова утверждает со ссылкой на Постановление Пленума Верховного суда РФ, что убийство сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей, совершенное в связи с его служебной деятельностью, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений — по п. “б” ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 321 УК РФ⁹⁷.

Представляется, что эта рекомендация не вполне соответствует действующему законодательству. Необходимо выяснять, кто оказался потерпевшим: сотрудник уголовно-исполнительной системы или вольнонаемный.

Убийство вольнонаемного работника учреждения места лишения свободы или места содержания под стражей должно быть

⁹⁶ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 1964—1972 гг. М., 1974. С. 236.

⁹⁷ Кондрашова Т. В. Указ. соч. С. 62.

квалифицировано по ч. 3 ст. 321 УК РФ и по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, если посягательство на его жизнь было совершено в связи с его служебной деятельностью.

Однако если совершено убийство сотрудника уголовно-исполнительной системы, при квалификации действий виновного необходимо исходить из следующего.

В соответствии со ст. 26 Закона “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” сотрудник уголовно-исполнительной системы на всей территории Российской Федерации независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени суток обязан в случае непосредственного обнаружения событий, угрожающих личности или общественной безопасности, принять меры к спасению людей, предотвращению и пресечению правонарушений, задержанию лиц по подозрению в совершении этих правонарушений и сообщить об этом в ближайший орган внутренних дел Российской Федерации.

Таким образом, сотрудник уголовно-исполнительной системы всегда находится на охране общественного порядка. Поэтому посягательство на его жизнь надлежит квалифицировать по ч. 3 ст. 321 УК РФ и ст. 317 УК РФ.

Нельзя игнорировать то обстоятельство, что сотрудники уголовно-исполнительной системы относятся к работникам правоохранительных органов и осуществляют деятельность, которая направлена на охрану общественного порядка. Убийство и покушение на убийство находятся за пределами состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 321 УК РФ. Убийство в этом случае подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ. Следовательно, данная статья и подлежит применению в совокупности с ч. 3 ст. 321 УК РФ, а не п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ как рекомендует Пленум Верховного суда РФ.

На практике могут возникнуть следующие вопросы. Как квалифицировать содеянное в случае, если совершается убийство сотрудника места лишения свободы осужденным, отбывшим наказание, который мстил не конкретному потерпевшему, а вообще сотруднику мест лишения свободы в связи с его служебной деятельностью? Например, виновный затаил ненависть ко всем лицам, которые работают в местах лишения свободы, и из

мести за их службу после отбытия наказания убил первого попавшегося сотрудника мест лишения свободы?

Представляется, что квалификация действий виновного должна быть по совокупности составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 321 УК РФ и ст. 317 УК РФ или п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, в зависимости от потерпевшего — являлся ли он сотрудником уголовно-исполнительной системы или был вольнонаемным. В первом случае дополнительно должно вменяться преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ, а во втором — п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Субъектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 321 и 317 УК РФ (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) может быть любой человек, совершающий преступление в связи со служебной деятельностью потерпевшего, названной в законе. Кроме того, и преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, и преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ) может совершаться как в целях воспрепятствования законной деятельности потерпевшего, так и из мести за такую деятельность. Поэтому никаких препятствий для квалификации действий виновного по совокупности названных статей не имеется.

Не исключена ситуация, когда смерть причиняется сотруднику учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, добросовестно выполняющему обязанности по службе, не осужденным, а его поделщиком, находящимся пока еще на свободе. Как в этом случае квалифицировать убийство?

На наш взгляд, содеянное виновным надлежит квалифицировать по совокупности составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 321 УК РФ и ст. 317 УК РФ (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ), поскольку имеются все основания для подобной квалификации.

При квалификации преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, необходимо обращать внимание на то, что если насилие применяется не в связи с поведением или деятельностью, предусмотренной в законе, то данная статья применению подлежать не может. Следовательно, действия совершившего в этом случае убийство не должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 321 УК РФ и дополнительно по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ или по ст. 317 УК РФ.

Например, убийство, совершенное на почве личных взаимоотношений осужденного и потерпевшего, даже если потерпевший встал на путь исправления и активно сотрудничал с адми-

нистрацией учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, должно квалифицироваться только по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Соотношение преступления против жизни, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, и преступления, предусмотренного ст. 334 УК РФ

Статья 334 УК РФ входит в главу 33 УК РФ “Преступления против военной службы” и устанавливает ответственность за насильственные действия в отношении начальника, совершенные во время исполнения им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей. Причинение смерти находится за рамками состава преступления, предусмотренного ст. 334 УК РФ. Поэтому причинение начальнику смерти при исполнении им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей может потребовать дополнительной квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своей служебной деятельности.

Однако при этом, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Особенностью состава преступления, предусмотренного ст. 334 УК РФ, является то, что насильственные действия в отношении начальника, как следует из диспозиции закона, могут совершаться не только в связи с его служебной деятельностью, но и при исполнении им обязанностей военной службы. Представляется, что в этом случае не имеет значения мотив действий виновного лица или цель его действий. Сам факт применения насилия в отношении начальника в момент выполнения им обязанностей военной службы признаетсяотягчающим обстоятельством. В связи с этим возникает следующий вопрос. Как квалифицировать содеянное виновным, если было совершено убийство начальника в момент выполнения им обязанностей военной службы? Возможно ли в этом случае вменение виновному п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

Иначе говоря, образует ли применение насилия в отношении начальника *во время* исполнения им обязанностей военной службы, окончившееся причинением смерти, состав убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим своей служебной деятельности? По нашему мнению, ответ должен быть отрицательным.

Дело в том, что убийство, квалифицируемое как совершенное при исполнении обязанностей, может быть совершено по любому мотиву и для достижения любой цели виновного за исключением цели воспрепятствования правомерной деятельности потерпевшего и мотива мести за осуществление такой деятельности, потому что они предусмотрены альтернативно при совершении данного преступления. Отсюда следует, что убийство начальника во время исполнения им обязанностей военной службы не может быть квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а требует иной квалификации в зависимости от обстоятельств совершения преступления.

В данном случае мы сталкиваемся с неким законодательным парадоксом. С одной стороны, законодатель вполне оправданно усиливает ответственность за применение насилия в отношении начальника при исполнении им обязанностей военной службы независимо от мотива и целей действий виновного лица. С другой стороны, убийство при исполнении обязанностей военной службы не образует квалифицированного состава убийства как совершенного в связи с выполнением служебной деятельности потерпевшего, поскольку оно возможно только *в связи с выполнением обязанностей военной службы*. Требуется корректировка закона, варианты которой мы рассмотрим ниже.

Таким образом, убийство начальника квалифицируется по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, только если посягательство на его жизнь было совершено *в связи с* исполнением им обязанностей военной службы.

О совершенствовании конструкции рассматриваемого состава преступления

Учитывая вышесказанное, необходимо отметить следующие моменты.

Во-первых, по нашему мнению, в основе выделения п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и аналогичных статей УК РФ должны лежать общественно полезная деятельность или поступок потерпевшего. В настоящее время в правоприменении упор делается на законности осуществляемой деятельности. Однако не всякая законная деятельность может быть общественно полезной. Например, кто-то на законном основании хищнически вырубает кедровые леса. Убийство потерпевшего было совершено в связи с его деятельностью по рубке леса с целью прекращения дан-

ной деятельности. Имеются ли основания для квалификации содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ? На наш взгляд, нет, поскольку, по сути, деятельность потерпевшего не носила общественно полезного характера. Возможно, что деятельность потерпевшего была незаконной, но общественно полезной. Убийство в связи с такой деятельностью должно квалифицироваться по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Например, с целью разоблачения опасного преступника, только что совершившего тяжкое преступление, потерпевший устраивает за ним слежку, в связи с чем преступник потерпевшего убивает. Закон не предоставляет гражданам права заниматься слежкой. Выходит, что потерпевший занимался не законной, но общественно полезной деятельностью. Можем ли мы содеянное квалифицировать по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ? Думается, что можем. Деятельность потерпевшего была общественно полезной.

Смысл наших рассуждений сводится к тому, что необходимо изменить акценты в толковании п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ (и других аналогичных статей УК РФ). Для квалификации по рассматриваемому составу преступления главным аргументом должно быть то, что преступление совершено в связи с общественно полезной деятельностью или поступком потерпевшего. Закон должен предусматривать повышенную ответственность за убийство или причинение вреда здоровью в связи с деятельностью или действиями в интересах общества, государства, группы граждан или отдельных лиц.

Во-вторых, понятия “служебная деятельность” и “общественный долг” не совсем точно отражают суть рассматриваемого состава преступления. Убийство или причинение вреда здоровью могут происходить и нередко происходят не только в связи со служебной деятельностью или выполнением общественного долга потерпевшего. Например, убийство потерпевшего может быть совершено в связи с его предпринимательской деятельностью. В настоящее время общество и государство заинтересованы в том, чтобы в стране было как можно больше предприимчивых деловых людей, активно занимающихся бизнесом в соответствии с действующим законодательством. Физическое устранение конкурентов не редкость для современной России. Иначе говоря, деятельность, в связи с которой совершается убийство или причинение вреда здоровью, может быть

служебной, профессиональной, предпринимательской и т. д., все виды деятельности в законе предусмотреть невозможно.

Поэтому, по нашему мнению, п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующие статьи, посвященные преступлениям против здоровья, необходимо изложить в иной редакции: “совершенное в связи с общественно полезной деятельностью или общественно полезным поступком”.

В-третьих, представляется, в законе необходимо предусмотреть ответственность за сам факт убийства лица в связи с выполнением им общественно полезной деятельности или совершением общественно полезного поступка независимо от характера деятельности и взаимоотношения сторон. Не исключены ситуации, когда смерть причиняется третьим лицам из мести лицу, выполнявшему служебную деятельность. Речь идет о случаях терроризма, когда смерть причиняется безвинным гражданам, а сам террористический акт вызывается деятельностью или поступком конкретного лица. Известны трагические случаи в современной российской действительности, когда с целью отомстить или повлиять на решения конкретных должностных лиц производились взрывы в общественных местах, в результате которых гибло большое количество граждан. Поэтому для квалификации содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за причинение вреда здоровью, должно быть достаточно установления того, что данное преступление совершено в связи с чьей-либо общественно полезной деятельностью или поступком.

В-четвертых, на наш взгляд, необходимо отказаться от практики выделения специализированных составов, предусматривающих ответственность за убийство, совершенное в связи с осуществлением служебной деятельности, в зависимости от особенностей службы потерпевшего. Это не способствует усилению ответственности, как это может показаться на первый взгляд, за посягательство на жизнь потерпевшего в связи с его особенной служебной деятельностью, а лишь осложняет применение уголовного закона. Все большее количество новых составов преступлений приходится разграничивать между собой, а это не только затрудняет квалификацию действий виновного лица, но и приводит к серьезным судебным и следственным ошибкам.

Представляется, что в ч. 3 ст. 105 УК РФ должна быть предусмотрена единая для всего УК РФ ответственность за посягательство на жизнь, совершенное во время или в связи с исполнением общественно полезной деятельности или выполнением общественного долга потерпевшим или его близкими.

Основные выводы в вопросах и ответах, относящиеся к п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ

1. О чем свидетельствует история развития уголовного законодательства России?

История развития уголовного законодательства России свидетельствует о том, что оно сравнительно давно предусматривает повышенную ответственность за убийство лица, состоящего на службе. И если Уложение 1845 г. содержало достаточно большое количество разнообразных и разбросанных по всему Уложению статей, предусматривавших ответственность за убийство лиц, состоящих на службе, то Уложение 1903 г. имело только одну статью. В этой статье устанавливалась ответственность за убийство лица, состоящего на службе государственной или общественной, совершенное при отправлении им должности или по поводу его служебной деятельности. Представляется, аналогичным образом должен решаться вопрос и в современном законодательстве.

Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г. не содержали такого отягчающего обстоятельства, как совершение убийства в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего. И только в п. “в” ст. 102 УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена ответственность за убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. Данная редакция статьи с небольшим уточнением была воспроизведена в п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Поэтому опыт применения этой нормы начиная с 1960 г. и по настоящее время может быть востребован для изучения и обобщения проблем, возникающих при квалификации убийств, совершенных в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга.

2. В чем особенность рассматриваемого состава преступления?

По нашему мнению, главная отличительная черта рассматриваемого состава преступления заключается в том, что преступление совершается *в связи с правомерным осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга*.

3. Что означает понятие “в связи”?

Данный термин интерпретируется Пленумом Верховного суда РФ как “с целью воспрепятствования” или “по мотиву мести” за осуществление правомерной служебной деятельности или выполнение общественного долга. Иначе говоря, под понятием “в связи” подразумевается, что убийство может совершаться *до* начала осуществления служебной деятельности или выполнения общественного долга (с целью недопущения), *в момент* (с целью пресечения), а также *после* (по мотиву мести) осуществления служебной деятельности или выполнения общественного долга.

4. Что означает правомерное выполнение долга?

Правомерное осуществление служебной деятельности или выполнение общественного долга будет в том случае, когда поведение потерпевшего соответствовало требованиям и правилам службы, а также нормам морали и нравственности. Во всяком случае действия потерпевшего не должны образовывать какого-либо правонарушения, а тем более преступления.

5. Возможна ли квалификация действий виновного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, если он не знал, что потерпевший в момент причинения ему смерти осуществлял свой служебный долг?

Как правило, в подобных случаях данная квалификация невозможна, однако если действия потерпевшего фактически являлись выполнением общественного долга, что осознавалось виновным, то имеются основания для квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Например, работник милиции, одетый в гражданскую одежду, пресекал преступление. Виновный не знал, что перед ним работник милиции, однако совершил его убийство в связи с тем, что потерпевший пресекал преступление. Пресекать преступление или иное правонарушение может любой гражданин, а не только работник милиции. Поэтому

убийство, совершенное в связи с пресечением потерпевшим правонарушения в любом случае должно квалифицироваться как совершенное в связи с выполнением общественного долга, т. е. по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

6. Что означает осуществление служебной деятельности?

Осуществление служебной деятельности означает, что потерпевший выполняет служебные обязанности, вытекающие из трудового договора (контракта) с предприятием, частным предпринимателем, учреждением или организацией независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности.

7. Что означает выполнение общественного долга?

В соответствии с рекомендациями Пленума Верховного суда РФ выполнение общественного долга — это осуществление гражданами специально возложенных на них общественных обязанностей или совершение других действий в интересах общества или отдельных лиц.

8. Кто относится к близким лица, выполнявшего служебный или общественный долг?

К близким следует относить ближайших родственников, а также тех, кто в силу различных жизненных обстоятельств дорог лицу. Виновный, совершая преступление, должен осознавать, что он причиняет смерть ближайшему родственнику этого лица или тому, кто заведомо ему дорог.

9. Как квалифицировать содеянное в случае, если виновный ошибся в личности потерпевшего?

В литературе и судебно-следственной практике имеются разные подходы к решению этой проблемы. По нашему мнению, данная ошибка не должна влиять на квалификацию действий виновного лица. Он должен подлежать ответственности за убийство, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

10. С каким видом умысла может совершаться преступление, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

В литературе встречается утверждение, что данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Представляется, что это неправильное суждение. Исходя из данного подхода, если преступление было совершено с косвенным умыслом, то виновный не может подлежать уголовной ответственности. По нашему мнению, это не так. Рассматриваемое преступление может совершаться с любым видом умысла. Для противоположного утверждения нет серьезных оснований.

11. Может ли содеянное квалифицироваться по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, если убийство было совершено потому, что потерпевшего заподозрили в сотрудничестве с правоохранительными органами?

На наш взгляд, не имеет значения тот факт, что виновный мстит не за конкретные действия, а лишь за сотрудничество с правоохранительными органами. Представляется, что убийство должно квалифицироваться по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ и в тех случаях, когда преступление совершается в связи с принадлежностью потерпевшего к определенной организации или деятельности.

12. Возможна ли квалификация содеянного по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, если убийство совершается в связи с отказом потерпевшего от участия в преступлении?

По нашему мнению, отказ от участия в совершении преступления следует расценивать как выполнение потерпевшим своего общественного долга. Хотя бы по той простой причине, что, поступая подобным образом, потерпевший вольно или невольно действует в интересах не только своих собственных, но и других лиц, государства или общества в целом.

13. В чем отличие убийства, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ?

Разграничение проводится по мотиву действий виновного лица. Для квалификации по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить, что потерпевший действовал правомерно, а преступление виновным совершено или по мотиву воспрепятствования правомерной деятельности потерпевшего, или по мотиву мести за осуществление служебной деятельности или выполне-

ние общественного долга. Для убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, характерно то, что оно совершается из-за личных взаимоотношений или побуждений (например, из зависти,мести, ревности, ненависти, в соре, драке и т. д.).

14. Как квалифицировать действия лица, которое причинило смерть потерпевшему, вмешавшемуся в действия хулигана?

Представляется, что в этом случае следует исходить из поведения потерпевшего, поскольку именно оно определяет мотив действий виновного лица как реакцию на внешний раздражитель. Если потерпевший пресекал хулиганство, то можно утверждать, что преступление совершено в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга. Если действия потерпевшего нельзя расценить как пресечение хулиганства, например им было сделано только замечание, без намерения активно противостоять хулиганству, то в этом случае, скорее всего, речь идет о совершении преступления из хулиганских побуждений, поскольку виновный использовал ничтожный повод для расправы над потерпевшим, что является характерным для действий из хулиганских побуждений.

15. Как квалифицировать убийство свидетеля?

Если смерть была причинена свидетелю, который еще не успел дать свидетельские показания, то это убийство, предусмотренное п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если смерть была причинена свидетелю, который уже дал показания по делу, то можно предположить, что это убийство, предусмотренное п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку, возможно, виновный мстит потерпевшему за дачу свидетельских показаний.

16. Возможно ли по одному эпизоду одновременное вменение виновному двух пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ — “б” и “к”?

В литературе встречаются взаимоисключающие ответы на данный вопрос. По нашему мнению, подобная квалификация невозможна, поскольку указанные пункты предусматривают ответственность за действия, совершенные по определенному мотиву. На наш взгляд, один мотив всегда является доминирующим при совершении преступления, определяющим все поведение виновного в целом. Именно он и подлежит вменению

виновному лицу в качестве квалифицирующего признака ч. 2 ст. 105 УК РФ.

17. В чем отличие убийства, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от убийства, совершенного в состоянии аффекта?

И в том и в другом случае преступление совершается в связи с предшествующим поведением потерпевшего. Однако в первом случае это месть за правомерное поведение потерпевшего, а во втором — за неправомерное. Отсюда для правильной квалификации необходимо тщательно анализировать действия потерпевшего, приведшие к преступлению в отношении его.

18. В чем отличие убийства, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны?

Данная проблема возникает, когда смерть причиняется в процессе защиты от действий потерпевшего при осуществлении им своей служебной деятельности. И в этом случае необходимо выяснять характер действий потерпевшего. Если он действовал правомерно, то содеянное виновным должно квалифицироваться по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если он действовал неправомерно, то причинение ему смерти в процессе пресечения его общественно опасного поведения должно оцениваться как совершенное в состоянии необходимой обороны с учетом соблюдения или несоблюдения обороняющимся лицом ее границ.

19. В чем отличие убийства, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ?

В данном случае следует учитывать сферу служебной деятельности, в связи с которой совершается посягательство на жизнь, и особенности потерпевшего.

При разграничении этих составов необходимо исходить из того, что для преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, характерно наличие следующих критериев:

1) потерпевший является сотрудником правоохранительных органов или военнослужащим;

2) деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности входит в его служебные обязанности;

3) преступление было совершено в целях воспрепятствования этой законной деятельности или по мотиву мести за такую деятельность.

20. Что понимается под деятельностью по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности?

Под деятельностью по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности следует понимать несение патрульно-постовой службы, поддержание порядка при проведении массовых мероприятий, предотвращение или пресечение противоправных посягательств.

Для квалификации посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа по ст. 317 УК РФ необходимо, чтобы охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности составляли суть служебной деятельности потерпевшего. Кроме того, необходимо установить, что в момент посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа он выполнял свои служебные обязанности, например по пресечению или предотвращению правонарушений. Однако для некоторых категорий работников правоохранительных органов это условие не является обязательным. Так, работники милиции в соответствии с Законом “О милиции” в любое время на всей территории России считаются находящимися на охране общественного порядка. Поэтому посягательство на их жизнь в связи с деятельностью по охране порядка и обеспечению общественной безопасности должно квалифицироваться по ст. 317 УК РФ независимо от того, находился работник милиции на работе или нет, а также независимо от иных обстоятельств. Например, от того, по своей инициативе либо по просьбе граждан он принял меры по пресечению или предотвращению правонарушения.

21. В чем отличие убийства, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ?

Преступление, предусмотренное ст. 295 УК РФ, отличается от преступления, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, особенностями потерпевшего и сферой служебной деятельности, в связи с которой совершается посягательство на его жизнь.

Статья 295 УК РФ предусматривает ответственность за посягательство на жизнь лиц, участвующих в производстве дознания

или предварительного расследования, в рассмотрении дел или материалов в суде, в непосредственной реализации судебного решения. В широком смысле слова речь идет об участии в деятельности по отправлению правосудия. В законе дан исчерпывающий перечень лиц, признаваемых потерпевшими: 1) судья; 2) присяжный заседатель; 3) иное лицо, участвующее в отправлении правосудия; 4) прокурор; 5) следователь; 6) лицо, производящее дознание; 7) защитник; 8) эксперт; 9) судебный пристав; 10) судебный исполнитель; 11) близкие указанных в диспозиции закона лиц.

22. В чем отличие убийства, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, от преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ?

Отличие заключается в круге лиц, признаваемых потерпевшими, и деятельности, в связи с которой совершается посягательство на их жизнь.

Для преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, характерно, что потерпевшим признается только государственный или общественный деятель, убийство которого совершается в связи с его государственной или общественной деятельностью. По нашему мнению, государственным деятелем в смысле ст. 277 УК РФ должны признаваться лица, замещающие государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, которые в соответствии с реестром государственных должностей Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся к категории “А”. Общественным деятелем в смысле ст. 277 УК РФ должны признаваться лица, занимающие руководящую должность или осуществляющие ведущую функцию в каком-либо общественном объединении (организации). На наш взгляд, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля может быть совершено как в связи с конкретным актом его деятельности, так и вообще в связи с его деятельностью, определенной линией поведения, занимаемой должностью или выполняемой ролью.

23. В чем особенности преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, и как оно соотносится с преступлением, предусмотренным п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

Статья 321 УК РФ предусматривает ответственность за применение насилия к осужденным, сотрудникам места лишения свободы или места содержания под стражей, в отношении близких сотрудников. Посягательство на личность сотрудника места лишения свободы или содержания под стражей квалифицируется по ст. 321 УК РФ в тех случаях, когда оно было вызвано служебной деятельностью потерпевшего. Посягательство на личность осужденного к лишению свободы квалифицируется по ст. 321 УК РФ в тех случаях, когда преступление совершено с целью воспрепятствовать его исправлению или по мотиву мести за оказание содействия администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

Убийство сотрудника или его близких, а также осужденных не охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, и требует дополнительной квалификации.

По нашему мнению, убийство осужденного в случаях, названных в ст. 321 УК РФ, должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 321 УК РФ и по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Пункт “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит применению и в тех случаях, когда убийство осужденного было совершено в связи с выполнением им своего общественного долга, например пресечением или предотвращением правонарушения.

Квалификация убийства сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей зависит от статуса потерпевшего. Если пострадал вольнонаемный работник, то применению подлежит ч. 3 ст. 321 УК РФ и п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, если сотрудник уголовно-исполнительной системы — то ч. 3 ст. 321 УК РФ и ст. 317 УК РФ, потому что сотрудники уголовно-исполнительной системы являются сотрудниками правоохранительных органов и посягательство на их жизнь совершается в связи с деятельностью, которая направлена на охрану общественного порядка.

24. В чем особенности состава преступления, предусмотренного ст. 334 УК РФ, и как данное преступление соотносится с преступлением, предусмотренным п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

Статья 334 УК РФ устанавливает ответственность за насильственные действия в отношении начальника, совершенные *во время* исполнения им обязанностей военной службы или *в связи* с исполнением этих обязанностей.

Пункт “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит применению только в том случае, если посягательство на жизнь начальника было совершено в связи с исполнением им обязанностей военной службы, независимо от того, находился ли он в это время при исполнении обязанностей военной службы или нет.

25. Какие изменения уголовного закона могут способствовать уголовно-правовой охране лиц, осуществляющих служебную деятельность или выполняющих общественный долг?

На наш взгляд, необходимо отказаться от составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, установив уголовную ответственность за посягательство на жизнь лица или его близких *во время* исполнения данным лицом общественно полезной служебной или общественной деятельности, совершения общественно полезного поступка или *в связи* осуществлением такой деятельности или совершением поступка. Мы предлагаем отказаться от п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусмотрев следующую редакцию ч. 3 ст. 105 УК РФ:

Посягательство на жизнь лица или его близких, совершенное в связи с осуществления данным лицом общественно полезной деятельности или выполнением общественного долга, а равно убийство лица во время осуществления им общественно полезной деятельности, выполнения общественного долга.

2. УБИЙСТВО ЛИЦА, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ, А РАВНО СОПРЯЖЕННОЕ С ПОХИЩЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА ЛИБО ЗАХВАТОМ ЗАЛОЖНИКА (п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ)

Отягчающие обстоятельства убийства, перечисленные в п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, не были предусмотрены УК РСФСР 1961 г. Однако в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. устанавливалась повышенная уголовная ответственность за убийство, совершенное с использованием беспомощного положения убитого. Поэтому можно утверждать, что Уголовный кодекс РФ 1996 г. в этой части вернулся к законоположению, имевшемуся ранее. Представляется целесообразным рассмотреть эти квалифицированные виды убийства в той последовательности, в которой они изложены в законе. При этом, на наш взгляд, имеется необходимость не только обратиться к проблеме квалификации убийства, сопряженного с названными в п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ преступлениями, но и остановиться на особенностях составов “похищение человека” и “захват заложника”. Это поможет нам выработать позицию относительно целесообразности наличия в УК повышенной ответственности за убийство, сопряженное с называемыми в законе преступлениями.

2.1. Убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии

Понятие “беспомощное состояние” в уголовном праве

Понятие “беспомощное состояние” фигурирует не только в УК РФ, но и в некоторых других законах Российской Федерации. Например, в Законе РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” от 2 июля 1992 г.⁹⁸ данное понятие раскрывается как неспособность лица самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности. В ст. 10 Закона РФ “О милиции” сказано, что милиция в соответствии с поставленными перед ней задачами обязана оказывать

⁹⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

помощь гражданам, находящимся в беспомощном либо ином состоянии, опасном для их здоровья и жизни.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова (М., 1990. С. 51, 749) *беспомощный* толкуется как нуждающийся в помощи, неспособный сам делать что-нибудь для себя, а *состояние* — это положение, внешние или внутренние обстоятельства, в которых находится кто-что-нибудь.

Таким образом, с точки зрения русского языка беспомощное состояние — это положение лица, при котором он в силу каких-либо обстоятельств нуждается в помощи, не способен что-нибудь для себя сделать. Применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, беспомощное состояние — это положение лица, при котором он в силу каких-либо обстоятельств не может сам себя защитить в момент посягательства на его жизнь. На наш взгляд, беспомощное состояние может быть постоянным или временным в зависимости от обстоятельств, его обусловивших. Например, тяжелая болезнь обуславливает беспомощное состояние на время болезни, а инвалидность — возможно, на всю оставшуюся жизнь. Это не должно влиять на признание наличия состояния беспомощности в момент причинения смерти потерпевшему. По нашему мнению, не должны влиять на квалификацию содеянного и обстоятельства, в силу которых потерпевший оказался в беспомощном состоянии. Виновный может сам привести потерпевшего в беспомощное состояние с целью последующего убийства либо воспользоваться обстоятельствами, сложившимися помимо его воли. Для закона должно быть безразлично, в силу каких причин потерпевший оказался в беспомощном состоянии, главное, что виновный, совершая убийство, умышленно воспользовался его беспомощным состоянием. Однако изучение специальной литературы и практики применения закона свидетельствует о том, что все не так однозначно, как нам хотелось бы.

В УК РСФСР 1960 г. понятие “беспомощное состояние” употреблялось в трех статьях: 1) ст. 39 (обстоятельства, смягчающие ответственность); 2) ст. 117 (изнасилование); 3) ст. 127 (оставление в опасности).

В действующем уголовном законодательстве уже в девяти статьях упоминается понятие “беспомощное состояние”. Это следующие статьи УК РФ: 63, 105, 111, 112, 117, 120, 125, 131, 132.

В ст. 63 УК РФ беспомощное состояние потерпевшего признается обстоятельством, отягчающим наказание. В ст. 125 УК РФ оно является признаком состава преступления. Во всех остальных беспомощное состояние выступает квалифицирующим признаком. Обращает на себя внимание, что все статьи, в которых упоминается беспомощное состояние потерпевшего, предусматривают ответственность за совершение преступлений против личности.

Данное обстоятельство заставляет предположить, что понятие “беспомощное состояние” должно одинаково толковаться применительно ко всем статьям уголовного закона. Иной подход, на наш взгляд, просто неприемлем. Более того, представляется, что в идеале понятия, употребляемые в российском законодательстве, должны иметь одинаковое содержание во всех отраслях права, а уж тем более в рамках одной отрасли. Только при таком подходе можно обеспечить стабильность и справедливость правоприменительной практики. Допустить, что понятие “беспомощное состояние” меняет свое содержание относительно каждой статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности,— значит согласиться с произволом в области правоприменительной практики. Поэтому отправной точкой анализа состава убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, должно быть то, что толкование данного понятия в рамках уголовного закона одинаково. Обращение к анализу понятия “беспомощное состояние” применительно к разным статьям УК может только помочь в выявлении новых сторон и граней его, но не должно приводить к изменению в понимании сути его содержания.

Поскольку понятие беспомощное состояние потерпевшего как признак состава преступления появилось в уголовном законодательстве сравнительно давно, постольку имеет смысл обратиться к тем статьям уголовного закона, в которых оно употреблялось и до принятия действующего Кодекса. Речь идет о ст.ст. 39, 117, 127 УК РСФСР (ст.ст. 63, 131, 125 УК РФ соответственно).

Так, в соответствии и с УК РСФСР и с УК РФ совершение преступления в отношении беспомощного лица признавалось и признается обстоятельством, отягчающим наказание.

Весьма характерно, что в некоторых комментариях к ст. 39 УК РСФСР раскрывалось понятие “беспомощное состояние”⁹⁹, а в других делалась только ссылка на то, что данное понятие анализируется применительно к ст. 117 УК РСФСР¹⁰⁰.

На наш взгляд, тем самым авторы фактически подчеркивали, что понятие “беспомощное состояние” имеет одно и то же содержание применительно к разным статьям УК РСФСР. В тех же случаях, когда это понятие раскрывалось, оно толковалось следующим образом: “Под беспомощным состоянием следует понимать такое физическое или психическое состояние потерпевшего, когда он не может оказать сопротивления, например спящий”¹⁰¹.

Статья 127 УК РСФСР (ст. 125 УК РФ) предусматривала ответственность за оставление в опасности. Так, в ч. 2 ст. 127 УК РСФСР ответственность устанавливалась за заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению вследствие своей *беспомощности*, в случаях, если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни состояние.

В комментариях к ст. 127 УК РСФСР отмечалось: “Заведомое оставление без помощи заключается в том, что сознанием виновного охватывается как наличие опасности, угрожающей потерпевшему, так и то, что последний не в состоянии принять меры к самосохранению в силу особых объективных обстоятельств (старость, малолетие, болезнь), свидетельствующих о его беспомощности. Однако беспомощность потерпевшего может иметь место и в силу иных причин, например, несчастного случая”¹⁰².

Комментируя ст. 125 УК РФ, авторы утверждают, что не исключается применение данной статьи в случае оставления без

⁹⁹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 1994. С. 69.

¹⁰⁰ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л. Л. Кругликова, Э. С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 122.

¹⁰¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. Ред. В. И. Радченко. М., 1994. С. 69.

¹⁰² Там же. С. 236.

помощи тяжелораненого нападающего защищающимся работником милиции, сотрудником федеральных органов безопасности или частным охранником (детективом), использовавшим огнестрельное оружие или специальные средства в состоянии необходимой обороны или при задержании преступника, так как на них лежит правовая обязанность обеспечить лицам, получившим телесные повреждения, доврачебную помощь и уведомить об этом в кратчайший срок органы здравоохранения¹⁰³.

Представляется, что это правильное суждение.

В соответствии с диспозицией ст. 117 УК РСФСР (ст. 131 УК РФ) виновное лицо привлекалось (привлекается) к ответственности за изнасилование, если оно совершило половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

В п. 5 постановления Пленума Верховного суда РСФСР “О судебной практике по делам об изнасиловании” от 22 апреля 1922 г. № 4 разъясняется: “Изнасилование следует признавать совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшей в тех случаях, когда она в силу своего физического или психического состояния (малолетний возраст, физические недостатки, расстройство душевной деятельности, иное болезненное либо бессознательное состояние и т. п.) не могла понимать характера и значения совершаемых с нею действий или не могла оказать сопротивления виновному и последний, вступая в половое сношение, сознавал, что потерпевшая находится в таком состоянии.

При оценке обстоятельств изнасилования потерпевшей, находившейся в состоянии опьянения, суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием в этих случаях может быть признана лишь такая степень опьянения, которая лишала потерпевшую возможности оказать сопротивление виновному.

Для признания изнасилования совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшей не имеет значения, привел ли женщину в такое состояние сам виновный (например, напоил спиртными напитками, дал наркотики, снотворное и т. п.) или она находилась в беспомощном состоянии независимо от его действий.

¹⁰³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 254.

Если из материалов дела об изнасиловании усматривается, что беспомощное состояние потерпевшей наступило в результате применения лекарственных препаратов, наркотических средств, сильнодействующих или ядовитых веществ, то свойства и характер их действия на организм человека могут быть установлены соответствующим экспертом, заключение которого следует учитывать при оценке состояния потерпевшей наряду с другими обстоятельствами¹⁰⁴.

Необходимо подчеркнуть, что данное Постановление Пленума Верховного суда РСФСР является действующим и его рекомендации касаются всех статей УК РФ, где беспомощное состояние выступает в качестве признака состава или отягчающего обстоятельства. При этом не имеет значения, что названное Постановление вышло до вступления в силу нового УК. Объясняется это тем, что понятие “беспомощное состояние” применительно к ст. 131 УК РФ осталось прежним. Следовательно, оно применимо и к другим статьям УК РФ. Ибо при ином подходе в правоприменительной практике возобладают деструктивные элементы, практика будет дезориентирована, что совершенно недопустимо.

Исходя из вышеприведенного анализа и рекомендаций Пленума Верховного суда, можно сделать следующие промежуточные выводы.

1. Беспомощное состояние — это или физическая, или психическая неспособность потерпевшего:

а) оказывать сопротивление виновному — физическая беспомощность;

б) понимать характер и значение совершаемых с ним действий — психическая беспомощность.

2. Для ответственности не имеет значения, привел ли потерпевшего в беспомощное состояние виновный, или потерпевший находился в таком состоянии независимо от действий виновного лица.

3. Беспомощным состоянием потерпевшего признается нахождение его в той степени опьянения, которая лишает его возможности оказывать сопротивление виновному. К состоянию физической беспомощности относится и сон, поскольку потер-

¹⁰⁴ Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 457—458.

певший во время сна не имеет возможности оказать сопротивление виновному.

4. Беспомощное состояние вызывается различными обстоятельствами. Например, несчастным случаем, малолетним возрастом, физическими недостатками, расстройством душевной деятельности, иным болезненным либо бессознательным состоянием.

5. Для применения ответственности необходимо установить и доказать, что виновный умышленно воспользовался беспомощным состоянием потерпевшего при совершении преступления.

Обращает на себя внимание конструкция ст. 125 УК РФ. В ней говорится о потерпевшем, лишенном возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие *своей беспомощности*. Как видно из редакции статьи, беспомощность в ней называется наряду с иными обстоятельствами, лишаящими лицо возможности принять меры к самосохранению.

Следовательно, с точки зрения темы нашего исследования можно сделать вывод о том, что закон разделяет малолетство, старость, болезнь и состояние беспомощности. Беспомощность может определяться названными или иными обстоятельствами. Иначе говоря, сами по себе возраст или болезнь потерпевшего не определяют наличие состояния беспомощности. Установление состояния беспомощности потерпевшего — это вопрос факта.

Кто признается находящимся в беспомощном состоянии?

В научной литературе состояние беспомощности применительно к составу убийства раскрывается неоднозначно.

Практически все авторы единодушны в том, что в данном случае убийство чаще всего совершается при отсутствии сопротивления потерпевшего, неспособного в связи с беспомощным состоянием себя защитить. Однако вопрос об обстоятельствах, при наличии которых потерпевший оказывается в состоянии беспомощности, вызывает разногласия. Большинство исходит из того, что состояние беспомощности может определяться любыми обстоятельствами, другие с этим не согласны. В частности,

некоторые авторы не относят состояние алкогольного опьянения и сна к беспомощному состоянию потерпевшего.

Так, по мнению С. В. Бородина, к убийствам, совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшего, кроме убийства тяжелобольных, престарелых, малолетних детей, лиц, страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее, относятся также убийства лиц, находящихся в состоянии обморока, опьянения или сна, когда они не могут реагировать на действия виновного¹⁰⁵.

Л. А. Андреева считает, что к беспомощным потерпевшим следует отнести тех, кто в силу каких-либо объективных, в том числе личностных, признаков не может оказать сопротивление убийце. По ее мнению, беспомощность может быть обусловлена возрастом (глубокая старость, малолетний возраст), болезнью, физическим недостатком, состоянием сильного опьянения, сном, положением тела (связанный человек) и т. п., т. е. беспомощное состояние имеет место тогда, когда жертва убийства в силу физического или психического состояния не способна защитить себя¹⁰⁶.

Аналогичного мнения придерживается большинство авторов комментариев к ст. 105 УК РФ. Например, Э. Ф. Побегайло относит к беспомощному состоянию бессознательное состояние, тяжелую степень опьянения, сон и проч.¹⁰⁷ А. И. Рарог высказал мнение, что по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство спящего, тяжелобольного, находящегося в сильном опьянении человека, малолетнего и т.п.¹⁰⁸ В. В. Ераксин пишет, что к находящимся в беспомощном состоянии необходимо относить больных, престарелых, малолетних, которые не в силах оказать сопротивление виновному, а также лиц, находящихся в бессознательном состоянии, в сильной степени опьяне-

¹⁰⁵ Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 101.

¹⁰⁶ Андреева Л. А. Квалификация убийств... С.12.

¹⁰⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратов, В. М. Лебедева. М., 1999. С. 228.

¹⁰⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановленными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 318.

ния, спящих и т. д., когда виновный, сознавая это, совершает убийство¹⁰⁹.

Однако имеется целая группа авторов, придерживающихся иной позиции.

Судя по опубликованным работам, первым, кто высказал точку зрения, отличную от общепринятой, был профессор Кубанского госуниверситета С. Дементьев¹¹⁰. Поэтому представляется, что его подход к решению проблемы следует рассмотреть особо.

Так, С. Дементьев утверждает: “Устанавливая ответственность за убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, законодатель имел в виду, что в таком случае потерпевшему причиняются дополнительные, особые страдания. Он сознает, что его сейчас или вскоре убьют, но в силу своего физического состояния не может ни оказать сопротивления, ни позвать на помощь. Это состояние заведомо понимает убийца, значит, действует более цинично и нагло, нежели тот, который, как говорится, убивает «из-за угла»”¹¹¹.

Хотелось бы автору задать следующий вопрос: почему он решил, что законодатель хотел именно усиления ответственности в случаях, когда потерпевшему причиняются дополнительные, особые страдания? Представляется, что это совсем не так. Причинение потерпевшему дополнительных, особых страданий охватывается п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ, который предусматривает повышенную ответственность за убийство, совершенное с особой жестокостью. Поэтому усиления ответственности в этом случае не требуется, поскольку законодателем данное обстоятельство уже предусмотрено.

На наш взгляд, не верна исходная посылка С. Дементьева. Отсюда и все его последующие рассуждения вряд ли могут быть признаны состоятельными. Так, почему-то С. Дементьев подчеркивает следующее обстоятельство: “Судебная практика и наука уголовного права единодушно относят к квалифицированному виду убийства те случаи, когда убийца лишает жизни потерпевшего на глазах у близких родственников. В этом случае

¹⁰⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 1996. С. 165.

¹¹⁰ Дементьев С. Понятие беспомощного и бессознательного состояния // Российская юстиция. 1999. № 1.

¹¹¹ Там же. С. 43.

виновный сознает, что своими действиями причиняет им особые душевные страдания»¹¹².

По нашему мнению, данный пример как раз иллюстрирует, что основанием усиления ответственности за убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, не может быть причинение ему дополнительных страданий, поскольку убийство потерпевшего на глазах его близких родственников традиционно относится доктриной и практикой уголовного права к убийству, совершенному с особой жестокостью.

Далее автор высказывает следующее суждение: «Некоторые комментаторы Уголовного кодекса полагают, что признаком беспомощного состояния потерпевшего следует считать и случаи убийства спящего или находящегося в обморочном состоянии человека. Если согласиться с таким мнением, то может иметь место парадоксальный случай. Например, муж вернулся внезапно из командировки, открыл дверь и, войдя в комнату, увидел жену, спящую с мужчиной. Он решает ее убить. Спустя некоторое время, находясь в нормальном психическом состоянии, он взял топор и убил жену. Поскольку сон приравнивается к беспомощному состоянию, то в данном случае убийца должен будет нести ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК. Второй вариант. Муж знал законодательство, а поэтому вначале разбудил жену, т. е. привел ее в сознательное состояние, а затем убил ее топором. За такое убийство, по мнению комментаторов УК, убийца должен нести ответственность по ч. 1 ст. 105 УК. Думается, что первый вид убийства является менее тяжким, нежели второй»¹¹³.

На наш взгляд, данная аргументация не выдерживает никакой критики. Автор считает, что сон нельзя признавать беспомощным состоянием, потому что убийца может воспользоваться знанием законодательства и избежит ответственности за квалифицированное убийство, если предварительно разбудит потерпевшего. А при чем здесь знание законодательства убийцей? Несомненно, все должны знать и чтить УК, но может ли законодатель при установлении ответственности за то или иное деяние исходить из того, что кто-то, знающий законодательство, сможет избежать более суровой ответственности, если воспользует-

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

ся своим знанием? Конечно же, нет. В обоснование того, что аргумент автора не “срабатывает” в данном случае, выскажем следующее соображение. Если преступник действительно знал законодательство и решил этим воспользоваться, то ему следовало бы в приводимом С. Дементьевым примере не будить жену, а убить ее спящей, представив дело таким образом, что он действовал в состоянии аффекта, заодно можно было бы расправиться и с соперником. Ведь убийство в состоянии аффекта, вызванного супружеской неверностью, даже двух или более лиц, наказывается гораздо мягче, чем убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, а виновный для чего-то будил жену. Зачем? Значит, преступник плохо знал законодательство?

Представляется, что суждение, высказанное автором, и приведенный пример не могут быть восприняты ни теорией, ни практикой уголовного права в качестве серьезного аргумента.

Далее С. Дементьев пишет: “Если считать, что лишение жизни спящего или находящегося в обмороке человека является квалифицированным видом убийства, то как тогда квалифицировать случаи, если человек убит внезапно сзади? Или, например, муж подкараулил свою жену, которая была в лесу со своим любовником. Муж спрятался за деревом, и когда она проходила мимо, выстрелил ей в затылок. В этом случае потерпевшая ничего не подозревала, естественно, не сознавала, что сейчас будет убита. Значит, такое и ему подобное состояние потерпевших следует считать бессознательным. Если полагать иначе, то для того чтобы смягчить ответственность, виновный должен бы вначале окрикнуть потерпевшую и дать ей понять (осознать), что сейчас она будет убита, а затем произвести выстрел. Известно, что за первое убийство (якобы в беспомощном состоянии) виновное лицо может быть наказано даже и смертной казнью, а за второе — максимально может получить 15 лет лишения свободы”¹¹⁴.

Представляется, что и в этом случае доводы автора не могут быть признаны состоятельными. Нельзя при установлении уголовно-правового запрета или усилении ответственности за какое-либо деяние исходить из того, что кто-то может воспользоваться знанием закона. Это неверно по существу. Кроме того, как мы уже отметили, если бы виновный действительно знал

¹¹⁴ Там же.

закон, то представил бы дело так, что он в приведенной ситуации действовал в состоянии аффекта. Для этого были основания — виновный застал жену с любовником.

Нельзя согласиться и с другой посылкой автора. С. Дементьев полагает, что если лишение жизни спящего или находящегося в обмороке человека признавать квалифицированным видом убийства, то точно также необходимо поступать и в случаях, когда человек был убит внезапно, например выстрелом из пистолета сзади. С. Дементьев считает, что поскольку в этом случае потерпевший не подозревал о предстоящем посягательстве на его жизнь, постольку он тоже находился в бессознательном состоянии.

На наш взгляд, в данном случае произошла подмена тезисов. Неосознание опасности в момент посягательства и бессознательное состояние — это не одно и то же.

Если человек находится в бессознательном состоянии, то он в любом случае ничего не может предпринять для того, чтобы противостоять виновному лицу, который умышленно использует беспомощное состояние потерпевшего для убийства.

Если человек не осознает, что в данный момент на него может совершиться или совершается посягательство, то это не означает, что он беспомощен. Достаточно небольшого знака, чтобы потерпевший обратил внимание на действия виновного лица и предпринял необходимые меры для противостояния.

Говоря другими словами, при бессознательном состоянии потерпевший не может адекватно реагировать на внешние события в силу каких-либо обстоятельств, а при неосознании может, если обратит на это внимание. Поэтому уравнивать бессознательность и неосознание чего-либо нельзя ни при каких обстоятельствах. Это разные категории, характеризующие психическое отношение человека к окружающему миру. Бессознательность — это состояние сознания, а неосознание — это отсутствие представления о чем-либо в данный конкретный момент времени. Общее между ними то, что потерпевший и в первом и во втором случае в момент посягательства на его жизнь не осознает этого обстоятельства. Однако это не дает повода для признания лица в обоих случаях находящимся в бессознательном, т. е. беспомощном состоянии, поскольку природа этого неосознания разная.

В русском языке *бессознательный* определяется как сопровождаемый потерей сознания (быть в бессознательном состоянии)¹¹⁵, а *осознать* — полностью довести до своего сознания, понять¹¹⁶. Следовательно, неосознание — это то, что доведено до сознания, но не понято.

Отсюда вывод. Для квалификации содеянного по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить, что был убит потерпевший, который в момент убийства находился *в состоянии, мешавшем ему адекватно воспринимать* действительность. Например, убийство спящего, находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения, психически неполноценного и т. д. Если же произошло убийство потерпевшего, который **не осознавал** происходящего на его жизнь посягательства, например в силу внезапности нападения, выстрела из-за угла и т. д., то в этом случае нет оснований для квалификации по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку отсутствует беспомощное состояние потерпевшего. Неосознание потерпевшим посягательства не означает наличия у него бессознательного состояния, образующего беспомощное состояние.

С. Дементьев полагает, что убийство лица, находящегося в бессознательном состоянии (спящего или находящегося в обмороке), нельзя отнести к отягчающим обстоятельствам, а поэтому, если нет других отягчающих обстоятельств, его можно квалифицировать только по ч. 1 ст. 105 УК. По его мнению, умышленное лишение жизни человека в подобных случаях не повышают общественной опасности виновного.

С. Дементьев делает вывод: “Таким образом, по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК, думается, следует квалифицировать только убийство человека, когда тот заведомо для виновного находился в беспомощном состоянии, т. е. сознавал характер происходящего, но в силу своего физического состояния не мог оказать сопротивления, позвать на помощь или уклониться от действий убийцы. Если потерпевший не сознавал смысл происходящего и это понимал виновный, то такой вид лишения жизни не повышает общественной опасности данного преступления”¹¹⁷.

Мы не можем согласиться с данным выводом по двум причинам.

¹¹⁵ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 52.

¹¹⁶ Там же. С. 461.

¹¹⁷ Дементьев С. Указ. соч. С. 43.

Во-первых, автор не привел ни одного убедительного аргумента в обоснование своей позиции. В одном случае он фактически уравнивал убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, с убийством, совершенным с особой жестокостью, не замечая этого, поскольку признал, что основанием выделения п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ является причинение потерпевшему дополнительных, особых страданий. В этом случае, на наш взгляд, автор выдал желаемое за действительное. Вряд ли законодатель руководствовался теми соображения, о которых говорит С. Дементьев. Зачем усиливать ответственность за причинение потерпевшему дополнительных, особых страданий еще в одном пункте статьи 105 УК РСФСР, если для этого уже имеется соответствующий пункт данной статьи?

В другом случае С. Дементьев пришел к логически и по существу неправильному выводу о том, что бессознательное состояние — это то же самое, что и неосознание происходящего при внезапном нападении на потерпевшего, а поскольку потерпевший всегда находится в таком состоянии, когда смерть ему причиняется неожиданно, постольку в подобных случаях нет беспомощного состояния.

Кроме того, в обоих случаях автор приводит неубедительные, надуманные примеры, которые не подкрепляют его позицию, а окончательно разрушают доверие к высказанным им суждениям.

Во-вторых, помимо логической несостоятельности сделанного автором вывода он не верен и по существу. С. Дементьев утверждает, что убийство только тогда следует признавать совершенным в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, когда потерпевший осознавал, что его сейчас будут убивать. Тем самым С. Дементьев признает, что квалификация действий виновного зависит от осознания его действий потерпевшим. Получается следующая цепочка: потерпевший понимает, что его будут убивать, виновный осознает, что потерпевший это понимает. Отсюда противоположный вывод. Если потерпевший или виновный не понимает, что другой понимает, или один из них понимает, что другой не понимает характера происходящего, то состава убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, нет, потому что для наличия состава, по Дементьеву, необходимо, чтобы оба лица — и убийца и жертва осознавали характер происходящего.

Представляется, что для подобных утверждений у автора нет никаких законных оснований. Мы полагаем, что в основе квалификации действий виновного лица лежит принцип субъективного вменения, т. е. в данном случае — характер и направленность его умысла. Для привлечения к ответственности за убийство, предусмотренное п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо установить, что виновный умышленно причинил смерть лицу, заведомо для него находящемуся в беспомощном состоянии. Иначе говоря, закон требует, чтобы виновный осознавал, что потерпевший находится в беспомощном состоянии, умышленно использовал беспомощное состояние потерпевшего для причинения ему смерти. На чем основывает С. Дементьев свое утверждение о том, что потерпевший должен осознавать характер происходящего? Закон подобных оснований не содержит. Более того, закон подразумевает, что потерпевший, находясь в беспомощном состоянии, может не осознавать характер происходящего, например в силу бессознательного состояния.

Представляется, что подобное расширительное толкование закона не способствует его правильному уяснению и применению. Более того, оно вредно по существу, поскольку извращает смысл закона, позволяет виновным лицам уходить от справедливого возмездия за квалифицированное убийство. На практике подобный подход приведет к абсурдным ситуациям.

Например, виновный причинил смерть малолетнему ребенку в возрасте 2—3-х лет. С точки зрения С. Дементьева, в этом случае нет оснований для квалификации содеянного как убийства, совершенного в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в состоянии беспомощности, так как ребенок в этом возрасте не понимает характера и значения совершаемых с них действий. Следовательно, содеянное виновным должно быть квалифицировано, в соответствии с рекомендациями С. Дементьева, по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Кто из здравомыслящих людей при наличии п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ согласится с подобной квалификацией? Думается, что никто. Убийство малыша должно быть квалифицировано именно по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а не по ч. 1 ст. 105 УК. В момент убийства виновный осознавал, что ребенок находится в беспомощном состоянии, потому что, во-первых, не понимает характера действий виновного лица, во-вторых, физически не способен это сделать.

По нашему мнению, приведенный пример и составляет как раз тот факт, который полностью опровергает теоретически несостоятельное построение. Смысл повышенной ответственности, предусмотренной п. “в” ч. 2 ст. 105 УК, заключается не в том, что потерпевший осознает характер происходящего и в силу этого испытывает особые страдания, а в том, что виновный, понимая, что причиняет смерть лицу, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, тем не менее умышленно использует эту беспомощность для совершения убийства. Отличие данного преступления от убийства, совершенного с особой жестокостью, как раз в том и заключается, что, совершая последнее, виновный осознанно причиняет потерпевшему особые физические или психические страдания. В то время как совершая убийство, предусмотренное п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, виновный осознанно использует беспомощность потерпевшего, его неспособность защитить себя в силу каких-либо объективных обстоятельств.

Другой пример. Как квалифицировать убийство престарелого человека во время разбойного нападения на его квартиру, который в силу своего возраста страдал слабоумием, поэтому и открыл дверь посторонним? Потерпевший не осознавал происходящего, виновный, убивая потерпевшего ножом, даже не задумывался о его психической несостоятельности. Исходя из вывода, сделанного С. Дементьевым, получается, что в этом случае оснований для применения п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ нет, потому что потерпевший не осознавал, что его будут убивать. Между тем ни один судебно-следственный работник не согласится в этом случае с подобным решением вопроса. И правильно сделает, потому что потерпевший, несмотря на то, что он не осознавал происходящего, находился в беспомощном состоянии в силу своего возраста. В данном случае мы имеем дело с физической беспомощностью потерпевшего, которая осознавалась виновным лицом. Следовательно, данный пример также опровергает вывод С. Дементьева о том, что для квалификации по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо, чтобы потерпевший осознавал характер происходящего.

Таким образом, мы делаем заключение, что точка зрения, высказанная С. Дементьевым, несостоятельна. Она не основывается на законе, поэтому не может быть воспринята судебно-следственной практикой.

Однако позиция С. Дементьева нашла своих сторонников. Поэтому имеет смысл обратиться к анализу суждений тех авторов, которые ее разделяют.

Так, А. Н. Красиков утверждает: “Следует согласиться с проф. С. Дементьевым, который предлагает квалифицировать убийство человека по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ (лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) не только тогда, когда виновный знает, что будущий потерпевший находится в беспомощном состоянии, но и при этом сама жертва понимает свое бессилие, неспособность противиться каким-то образом убийце (убежать, позвать на помощь, скрыться и т. д.). Вряд ли будет правильным, например, квалифицировать лишение жизни престарелого человека, когда под видом лечения жертве делается инъекция не лекарственного препарата, а ядовитого вещества, влекущая за собой смерть, как убийство с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Потерпевшее лицо, думается, должно понимать, что оно в силу своей беспомощности, обусловленной теми или иными обстоятельствами, оказывается в безысходном положении перед убийцей”¹¹⁸.

Исходя из вышеприведенной выдержки, на наш взгляд, нельзя сделать вывод о том, почему автор соглашается с точкой зрения С. Дементьева. Автор полагает, что С. Дементьев прав, утверждая, что потерпевший должен осознавать характер действий виновного лица. В приведенном примере А. Н. Красиков делает упор на то, что жертва не осознает характера действий убийцы, поэтому, по его мнению, в этом случае нет оснований для вменения п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, однако никаких аргументов в обоснование своей позиции он не высказывает. Поэтому приходится только догадываться, почему он соглашается с точкой зрения С. Дементьева.

Более того, на наш взгляд, А. Н. Красиков противоречит самому себе, поскольку несколько ранее он утверждал следующее: “Под убийством другого человека, находящегося в беспомощном состоянии, следует понимать убийство больного, престарелого немощного лица, малолетнего ребенка (кроме убий-

¹¹⁸ Красиков А. Н. Указ. соч. С. 64.

ства матерью новорожденного во время родов (ст. 106 УК РФ) и др.¹¹⁹

Убийство престарелого немощного или младенца А. Н. Красиков признает совершенным в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии. Но ведь указанные лица в силу своего возраста (старческого и младенческого) могут не осознавать, что их лишают жизни. Как быть в этом случае? К сожалению, автор более подробно не поясняет своей позиции.

Поэтому мы делаем вывод, что никаких дополнительных аргументов в обоснование точки зрения, впервые высказанной С. Дементьевым, в работе А. Н. Красикова не содержится.

Еще одним сторонником подхода С. Дементьева выступила Т. В. Кондрашова.

Она соглашается с тем, что повышенная общественная опасность убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, заключается в том, что потерпевший осознает опасность для своей жизни, но в силу объективных факторов не имеет возможности оказать сопротивление преступнику, защитить себя. В противном случае, по ее мнению, под категорию лиц, находящихся в беспомощном состоянии, можно подвести любого потерпевшего, для которого действия виновного оказались неожиданными (например, убийство из засады, убийство с далекого расстояния из оружия с оптическим прицелом, путем нанесения смертельного удара в спину, когда потерпевший этого не ожидает, путем незаметной дачи яда и т. д.). Подобные аргументы Т. В. Кондрашовой представляются логичными и разумными. Более того, она считает, что С. Дементьев дал остроумную и очень точную критику позиции, согласно которой убийство спящего или лица в состоянии сильного алкогольного опьянения может быть квалифицировано по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ¹²⁰.

Поскольку мы уже высказали свое мнение по поводу данного подхода, то последуем за дальнейшими рассуждениями Т. В. Кондрашовой, с тем чтобы найти более убедительные аргументы. Пока мы ничего нового в интересующем нас аспекте не узнали.

¹¹⁹ Там же. С. 63.

¹²⁰ Кондрашова Т. В. Указ. соч. С. 65.

Далее Т. В. Кондрашова вполне логично задается вопросом: в чем высокая степень общественной опасности преступления, предусмотренного п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

Отвечая на данный вопрос, Т. В. Кондрашова рассуждает следующим образом: “При ответе на этот вопрос следует вспомнить судебную практику по УК РСФСР 1960 г. и научные толкования, в соответствии с которыми убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, рассматривалось как разновидность убийства, совершенного с особой жестокостью. И проявление жестокости усматривалось в тех случаях, когда беспомощная жертва осознавала, что в ближайшее время будет лишена жизни, но не могла принять мер по своему спасению, что вызывало ее дополнительные моральные страдания. Если же жертва, будучи сонной, сильно пьяной, страдающей душевной болезнью, или по иным причинам не понимала того, что будет убита и, следовательно, не испытывала никаких страданий в связи с этим, то это расценивалось как обычное убийство без отягчающих обстоятельств. И это вполне разумно, поскольку разница в степени общественной опасности между убийством пьяного, спящего и убийством бодрствующего человека, который не видит своего убийцу, так как тот с винтовкой с оптическим прицелом находится в засаде, различается не настолько существенно, чтобы это послужило основанием к увеличению меры наказания с 15 лет до исключительной меры наказания”¹²¹.

К сожалению, автор не приводит ни одного примера, который бы убедительно подтверждал сказанное. Во всяком случае мы такой практики по УК РСФСР не знаем, хотя изучали ее со всем возможным вниманием. Более того, по нашему мнению, такой практики просто не могло быть, потому что убийство признавалось совершенным с особой жестокостью и по УК РСФСР, и признается таковым по УК РФ только в тех случаях, когда виновный осознавал, что причиняет потерпевшему особые физические или психические страдания. Сам факт знания потерпевшим того, что он сейчас будет убит, не являлся и не может являться основанием для признания убийства совершенным с особой жестокостью. При таком подходе практически каждое убийство должно квалифицироваться как совершенное с особой

¹²¹ Там же. С. 67—68.

жестокостью. Ибо жертва, как правило, знает, что она может быть или будет убита.

По УК РСФСР существовала практика, как правильно пишет Л. А. Андреева, по которой беспомощность, обусловленная малолетним возрастом жертвы, рассматривалась как признак особой жестокости¹²². Она же в своей работе и приводит пример такого подхода: “Так, по делу Егорова, который в туннеле задушил свою четырехлетнюю дочь, облил труп горючим веществом и поджег, суд усмотрел признаки особой жестокости”¹²³. Однако в подобных случаях не могло быть и речи о том, что жертва должна понимать, что она будет убита. Нельзя забывать, что в этих случаях преступление совершалось в отношении малолетних детей, которые в силу своего возраста находятся в состоянии и физической и психической беспомощности, т. е. и не могут оказать сопротивление виновному, и не осознают характер происходящего. В приведенном примере вряд ли девочка 4-х лет понимала, что папа ее сейчас будет убивать, до того, как он стал ее душить.

Не можем мы согласиться и с доводом Т. В. Кодрашовой, что нет никакой разницы между убийством спящего, например ножом, и убийством бодрствующего человека из огнестрельного оружия. Выше мы уже отмечали, что неожиданность посягательства на жизнь никак не может быть уравнена с умышленным использованием виновным беспомощного состояния потерпевшего, в котором тот оказывается в случае нахождения его в бессознательном состоянии. Чтобы не повторяться, к сказанному добавим лишь следующее. Спящий человек в принципе ничего не может предпринять для своей защиты, он полностью беззащитен перед любым виновным, пожелавшим посягнуть на его жизнь, независимо от физических данных и возможностей убийцы. Тогда как бодрствующий человек, если он ожидает посягательство на свою жизнь, может предпринять меры и для того, чтобы уклониться и от выстрела из огнестрельного оружия. Сон и бодрствование — это два противоположных состояния сознания человека, которые обуславливают его возможности, в том числе и по отражению посягательства на жизнь. Не признавать это — значит не видеть очевидных вещей. Заведомое

¹²² Андреева Л. А. Квалификация убийств... С. 11.

¹²³ Там же.

использование виновным беспомощного состояния потерпевшего, вызванного или сном, или состоянием сильного алкогольного опьянения, или другими обстоятельствами, многократно увеличивает его шансы по достижению цели убийства. Зачастую именно сон потерпевшего позволяет виновному посягнуть на его жизнь. Ибо в бодрствующем состоянии потерпевшего у него не было бы никаких шансов, даже при использовании огнестрельного оружия, так как с оружием еще надо уметь обращаться.

На основании сказанного мы делаем вывод, что приведенные аргументы не могут быть признаны убедительными. Они не поколебали нашей убежденности в том, что умышленное использование виновным беспомощного состояния потерпевшего, вызванного как физической, так и психической беспомощностью, является основанием для квалификации убийства по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Т. В. Кондрашова приходит к выводу, что к беспомощному состоянию, о котором идет речь в п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, относится лишь физическая беспомощность, когда потерпевший верно воспринимает характер совершаемых с ним действий, но не способен защитить свою жизнь в силу разных причин¹²⁴.

Если согласиться с данным выводом, то как тогда быть с огромным количеством случаев, когда жертва преступления не осознавала характера действий виновного лица? Ведь даже имевшаяся практика по УК РСФСР по признанию убийства малолетнего совершенным с особой жестокостью была вынужденной, поскольку в законе не было соответствующего пункта, учитывающего в полной мере характер действий виновного лица. Квалификация в подобных случаях была “с натяжкой”, так как при убийстве с особой жестокостью виновный должен осознавать, что он причиняет жертве особые психические страдания. В то время как убивая малолетнего, тяжелобольного, престарелого, спящего, виновный понимает, что они находятся в беспомощном состоянии, не позволяющем им адекватно реагировать на его действия. Получается, что, с одной стороны, убийство этих лиц мы не можем квалифицировать как совершенное с особой жестокостью, с другой — сторонники точки зрения, высказанной С. Дементьевым, предлагают и не считать их находящи-

¹²⁴ Кондрашова Т. В. Указ. соч. С. 68.

мися в беспомощном состоянии. Выходит, что уголовный закон не будет должным образом защищать самых незащищенных людей. На каком основании мы должны соглашаться с подобным подходом? Только потому, что потерпевшие не понимали, что их убивают? Но разве мы квалифицируем действия потерпевших? Нет, конечно же. Мы квалифицируем действия виновного лица, который совершает убийство заведомо для него незащищенного человека, оказавшегося в беспомощном состоянии в силу различных причин физического или психического свойства. Поэтому его действия и должны быть квалифицированы по п. "в" ч. 2 ст. 105 УК РФ без всяких изъятий, не основанных на законе. Закон так сурово относится к виновному в подобных случаях потому, что виновный проявляет крайнюю бесчеловечность, посягая на самых незащищенных людей, на тех, кто не может защитить себя в момент посягательства на его жизнь. И для закона безразлично, понимал ли потерпевший, что происходит или будет происходить его убийство, потому что судим мы виновного, умышленно использовавшего беспомощность жертвы для своего злодеяния. Для иного подхода, на наш взгляд, нет никаких законных оснований.

Квалификация убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии

В п. 7 постановления Пленума Верховного суда РФ "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" от 27 января 1999 г. имеется разъяснение, направленное на упорядочение применения понятия "беспомощное состояние потерпевшего": "По п. "в" ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее"¹²⁵.

¹²⁵ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.

Из данного разъяснения следует, что Верховный суд РФ толкует “беспомощное состояние” точно так же, как и применительно к составу изнасилования, т. е. беспомощное состояние — это неспособность лица защитить себя в силу физического или психического состояния. Перечень лиц, которые, по мнению Пленума Верховного суда РФ, могут быть отнесены к находящимся в беспомощном состоянии, позволяет сделать вывод о том, что содеянное виновным должно квалифицироваться по п. “в” ч. 2 ст. 105 независимо от того, осознавал потерпевший или нет характер и направленность действий виновного лица. Употребленный оборот “к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности” свидетельствует о том, что названный перечень является примерным.

Возможно ли признание спящего человека заведомо для виновного находящимся в беспомощном состоянии?

Интересно проследить, как складывается судебно-следственная практика по применению понятия “беспомощное состояние” при квалификации преступлений против жизни. В настоящее время нельзя утверждать, что она является стабильной и последовательной даже в решениях высшей судебной инстанции. За короткий промежуток времени, с января 1997 г. по январь 2002 г., подход Верховного суда РФ изменился кардинально. Первоначально существовала позиция, в соответствии с которой убийство спящего или лица, находящегося в состоянии сильной степени алкогольного опьянения, признавалось квалифицированным убийством. Однако в настоящее время прослеживается иная тенденция в решении данного вопроса.

Так, Верховным судом РФ убийство спящего потерпевшего путем нанесения ему трех ударов топором по голове было признано совершенным в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии¹²⁶.

В другом случае Судебная коллегия Верховного суда РФ признала убийство лица, находящегося в сильной степени алкогольного опьянения, преступлением, совершенным в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Обстоятельства дела следующие.

¹²⁶ Обзор судебной практики Верховного суда РФ за второй квартал 1997 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 12.

Верховным судом Республики Татарстан 22 апреля 1997 г. Хайруллин осужден по пп. “в”, “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы сроком на 13 лет.

Он признан виновным в умышленном убийстве с особой жестокостью Хисматуллина, заведомо для него находившегося в беспомощном состоянии.

Хайруллин 15 января 1997 г. в ходе возникшей ссоры ударил Хисматуллина в грудь, от чего тот упал. Затем Хайруллин стал избивать его ногами, обувными в зимние сапоги, нанося удары по различным частям тела: голове, шее, грудной клетке, животу. Свои действия он не прекращал и после вмешательства подошедшего Гильмутдинова, пытавшегося его успокоить и вывести из дома на улицу. Напротив, он обеими ногами прыгнул на грудь лежащему потерпевшему. От полученных телесных повреждений Хисматуллин скончался на месте происшествия.

В кассационных жалобах Хайруллин и его адвокат, ссылаясь на отсутствие у Хайруллина умысла на убийство Хисматуллина и не соглашаясь с выводом суда о том, что потерпевший в момент его избивания находился в беспомощном состоянии, просили учесть смягчающие ответственность обстоятельства, приговор изменить и переквалифицировать его действия на ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 12 августа 1997 г. приговор оставила без изменения, а кассационные жалобы без удовлетворения, указав следующее.

Вывод суда о виновности Хайруллина обоснованный, подтвержден исследованными судом доказательствами.

По заключению судебно-медицинского эксперта, смерть потерпевшего Хисматуллина наступила от сочетанной травмы груди, живота, головы с повреждением внутренних органов: сердца, печени, оболочно-желудочной связки, сопровождавшимся внутриплевральным и внутрибрюшным кровотечением и шоком.

Из заключения эксперта усматривается, что на трупе было обнаружено, без учета повреждений в области живота, не менее 16 тяжких телесных повреждений: закрытая тупая внутрочерепная травма с ушибом головного мозга, ограниченные переломы ребер с обеих сторон, двойной перелом тела грудины, переломы ребер с нарушением пристеночной плевры, разрыв сердечной сорочки, сердца, ушиб легких.

Исходя из характера действий Хайруллина, причинившего Хисматуллину указанные телесные повреждения ногами, суд пришел к правильному выводу: виновный действовал с прямым умыслом на лишение жизни потерпевшего.

Помимо этого, согласно заключению судебно-медицинского эксперта, показаниям представителя потерпевшего Хисматуллиной и свидетеля Гильмутдинова, потерпевший Хисматуллин находился в сильной степени алкогольного опьянения, а Хайруллин по своим физическим данным имел явное превосходство над ним.

При таких обстоятельствах суд обоснованно признал, что потерпевший Хисматуллин заведомо для Хайруллина находился в беспомощном состоянии.

Таким образом, вывод суда о виновности Хайруллина во вмененном ему преступлении основан на доказательствах, достоверность которых не вызывает сомнений.

Юридическая квалификация содеянного правильна. Наказание осужденному назначено в соответствии с требованиями закона, с учетом содеянного,

данных о его личности и всех обстоятельств дела; оснований для его смягчения не имеется¹²⁷.

В данном случае обстоятельством, свидетельствующим о нахождении потерпевшего в беспомощном состоянии, было признано его сильное алкогольное опьянение, которое исключало возможность оказания с его стороны какого-либо сопротивления виновному.

В статье заместителя Председателя Верховного суда РФ А. Е. Меркушова, опубликованной сразу же после принятия Пленумом Верховного суда РФ постановления “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г., отмечается, что суды по-разному решают вопросы квалификации действий виновных, совершивших убийство лиц, находившихся в состоянии сна или тяжелого алкогольного опьянения. А. Е. Меркушов отметил, что, по мнению одних судов, убийство спящего или лица, находящегося в тяжелой степени опьянения, во всех без исключения случаях следует квалифицировать по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. По мнению других, беспомощное состояние лица будет только в том случае, если потерпевший осознавал опасность для своей жизни, но в силу определенных обстоятельств (возраста, болезни, физических или психических недостатков и т. д.) не имел возможности оказать преступнику сопротивление, защитить себя. В противном случае под категорию лиц, находящихся в беспомощном состоянии, можно подвести любого потерпевшего, для которого действия виновного оказались неожиданными (например, убийство из засады, убийство с далекого расстояния из оружия с оптическим прицелом, убийство путем нанесения смертельного удара в спину, когда потерпевший этого не ожидал). А. Е. Меркушов считает, что Пленум не согласился ни с одной из этих позиций, поскольку вопрос о беспомощном состоянии потерпевшего применительно к п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ должен решаться в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела. А. Е. Меркушов отметил, что по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное

¹²⁷ Бюллетень Верховного суда РФ. 1998. № 4.

сопротивление виновному, когда *последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство*¹²⁸.

Мы специально выделили слова А. Е. Меркушова, чтобы обратить внимание читателя на то, что в основании квалификации по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, как правильно отмечает А. Е. Меркушов, лежит не осознание потерпевшим опасности для жизни действий виновного, а осознание виновным факта нахождения потерпевшего в беспомощном состоянии. Ибо в силу целого ряда причин, например младенческого или старческого возраста, болезненного состояния, сна и т. д., потерпевший может вообще никак не реагировать на окружающую обстановку.

Однако наше несогласие вызывает как позиция судов, не признающих беспомощного состояния, если потерпевший не осознавал посягательства на свою жизнь, так и интерпретация указаний Пленума Верховного суда РФ, данная А. Е. Меркушовым.

На наш взгляд, вышеупомянутые суды превратно толкуют беспомощное состояние, не разделяя понятия “беспомощное состояние” и “неосознание, неожиданность посягательства для потерпевшего”, о чем нами уже говорилось. А названный автор, на наш взгляд, не прав в том, что относит сон к оценочным понятиям, предполагая, что сон потерпевшего должен признаваться беспомощным состоянием в зависимости от обстоятельств дела. С чем мы согласиться не можем. Одно из двух: или сон потерпевшего во всех случаях признается нахождением его в беспомощном состоянии, или потерпевший в состоянии сна не признается находящимся в беспомощном состоянии. Третьего в этом случае просто не может быть. Хотя необходимо признать, что в литературе высказываются суждения, развивающие позицию А. Е. Меркушова.

Так, по мнению А. Вершинина, сон может наступать как биологическая потребность организма человека (здоровый сон), так и под воздействием введенного в организм какого-либо одурманивающего средства, действие которого не дает возможности выйти из этого состояния при внешних раздражителях в течение определенного промежутка времени. Он считает, что

¹²⁸ Меркушов А. Е. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ // Бюллетень Верховного суда РФ. 1999 . № 6.

только второе состояние сна следует рассматривать как беспомощное состояние и предлагает в каждом конкретном случае убийства лица, находящегося в состоянии сна, тщательно исследовать все обстоятельства дела¹²⁹.

Рекомендация А. Вершинина тщательно исследовать все обстоятельства дела не вызывает возражений. Однако мы категорически не согласны с тем, что для признания сна беспомощным состоянием необходимо, чтобы потерпевший был введен в состояние сна кем-либо. Представляется, что это искусственное разделение сна на вызывающее и не вызывающее беспомощное состояние потерпевшего, не вытекает из природы сна, поскольку потерпевший во время сна в любом случае является для виновного абсолютно беззащитным и беспомощным. Во время сна отключаются воля и сознание спящего. Он не может так же адекватно реагировать на происходящее, как и в бодрствующем состоянии, независимо от тех причин, которые обусловили его сон. Так почему мы должны при квалификации действий виновного лица учитывать обстоятельства, которые не меняют сути действий виновного, умышленно воспользовавшегося беспомощным состоянием потерпевшего?

Представляется, что убийство спящего в любом случае должно признаваться убийством лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, поскольку виновный, совершая преступление, осознает, что потерпевший в состоянии сна не может ни защитить себя, ни оказать ему какого-либо противодействия.

Несмотря на то, что, по мнению А. Е. Меркушова, Пленум Верховного суда предлагает устанавливать наличие беспомощного состояния в каждом конкретном случае, судебная практика последних лет однозначно встала на позицию непризнания сна беспомощным состоянием. Об этом свидетельствуют следующие примеры.

Так, Президиум Верховного суда РФ исключил из приговора осуждение по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, признав, что нахождение в состоянии сна нельзя отнести к беспомощному состоянию лица в том понимании, какое содержится в диспозиции п. “в” ч.

¹²⁹ Вершинин А. Некоторые вопросы квалификации убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Уголовное право. 2000. № 4. С. 8.

2 ст. 105 УК РФ, поскольку сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека¹³⁰.

Обращает на себя внимание аргументация Президиума Верховного суда РФ. По его мнению, сон не может быть отнесен к беспомощному состоянию потерпевшего, поскольку он является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека. На это хотелось бы задать вопрос. Ну и что из этого? Какое отношение данная аргументация имеет к рассматриваемой проблеме? Да, никакого. Поскольку и болезнь, и старость, и смерть, и жизнь, и многие другие состояния человека также бывают необходимыми и физиологически обусловленными, так как определяются не человеком, а природой. Находится ли человек во время сна в заведомо для виновного беспомощном состоянии или не находится — вот главный вопрос. Представляется, в данном случае ответа на него мы не получили.

В обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за 1999 г. отмечается, что анализ кассационных определений свидетельствует о том, что сон потерпевшего не рассматривается судами как его беспомощное состояние¹³¹. Интересно узнать: а почему?

Так, по делу Хакимова Р. Р. Военная коллегия Верховного суда РФ указала, что убийство спящего не может быть признано убийством лица, находящегося в беспомощном состоянии.

Суд признал Хакимова виновным в покушении на умышленное причинение смерти другому человеку, заведомо для него находящемуся в беспомощном состоянии.

Хакимов в связи с допускаявшимися в отношении его со стороны сержанта Климова физическим насилием и унижением чести и достоинства решил убить его. С этой целью Хакимов нанес спавшему Климову сильный удар острым концом металлической кирки в височную область головы, чем причинил ему тяжкий вред здоровью, опасный для жизни в момент причинения.

Военная коллегия отметила, что суд, признав Хакимова виновным в убийстве лица, заведомо для него находившегося в беспомощном состоянии, допустил ошибку в оценке физического состояния потерпевшего. По мнению Военной коллегии Верховного суда РФ, такая трактовка происшедшего противоречит требованиям закона и рекомендациям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”, поскольку в названном Постановлении

¹³⁰ Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 5.

¹³¹ Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 9.

лица, находящиеся в состоянии сна, не упоминаются как находящиеся в беспомощном состоянии

Исходя из вышеизложенного, Военная коллегия действия Хакимова в отношении спавшего Климова переквалифицировала с ч. 3 ст. 30 и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, а меру наказания смягчила¹³².

По нашему мнению, аргументация Военной коллегии Верховного суда РФ несостоятельна. Признание сна потерпевшего его беспомощным состоянием не противоречит ни закону, ни постановлению Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”, а наоборот, соответствует им. Во-первых, закон признает беспомощным состоянием потерпевшего те его состояния, при которых он не может оказать сопротивление виновному. А разве спящий может оказать сопротивление виновному? Не может. Во-вторых, действительно, в Постановлении спящий не называется лицом, находящимся в беспомощном состоянии. Но ведь приведенный в Постановлении перечень лиц, которые могут быть признаны находящимися в беспомощном состоянии, не является исчерпывающим. На каком основании Военная коллегия не признала, что Хакимов совершил покушение на Климова как на лицо, заведомо для него находящееся в беспомощном состоянии? Подобных оснований по делу не установлено.

Совершенно другое дело, если было совершено убийство разбуженного человека. В подобном случае беспомощное состояние отсутствует, поскольку состояния сна уже нет. Данное обстоятельство подлежит обязательному выяснению в процессе расследования уголовного дела. Характерным в этом смысле является следующий пример.

Овдиенко был признан пособником в убийстве лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а Янке в совершении убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

Овдиенко и Янке страдали от неуставных действий сослуживца Русинова. Во время несения службы в суточном наряде по роте (Овдиенко — дежурным, Янке — дневальным) Янке принял решение убить спавшего в казарме Русинова путем удушения. Тогда же он предложил Овдиенко принять участие в этом преступлении. Овдиенко отказался быть исполнителем убийства, но предпринял действия, способствовавшие Янке реализовать свой замысел. В частности, он передал последнему шнур для удушения Русинова, следил за окружающей обстановкой для того, чтобы обезопасить Янке во время его преступных дей-

¹³² Определение № 5-021/00 от 5 апреля 2000 г.

ствий, а затем, когда Янке задушил Русинова и выносил его тело на улицу, открыл ему входную дверь и выпустил из казармы. Янке сбросил убитого в канализационный колодец, предварительно нанеся ему удар ножом в пограничную область груди и живота.

По окончании преступных действий Овдиенко вместе с Янке принял меры к сокрытию следов преступления, дал ложную информацию командованию части о самовольном оставлении части Русиновым.

Военная коллегия, проверив материалы дела и обсудив доводы, изложенные в кассационных жалобах, пришла к выводу, что приговор подлежит изменению по следующим основаниям.

Русинов не находился в момент убийства в беспомощном состоянии, поскольку, как видно из материалов дела и показаний Янке в судебном заседании, последний перед убийством разбудил потерпевшего толчком руки в бок, от чего тот приподнял голову и повернул ее в сторону Янке. При таких условиях у суда не было достаточных оснований полагать, что Русинов находился в беспомощном состоянии.

На основании изложенного Военная коллегия Верховного суда приговор военного суда округа изменила, переквалифицировав действия Янке и Овдиенко соответственно на ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) и ст. 33 и ч. 1 ст. 105 УК РФ (соучастие в этом преступлении)¹³³.

Квалификация действий виновных лиц в данном случае была ошибочной, потому что не было установлено, что потерпевший в момент причинения ему смерти находился в беспомощном состоянии. Если бы произошло удушение спящего потерпевшего, то, на наш взгляд, даже если бы он проснулся в момент удушения, преступление все равно подлежало бы квалификации по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как виновный заведомо для него использовал бы в этом случае беспомощное состояние потерпевшего. С этой точки зрения нельзя согласиться со следующим решением Волгоградского областного суда.

Волгоградский областной суд по делу Фоминых, осужденного по пп. “а”, “д” “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство своей бывшей жены Фоминых и ее 8-летней дочери, исключил из обвинения квалифицирующий признак — убийство потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, сославшись на то, что в момент лишения жизни потерпевшие проснулись и в беспомощном состоянии не находились.

Однако Судебная коллегия отметила, что названный суд не указал в приговоре, по каким основаниям он отверг доводы обвинения о нахождении 8-летней Фоминых в беспомощном состоянии в силу ее малолетнего возраста¹³⁴.

¹³³ Определение Военной коллегии Верховного суда РФ № 6-0136/99 от 29.02.2000 г.

¹³⁴ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 11.

Представляется, что в данном случае у суда не было оснований для исключения из формулы обвинения п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку виновный умышленно воспользовался беспомощным состоянием потерпевших в процессе убийства. Кроме того, 8-летняя Фоминых была малолетней и уже в силу своего возраста находилась в заведомо для виновного беспомощном состоянии.

Таким образом, следует сделать вывод, что складывающаяся судебная практика, в соответствии с которой сон потерпевшего не признается его беспомощным состоянием, не основана на законе. Более того, она прямо противоречит ему, поскольку состояние сна характеризуется наличием беспомощного состояния, при котором потерпевший не может ни защитить себя, ни оказать сопротивление виновному. Нарушается требование закона, в соответствии с которым содеянное в подобных случаях должно квалифицироваться как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Анализ судебной практики показывает, что суды не в состоянии привести ни одного серьезного аргумента в обоснование своей позиции. Их подход противоречит как требованиям закона, так и здравой логике. Человек, находящийся во сне, полностью беспомощен и незащищен перед виновным в это время.

Имеются ли основания для признания убийства лица в состоянии сильного алкогольного опьянения, преступлением, совершенным в отношении потерпевшего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии?

Относительно признания—непризнания потерпевшего находящимся в беспомощном состоянии в силу его алкогольного опьянения хотелось бы заметить следующее. Если сон потерпевшего, по нашему мнению, в любом случае необходимо признавать беспомощным состоянием, то этого нельзя сказать об алкогольном опьянении. На наш взгляд, только то состояние алкогольного опьянения можно признавать беспомощным, которое исключает оказание сопротивления виновному. Иначе говоря, сон — это безусловное основание для признания наличия беспомощного состояния, а алкогольное опьянение — основание условное, оценочное.

Так, по нашему мнению, Судебная коллегия Верховного суда РФ правильно признала необоснованным осуждение виновных по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, совершивших убийство лица, нахо-

дящегося в состоянии алкогольного опьянения, мотивировав свое решение тем, что "...состояние сильной степени алкогольного опьянения потерпевшего в данном конкретном случае не лишало его возможности оказать сопротивление или уклониться от посягательства, однако он сам спустился вниз из квартиры на вызов виновных; по заключению экспертов-медиков на руках потерпевшего обнаружены повреждения, образование которых возможно при защите. Других обстоятельств, которые бы могли подтвердить беспомощное состояние потерпевшего, в приговоре не приведено"¹³⁵.

Однако никак нельзя согласиться ни с решением Военной коллегии Верховного суда РФ по делу Амелиной, ни тем более с его обоснованием.

Амелина в своей квартире распивала спиртные напитки с гражданином Виноградовым и поссорилась с ним.

После этого Виноградов, находившийся в сильной степени опьянения, лег спать в соседней комнате.

Затаив обиду на Виноградова, Амелина решила его убить.

С этой целью она взяла у гражданина Измерова заряженный обрез охотничьего ружья, вошла с ним в комнату к спавшему Виноградову и произвела выстрел ему в голову.

От причиненного ранения Виноградов на месте происшествия скончался. Эти действия Амелиной органы следствия и суд квалифицировали как убийство лица, заведомо для нее находившегося в беспомощном состоянии, т. е. по п. "в" ч. 2 ст. 105 УК РФ,

По мнению Военной коллегии Верховного суда РФ, такая юридическая оценка действий Амелиной противоречит требованиям закона и рекомендациям Пленума Верховного суда РФ, содержащимся в постановлении от 27 января 1999 г. "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)". Пленум разъяснил, что к лицам, находившимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены тяжелобольные и престарелые, малолетние и страдающие психическими расстройствами. Находившиеся в состоянии опьянения к таковым не относятся. Поэтому Военная коллегия Верховного суда указанные действия Амелиной в отношении Виноградова переквалифицировала на ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, совершенное из личных побуждений¹³⁶.

Амелина совершила убийство Виноградова, который не только был в состоянии сильного алкогольного опьянения, но еще и спал, т. е. заведомо для нее находился в беспомощном состоянии. На наш взгляд, по делу имелись все основания для

¹³⁵ Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 1.

¹³⁶ Определение Военной коллегии Верховного суда РФ № 6-085/99 от 7.09.99 г.

квалификации содеянного виновной по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, однако Военная коллегия Верховного суда РФ пришла к выводу, что такая юридическая оценка действий Амелиной противоречит закону и рекомендациям Пленума Верховного суда РФ.

На наш взгляд, сама Военная коллегия Верховного суда РФ приняла решение, противоречащее закону и рекомендациям Пленума Верховного суда. При этом она дала голословную, бездоказательную формулировку своего решения, нисколько не вникая в суть требований закона и рекомендаций Пленума Верховного суда РФ. По нашему мнению, соглашаться с подобным подходом нельзя. Он в высшей степени несправедлив, потому что не соответствует ни обстоятельствам дела, ни требованиям закона.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что убийство потерпевшего, который находился в состоянии алкогольного опьянения, только тогда должно признаваться совершенным в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, когда исключена возможность защиты и противостояния со стороны потерпевшего. Например, потерпевший был не способен подняться с земли, самостоятельно передвигаться и т. д. В то же время непризнание беспомощного состояния у потерпевшего, находившегося в сильной степени алкогольного опьянения, только потому, что подобные лица не перечислены Постановлении Пленума Верховного суда РФ, является грубейшим нарушением требований закона.

На наш взгляд, примером вопиющей несправедливости при уголовно-правовой оценке действий виновного лица может служить дело Быченкова.

Быченков убил Точилина и покушался на жизнь Юдина в тот момент, когда потерпевшие в состоянии сильного алкогольного опьянения спали.

Московский городской суд признал, что преступление было совершено в отношении лиц, заведомо для виновного находившихся в беспомощном состоянии.

В кассационной жалобе адвокат оспаривал данный вывод суда.

Судебная коллегия Верховного суда РФ приговор изменила, указав следующее.

По смыслу закона к лицам, находившимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. В данном случае потерпев-

шие Юдин и Точилин к таким лицам не относились. Сам же факт сильного алкогольного опьянения и сна потерпевших не может рассматриваться как заведомое для Быченкова их беспомощное состояние¹³⁷.

Согласиться с данным решением Судебной коллегии Верховного суда РФ нельзя, поскольку для утверждения, что “сам факт сильного алкогольного опьянения и сна потерпевших не может рассматриваться как заведомое для Быченкова их беспомощное состояние”, нет ни моральных, ни законных оснований. Как известно, существует два вида беспомощности потерпевшего — физическая и психическая. В данном случае потерпевшие и не могли оказать сопротивление виновному, и не могли правильно воспринимать действительность, т. е. находились в состоянии и физической и психической беспомощности.

По нашему мнению, непризнание состояния сна и сильного алкогольного опьянения беспомощным состоянием потерпевшего противоречит действующему законодательству. Подобный подход приводит к неразрешимым противоречиям в правоприменительной деятельности в тех случаях, когда речь идет о применении других статей, где беспомощное состояние выступает признаком состава преступления, например в составе изнасилования. Приведем пример из судебной практики.

Так, еще во время действия УК РСФСР было совершено следующее преступление.

Егоров, проживавший в пос. Издешково, вечером, пригласив с собой гр-ку М., приехал в комнату для приезжих, где со своими знакомыми стал распивать спиртные напитки. Когда М. оказалась в сильной степени опьянения, Егоров, а затем Жуков изнасиловали ее. Боясь ответственности за совершенное преступление, виновные решили избавиться от потерпевшей. С этой целью они вынесли ее из комнаты и положили под лестницей в холодном коридоре.

Будучи в состоянии опьянения, потерпевшая ночью при температуре 24 градуса мороза от охлаждения тела умерла.

Преступные действия виновных были квалифицированы по ч. 3 ст. 117 и п. “е” ст. 102 УК РСФСР (п. “б” ч. 2 ст. 131 и п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ), т. е. как групповое изнасилование и убийство, сопряженное с изнасилованием¹³⁸.

Как содеянное виновными квалифицировалось бы по действующему законодательству? Имеются ли в этом случае основания для применения п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

Если исходить из логики, которой в настоящее время придерживаются некоторые суды, то получается, что в действиях

¹³⁷ Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 8.

¹³⁸ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1964. № 10.

виновных есть состав изнасилования, так как они умышленно воспользовались беспомощным состоянием потерпевшей. Убийства же лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, не будет, потому что потерпевшая находилась в состоянии сильного алкогольного опьянения, что не расценивается как беспомощное состояние. И что это за логика такая, которая грешит против здравого смысла? Или мы в данном случае признаем наличие беспомощного состояния потерпевшей, поскольку есть состав изнасилования, или не признаем. Если имелось беспомощное состояние и состав изнасилования, а в этом нет никаких сомнений, следовательно, мы не можем не признать, что было совершено убийство лица, заведомо для виновного(ых) находящегося в беспомощном состоянии. А раз это так, то на каком основании умышленное причинение смерти потерпевшему, находящемуся в состоянии сильного алкогольного опьянения, мы не признаем убийством лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии?

Вывод напрашивается сам собой — сильное алкогольное опьянение в случаях, когда потерпевший не мог оказать сопротивление виновному, уклониться от посягательства на свою жизнь, должно признаваться убийством лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Как квалифицировать случаи, когда виновный сам привел потерпевшего в беспомощное состояние?

Не простой проблемой, требующей разрешения, является оценка действий виновного лица, который до совершения убийства потерпевшего привел его в беспомощное состояние. Представляется, что уголовно-правовая оценка действий виновного лица не может быть однозначной применительно ко всем возможным ситуациям. Разберем несколько примеров из практики Верховного суда РФ.

Так, Президиум Верховного суда РФ исключил осуждение по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ в следующей ситуации.

Осужденные нанесли потерпевшему не менее 16 ударов по голове и другим частям тела, от полученных телесных повреждений потерпевший потерял сознание. Виновные же, реализовав умысел на убийство, бросили его лицом в воду на заболоченном участке, в результате чего потерпевший скончался от утопления в воде¹³⁹.

¹³⁹ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 7.

В этом случае беспомощное состояние потерпевшего наступило в процессе лишения его жизни. При таких обстоятельствах нет оснований для признания убийства совершенным в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Виновный, на наш взгляд, должен до начала выполнения объективной стороны осознавать, что он совершает убийство лица, неспособного оказать ему сопротивление или уклониться от посягательства в силу физической или психической беспомощности¹⁴⁰.

В другом случае осужденный, желая смерти потерпевшей, стал душить ее руками, а когда она потеряла сознание, нанес ей несколько ударов ножом в сердце.

Президиум Верховного суда РФ переквалифицировал действия осужденного с п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ на том основании, что потерпевшая была приведена виновным в беспомощное состояние в процессе лишения ее жизни¹⁴¹.

Не вызывает возражений решение об отсутствии в действиях виновного рассматриваемого состава преступления, если потерпевший приведен в беспомощное состояние в процессе лишения его жизни. Оно следует как неминуемый побочный результат действий виновного лица, направленных на лишение потерпевшего жизни. В этих случаях не может быть и речи об осознанном, т. е. заведомом использовании беспомощного состояния потерпевшего. Однако если потерпевший был приведен в беспомощное состояние до начала выполнения объективной стороны убийства, то, по нашему мнению, имеются основания для признания убийства совершенным в отношении лица, заведомо для него находящегося в беспомощном состоянии. В качестве иллюстрации сказанного рассмотрим следующий пример.

Климушкин, Гарифуллин и Кучерявенко, узнав, что в одном из домов пос. Верховье проживают состоятельные люди, договорились совершить разбойное нападение на них. Для осуществления задуманного Климушкин передал нож Гарифуллину. Когда они проникли во двор дома и увидели вышедшего из гаража Кононенко, Кучерявенко ударом кулака сбил его с ног, после чего потерпевшего занесли в гараж. Там они связали ему руки и ноги, приведя тем самым в беспомощное состояние, затем, проявляя особую жестокость, на протяжении длительного времени избивали по туловищу и голове. Гарифуллин наносил удары молотком по шее и голове, Кучерявенко — доской по голове, а Климушкин — ногами по туловищу и голове. От полученных повре-

¹⁴⁰ См.: Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 10.

¹⁴¹ Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 1.

ждений Кононенко скончался на месте. Забрав из карманов одежды потерпевшего ключи, виновные проникли в дом, откуда похитили имущество потерпевшего.

Судебная коллегия Верховного суда согласилась с Орловским областным судом, что в данном случае действия виновных должны быть квалифицированы и по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, и приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного суда РФ в протесте поставил вопрос об исключении из осуждения Климушкина, Кучерявенко и Гарифуллина п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Президиум Верховного суда РФ протест удовлетворил, указав следующее.

По п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, если доказано, что последний не способен был в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, а тот, совершая убийство, создавал это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их возможности правильно воспринимать происходящее.

Как видно из материалов дела, потерпевший физическими и психическими заболеваниями не страдал. Когда он вышел из гаража, виновные, сбив его с ног, затащили в гараж, где связали и убили. Связывание потерпевшего в процессе лишения жизни после нанесенного Кучерявенко удара кулаком в данном случае является составным элементом объективной стороны преступления — убийства.

При таких обстоятельствах с выводом суда о том, что осужденные совершили убийство Кононенко с использованием его беспомощного состояния, согласиться нельзя. Осуждение их по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит исключению¹⁴².

Особенностью данного примера является то, что виновные сначала привели потерпевшего в беспомощное состояние, а затем убили. Поскольку связывание потерпевшего в данном конкретном случае было совершено в процессе лишения его жизни, то следует согласиться с решением Президиума Верховного суда РФ. Однако если бы потерпевшего связали с целью разбоя, а убийство связанного затем было бы совершено с целью скрыть данное преступление, то, на наш взгляд, имелись бы основания для применения п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. В этом случае виновные бы умышленно воспользовались беспомощным состоянием потерпевшего.

Таким образом, на наш взгляд, следует сделать вывод о том, что п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит применению, если потерпевший был приведен в беспомощное состояние до начала

¹⁴² Бюллетень Верховного суда РФ. 2001. № 1.

выполнения объективной стороны убийства. Если беспомощное состояние потерпевшего наступило в процессе лишения его жизни, то применение п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ исключается.

2.2. Убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника

Пункт “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за убийство в тех случаях, когда оно сопряжено с другими преступлениями, такими как похищение человека, и захват заложника. Представляется целесообразным обратиться к особенностям составов преступлений, описанных в ст.ст. 126, 127 и 206 УК РФ, с тем чтобы выяснить характерные признаки данного вида убийства.

Общее и особенное составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 126, 127 и 206 УК РФ

Рассматриваемые преступления имеют общий признак, заключающийся в том, что и в случае похищения человека, и в случае захвата заложника виновный противозаконно распоряжается личной свободой потерпевшего, т. е. его возможностью самостоятельно передвигаться и определять свое местонахождение. В то же время у них имеются и отличия. Обе нормы предусматривают ответственность за посягательство и на другие объекты, охраняемые уголовным законом. При похищении человека такими объектами являются личность и собственность, а при захвате заложника — личность, собственность и общественная безопасность. Кроме того, необходимо иметь в виду, что указанные составы преступлений в определенных случаях необходимо разграничивать с составом, предусмотренным ст. 127 УК РФ, и квалифицировать по совокупности, поскольку незаконное лишение свободы это также посягательство на личную свободу человека. Отсюда становится понятным, что и данному составу преступления должно быть уделено внимание в работе, чтобы проблема квалификации убийства, сопряженного с преступлениями, посягающими на личную свободу человеку, была рассмотрена комплексно.

Сложность применения составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 126, 127 и 206 УК РФ, проистекает из следующего. Во-первых, в законе нет определения похищения человека.

Во-вторых, практически нет определения незаконного лишения свободы, поскольку в диспозиции статьи имеется только указание на то, что незаконное лишение свободы не должно быть связано с похищением человека. В-третьих, возникают сложности при разграничении названных составов преступлений с захватом заложника, поскольку захват заложника фактически осуществляется или путем похищения человека, или путем незаконного лишения его свободы. Все это и вызывает проблемы при квалификации. Естественным, не разобравшись с данными проблемами, невозможно переходить к рассмотрению вопросов квалификации убийств, сопряженных с преступлениями, предусмотренными ст. ст. 126, 127, 206 УК РФ.

Похищение человека

Похищение человека относится к преступлениям против свободы. Ответственность за данное преступление предусмотрена в ч. 1 ст. 126 УК РФ. Совершение его наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет. Следовательно, похищение человека по характеру и степени общественной опасности на основании ст. 15 УК РФ является тяжким преступлением. Закон не дает определения похищения человека, поэтому следует обратиться к доктрине и практике уголовного права, в том числе и в историческом аспекте.

Дореволюционное российское законодательство устанавливало уголовную ответственность за похищение детей и женщин. Состав преступления, предусмотренный ст. 126 УК РФ, наиболее близок составу похищения детей, поскольку за похищение детей устанавливалась ответственность независимо от наличия специальных целей или мотива, в отличие от похищения женщин.

И. Я. Фойницкий определял похищение людей как физический захват личности в различных целях¹⁴³. Так, он отмечал: «Похищение ребенка есть физический захват ребенка из-под охраны лиц или лиц, их заступающих, вопреки их воле. Похищение предполагает захват ребенка в свое обладание навсегда, и от него отличается самовольное взятие ребенка на время, например, на бал или для иной цели. Оно предполагает физическое овладение ребенком силою или хитростью, изъятие его из

¹⁴³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. Пг., 1916. С. 96.

охраны управомоченных на то лиц вопреки их воле; воля же ребенка при этом не имеет значения”¹⁴⁴. Исходя из данного определения, можно предположить, что И. Я. Фойницкий различал похищение ребенка “навсегда” и самовольное взятие ребенка на время. На наш взгляд, провести грань в таком случае между похищением ребенка и его “временным позаимствованием” представляется невозможным.

Несколько иное определение похищения детей давал Н. С. Таганцев: “Сущность данного преступления заключается в изъятии ребенка из-под охраны родителей или заменяющих их место, и в возникающей, вследствие того, опасности для будущности ребенка, а в особенности — для восстановления принадлежащих ему прав состояния; поэтому для состава проступка безразлично, было ли совершено это деяние с согласия самого ребенка или нет. Если ребенок ушел добровольно за обвиняемым в похищении, без шума, крика и сопротивления, но вследствие различных обещаний или обольщения, то уведший будет наказан, тем более, что согласие недееспособного не имеет никакого юридического значения.

Похищение и сокрытие могут быть совершены всеми возможными средствами, следовательно, как открытым насилием, так и тайно, посредством хитрости, обмана.

Деяние должно считаться оконченным с того момента, когда виновный овладел ребенком, увел, увез или скрыл его, хотя бы похищение было немедленно открыто и ребенок был отнят и возвращен родителям”¹⁴⁵.

Можно сделать вывод, что Н. С. Таганцев относил к похищению ребенка все случаи, когда он был изъят у родителей или лиц, их заменявших, независимо от срока, на который данное изъятие ребенка производилось.

УК РСФСР 1922 и 1926 гг предусматривали ответственность за похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной или иной целью, а также из мести.

А. А. Жижиленко применительно к УК РСФСР 1926 г. определял похищение ребенка следующим образом: “Похищение ребенка есть увоз или увод его из того места, в котором он

¹⁴⁴ Там же. С. 99—100.

¹⁴⁵ Таганцев Н. С. Лекции по уголовному праву. Часть особенная. Спб., 1894. С. 331—332.

находился, в другое место. Каким путем производится этот увоз или увод, безразлично”¹⁴⁶. Кроме того, он отмечал, что так как для похищения ребенка требуется действительное его изъятие из места его пребывания, то простое удержание у себя чужого ребенка, подкинутого или заблудившегося, еще не образует состава преступления, хотя бы лицо, удерживающее его у себя, и знало, чей это ребенок¹⁴⁷.

УК РСФСР 1960 г. устанавливал ответственность за похищение человека в ст. 125¹ УК РСФСР. Объективная сторона деяния одними исследователями определялась как завладение человеком вопреки или помимо его воли. Способ мог быть тайным или открытым, являться следствием обмана или злоупотребления доверием¹⁴⁸.

Другие утверждали: “Похищение человека — тайное или открытое либо с помощью обмана завладение (захват) живым человеком, сопряженное с ограничением его личной свободы. Время, в течение которого похищенный человек не имел возможности распоряжаться личной свободой, для квалификации значения не имеет. Это может быть как достаточно продолжительное (несколько суток, месяцев и даже лет), так и относительно кратковременное (несколько часов) пребывание в неволе”¹⁴⁹.

Применительно к УК РФ исследователи дают аналогичные определения похищения человека. Например, И. Я. Козаченко дал следующую развернутую дефиницию похищения человека: “Похищение человека — это завладение им вопреки или помимо его воли (изъятие из микросреды), сопряженное с последующим ограничением его личной свободы.

Похищение человека может быть совершено с помощью любых действий, однако непременно включает перемещение потерпевшего из одного постоянного или временного местонахождения в другое. Оно может быть совершено помимо воли потерпевшего, т. е. тайно (например, в отношении спящего), или вопреки воле потерпевшего — открыто, с применением физиче-

¹⁴⁶ Жижиленко А. А. Преступления против личности. М., 1927. С. 81.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л. Л. Кругликова, Э. С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 362.

¹⁴⁹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 1994. С. 231.

ского (связывание, насильственное удержание, водворение в специальное помещение и т. д.) или психического насилия (угроза причинить вред, разгласить нежелательные для потерпевшего сведения). Похищение может явиться следствием обмана или злоупотребления доверием. Причем обман может быть как активным (виновный сообщает потерпевшему заведомо ложные сведения), так и пассивным (он не сообщает потерпевшему сведения, которые обязан был сообщить) с целью завлечения потерпевшего в такую ситуацию, при которой он лишается возможности свободы выбора поведения»¹⁵⁰.

Э. Ф. Побегайло определяет похищение человека как противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым либо с помощью обмана завладением (захватом) человеком, изъятием его из естественной микросоциальной среды, перемещением с места его постоянного или временного пребывания с последующим удержанием помимо его воли в другом месте¹⁵¹.

Таким образом, с точки зрения как дореволюционных, так и послереволюционных и современных исследователей похищение — это изъятие человека из мест его обычного пребывания и перемещение в иное место по усмотрению похитителя (завладение, захват), совершенное помимо (или вопреки) его воли любым способом, как открыто, так и тайно, как вследствие обмана, так и в результате злоупотребления доверием со стороны виновного лица.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о моменте окончания преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. В литературе высказываются различные суждения относительно момента окончания похищения человека.

Например, А. И. Рарог считает, что данное преступление имеет так называемый формальный состав, и потому признается оконченным с момента, когда человек захвачен и удерживается помимо (или вопреки) его воли какое-то время, а длительность

¹⁵⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановленными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 352.

¹⁵¹ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Х. Д. Аликперова, Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 316.

удержания потерпевшего на квалификацию содеянного влияния не оказывает¹⁵².

По мнению О. Ф. Шишова, преступление должно признаваться оконченным в момент фактического захвата человека¹⁵³.

С точки зрения Э. Ф. Побегайло, похищение человека будет признаваться оконченным с момента фактического захвата человека и перемещения его хотя бы на некоторое время в другое место¹⁵⁴.

При всей внешней схожести приведенных суждений в них прослеживаются различные подходы к определению момента окончания похищения человека: 1) с момента захвата (О. Ф. Шишов); 2) с момента перемещения (Э. Ф. Побегайло); 3) с момента удержания в другом месте (А. И. Рарог). В связи с этим возникает вопрос: как квалифицировать содеянное, если потерпевшего втолкнули в автомашину, а затем несколько часов возили его по городу, после чего отвезли за город и закрыли на даче одного из похитителей? С какого момента преступление признается оконченным?

По нашему мнению, похищение человека следует признавать оконченным с того момента, когда потерпевший изымается из места его обычного пребывания и виновный получает возможность распоряжаться им, определяя его местонахождение. Фактически это может выражаться или в перемещении потерпевшего в другое место против его воли, или в удержании в том месте, куда его обманным путем заманили. В первом случае похищение человека будет окончено с момента перемещения потерпевшего против его воли в другое место, а во втором — с момента удержания его в другом месте. Суть похищения человека — его изъятие и определение ему иного местонахождения. Следовательно, тот момент, когда потерпевший изъят и виновный начинает определять против воли потерпевшего его местонахождение, и является моментом окончания похищения человека. Для похищения человека характерно *изъятие* потерпевшего из

¹⁵² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановленными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 352-353.

¹⁵³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А. В. Арндтаренко, Н. Н. Афанасьев, В. Е. Батюкова и др. М., 1997. С. 255.

¹⁵⁴ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Х. Д. Аликперова, Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 317.

места его нахождения и *определение ему места пребывания против его воли.*

На наш взгляд, нельзя соглашаться с точкой зрения, согласно которой похищение человека должно признаваться оконченным с момента захвата потерпевшего, поскольку еще не произошло изъятия потерпевшего из места его нахождения, его могут захватить и удерживать, например, в его собственной квартире. В этом случае похищения еще нет.

Нельзя соглашаться и с другим подходом, в соответствии с которым похищение человека должно признаваться оконченным с того момента, когда потерпевший захвачен и удерживается в другом месте. В этом случае похищение уже может быть совершено ранее, если, например, потерпевший доставлялся в другое место насильственным способом.

Иначе говоря, если в первом случае еще рано признавать похищение оконченным, то во втором — может быть уже поздно. Наиболее правильно исходить из способа, при помощи которого совершается похищение человека. Если способ насильственный, т. е. человека изымают и перемещают куда-либо, то преступление признается оконченным с момента начала перемещения его в другое место. Если в качестве способа использован обман или злоупотребление доверием, то преступление должно признаваться оконченным с того момента, когда потерпевшего начинают удерживать в том месте, где он оказался по воле похитителей.

Незаконное лишение свободы

Дореволюционное российское законодательство достаточно тщательно регламентировало ответственность за преступления против свободы.

Авторы проекта Уголовного Уложения 1903 г. и комментария к нему отмечали, что одним из важнейших благ личности, поставленных государством под юридическую охрану, является свобода лица проявлять свою волю в деятельности, действовать по своему усмотрению¹⁵⁵.

По их мнению, "...свобода деятельности, как особое благо лица, является понятием сложным и объемлет несколько от-

¹⁵⁵ Уголовное Уложение. Проект Редакционной Комиссии... С. 419.

дельных видов или типов. Таковы, во-первых, свобода распоряжаться своими органами тела, почему к случаям лишения свободы относится, например, связывание или привязывание лица, зажатие кому-либо рта, завязывание глаз и т. д.; во-вторых, свобода передвижения в смысле выбора местопребывания, будет ли этот выбор относиться к месту в тесном смысле — комната, квартира, улица, площадь, или в обширном — село, город; поэтому ограничение свободы может выразиться в замкнутости или удержании в каком-либо помещении, в принуждении переходить или переезжать из одного места в другое, в увозе или отвозе в какое-либо место, в лишении возможности передвижения из одного места в другое и т. д.; в-третьих, свобода выбора какой-либо деятельности, в смысле отдельного, точно определенного акта, или целого ряда последовательных актов; поэтому и посягательство на свободу может заключаться в принуждении подчиниться известному требованию, сделать ту или другую уступку, прекратить то или другое занятие и т. д.¹⁵⁶

Стеснение свободы во всех своих проявлениях, по мнению авторов Уголовного Уложения, может быть достигнуто или применением физической силы, или посредством психического воздействия¹⁵⁷, для наказуемости необходимо, чтобы оно было противозаконно¹⁵⁸.

Уложение 1903 г. предусматривало особую главу, посвященную преступлениям против свободы, в которой были объединены такие преступления, как лишение свободы передвижения, продажа в рабство, похищение людей (женщин и детей), принуждение, угроза и нарушение домашнего мира. Поскольку нас интересует прежде всего лишение свободы передвижения, то мы остановимся только на данном составе преступления.

Хотелось бы сразу же обратить особое внимание на соотношение незаконного лишения свободы (по терминологии Уголовного Уложения — посягательства на личную свободу) с другими преступлениями.

Авторы Уложения исходили из следующего. Если посягательство на личную свободу являлось формой осуществления другого, более тяжкого преступления, то виновный должен отвечать только за более тяжкое преступление. Если лишение сво-

¹⁵⁶ Там же. С. 419—420.

¹⁵⁷ Там же. С. 422.

¹⁵⁸ Там же. С. 423.

боды было только подготовительной ступенью к совершению более тяжкого преступления, то содеянное виновным следует квалифицировать по совокупности преступлений¹⁵⁹.

Составители Уложения связывали наказуемость деяния с продолжительностью незаконного лишения свободы. Этот срок определялся в одну неделю. При незаконном лишении свободы свыше одной недели наказание устанавливалось более суровое.

Условиями применения ст. 420 Уложения признавались следующие:

- 1) лишение свободы должно быть противозаконно;
- 2) деяние должно быть выполнено умышленно, независимо от целей и мотивов его;
- 3) лишение свободы должно быть совершено против воли потерпевшего;
- 4) способ незаконного лишения свободы не влияет на квалификацию содеянного виновным;
- 5) должностные лица, незаконно лишившие кого-либо свободы, подлежат ответственности по данной статье;
- 6) лишение свободы может заключаться не только в заключении жертвы в какое-либо помещение, но и вообще в удержании где-либо помимо воли задержанного¹⁶⁰.

Задержание и заключение признавались возможными как относительно человека, который до этого был свободен, так и относительно лишенного свободы, составляя в последнем случае противозаконное продолжение лишения свободы. Преступление признавалось оконченным с момента фактического лишения свободы¹⁶¹.

Статья 420 Уложения 1903 г. была общей. Имелись и специальные статьи, которые предусматривали ответственность за особые случаи незаконного лишения свободы, например, матерью или отцом, органом власти или лицом, исполняющим общественную обязанность, при исполнении или по поводу исполнения им своих обязанностей (ст. 421); а также за незаконное помещение или содержание в больнице заведомо не одержимого душевную болезнью, в притоне разврата — лица женского пола, не внесенного в список публичных женщин (ст. 422).

¹⁵⁹ Там же. С. 424.

¹⁶⁰ Там же. С. 428—433.

¹⁶¹ Там же. С. 433.

Уголовные кодексы 1922 и 1926 гг. в своем составе имели статьи, в которых устанавливалась ответственность за преступления против свободы. В ст. 159 УК РСФСР 1922 г. предусматривалась ответственность за лишение свободы путем задержания и заключения, т. е. данный состав был сконструирован точно так же, как и в дореволюционном законодательстве. В УК РСФСР 1926 г. задержание и заключение особо не упоминались.

В ч. 1 ст. 147 УК РСФСР 1926 г. устанавливалась ответственность за насильственное незаконное лишение кого-либо свободы, а в ч. 2 данной статьи — за лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или сопровождающееся причинением ему физических страданий. Статья 148 УК РСФСР 1926 г. предусматривала наказание за помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового человека из корыстных или личных целей, статья 149 — за похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных личных видов.

А. А. Жижиленко, определяя незаконное лишение свободы применительно к УК РСФСР 1926 г., утверждал, что незаконное лишение свободы является не чем иным, как принуждением потерпевшего пребывать в известном месте против его воли в двух видах: 1) задержания или 2) заключения, т. е. помещения потерпевшего в какое-нибудь место¹⁶².

А. А. Жижиленко раскрывал суть незаконного лишения свободы, характеризуя его виды. Так, по его мнению, задержание предполагает удержание человека в том месте, где он пребывать не желает, как соединенное с физическим захватом, так и без такового. Например, путем лишения потерпевшего одежды, без которой он не может уйти с определенного места¹⁶³.

Помещение потерпевшего в какое-либо место (заключение) предполагает, по утверждению А. А. Жижиленко, помещение потерпевшего против его воли в такое место, откуда он выйти не может¹⁶⁴. А. А. Жижиленко высказал суждение, что нет необходимости в установлении уголовной ответственности за похищение человека. Оно охватывается составом незаконного лишения свободы¹⁶⁵.

¹⁶² Жижиленко А. А. Указ. соч. С. 74.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С. 75.

¹⁶⁵ Там же. С. 76.

На наш взгляд, это ошибочное мнение, поскольку похищение человека и незаконное лишение свободы — это два разных состава преступления, имеющих разную объективную сторону.

По мнению А. А. Жижиленко, преступление признается выполненным с момента самого задержания или заключения. Сколько времени продолжалось задержание или заключение, для состава преступления безразлично¹⁶⁶.

По УК РСФСР 1960 г. ответственность за незаконное лишение свободы предусматривалась статьей 126. Объективная сторона данного преступления определялась некоторыми авторами как противоправное воспрепятствование человеку выбирать по своей воле место пребывания¹⁶⁷.

По мнению других, незаконное лишение свободы — это деяние, состоящее в ограничении личной свободы (свободы передвижения) человека путем водворения его в какое-либо помещение, связывания или насильственного удержания. Потерпевший должен быть лишен возможности перемещаться по собственному усмотрению в пространстве и понимать это. Способ совершения преступления любой¹⁶⁸.

Представляется, что незаконное лишение свободы не может заключаться в водворении потерпевшего в какое-либо помещение, поскольку в таком случае будет невозможно провести разграничение между незаконным лишением свободы и похищением человека.

Ответственность за незаконное лишение свободы по действующему законодательству предусмотрена ст. 127 УК РФ. В законе не уточняется, что признается незаконным лишением свободы, лишь указывается на то, что незаконное лишение человека свободы не должно быть связано с его похищением.

Определение незаконного лишения свободы, несмотря на его кажущуюся простоту, вызывает сложности.

Так, по мнению Э. Ф. Побегайло, объективная сторона преступления выражается в незаконном лишении человека свободы передвигаться в любое время и в любом направлении, выбора им места нахождения, общения с другими людьми. Например,

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л. Л. Кругликова, Э. С. Тенцова. Ярославль, 1994. С. 363.

¹⁶⁸ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред В. И. Радченко. М., 1994. С. 232.

насильственное удержание потерпевшего в каком-либо помещении¹⁶⁹. Данное определение не вызывает особых возражений, однако, представляется, лишение потерпевшего возможности общения с другими людьми находится за пределами состава рассматриваемого преступления.

А. И. Рарог особенностью незаконного лишения свободы видит в том, что виновный вопреки или помимо воли потерпевшего с помощью физического насилия, угроз или обмана лишает человека возможности пребывать (находиться) в желаемом для него месте, т. е. самовольно распоряжаться своей свободой¹⁷⁰. На наш взгляд, в данном определении смещены акценты. Суть незаконного лишения свободы заключается не в том, чтобы лишить потерпевшего возможности пребывать в определенном месте, а в том, чтобы его удерживать там, где он находится более не желает.

Г. Н. Борзенков определяет объективную сторону незаконного лишения свободы как удержание человека в определенном месте путем запираания, связывания, запрещения покидать помещение под угрозой насилия или причинения другого вреда потерпевшему¹⁷¹. На наш взгляд, автором неоправданно расширены пределы состава преступления. Он распространяет его и на ситуации, которые к незаконному лишению свободы не относятся. В самом деле, разве можно признавать наличие состава незаконного лишения свободы в том случае, когда, например, виновный пригрозил потерпевшему убийством, если он выйдет из своего дома? Здесь имеет место посягательство на волеизъявление потерпевшего, а не на его свободу перемещения. Последнее, на наш взгляд, будет только в том случае, когда потерпевшего лишают возможности свободно передвигаться. Например, путем связывания, физического удержания, запираания в помещении и т. д.

¹⁶⁹ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Х. Д. Алиперова, Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 321.

¹⁷⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановленными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 356.

¹⁷¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2001. С. 285.

И это далеко не полный спектр представленных в современной уголовно-правовой литературе точек зрения относительно понимания незаконного лишения свободы.

На наш взгляд, суть незаконного лишения свободы заключается в том, что потерпевшего лишают свободы передвижения по своему усмотрению. Его *удерживают* в определенном месте *против* его воли.

Необходимо подчеркнуть, что если потерпевший удерживается где-либо *помимо* его воли, т. е. он об этом не знает, например, потерпевший спит, а его закрывают в квартире, то состава незаконного лишения свободы не будет. Факт незаконного лишения свободы должен потерпевшим осознаваться. Он должен понимать, что его незаконно лишили свободы передвижения.

Квалификация содеянного виновным в том случае, когда незаконное лишение свободы происходило помимо воли потерпевшего, должна зависеть от обстоятельств дела и направленности умысла виновного. Например, если умысел виновного был направлен на то, чтобы лишить потерпевшего свободы передвижения, а тот об этом даже не догадывался, поскольку все время его заперения в помещении спал, то содеянное может быть квалифицировано как покушение на незаконное лишение свободы. Если же виновному было все равно, будет лишен потерпевший свободы передвижения или нет, так как потерпевшего он закрывал в помещении на всякий случай на время своего отсутствия, то квалификация его действий будет зависеть от фактических обстоятельств содеянного. Проснулся потерпевший и осознал, что его незаконно лишили свободы, — в деянии виновного будет состав преступления, предусмотренного ст. 127 УК РФ. Не проснулся — значит состав незаконного лишения свободы отсутствует. Подобный подход объясняется тем, что при альтернативном умысле субъекта деяния квалификация его действий всегда производится в зависимости от наступившего результата. В нашем случае — в зависимости от осознания потерпевшим факта своего незаконного лишения свободы.

Исходя из диспозиции ст. 127 УК РФ, незаконное лишение свободы будет только тогда, когда в деянии виновного лица отсутствуют признаки похищения человека. Поэтому следует остановиться на критериях, позволяющих разграничить похищение человека и незаконное лишение свободы.

Отличие похищения человека от незаконного лишения свободы

Существуют различные мнения относительно критериев разграничения похищения человека и незаконного лишения свободы.

Так, С. И. Никулин высказал суждение, что основное их отличие состоит в том, что похищение всегда сопряжено с захватом (насильственно или без такового) человека и последующим его удержанием помимо воли в изоляции. Одно лишь удержание потерпевшего в неволе, если этому не предшествовало изъятие его из естественной социальной микросреды, состава данного преступления не образует. Окончено преступление после того, как человек будет фактически захвачен и хотя бы на некоторое время изъят из естественной для него микросреды¹⁷².

И. Я. Козаченко считает, что, незаконное лишение свободы в отличие от похищения человека не сопряжено с перемещением потерпевшего из одного места в другое. Оно осуществляется путем удержания потерпевшего в определенном месте, где тот оказался по собственному желанию или в результате *обмана*¹⁷³.

По нашему мнению, если потерпевшего заманили куда-либо путем обмана, а затем его там удерживали, то речь должна идти о похищении человека, а не о незаконном лишении его свободы. Поэтому более правильно, на наш взгляд, утверждать, что отличие похищения человека от незаконного лишения свободы заключается в том, что потерпевшего при незаконном лишении свободы удерживают в том месте, в котором он оказался по собственному желанию, а при похищении — в том месте, где он оказался по воле виновного или по своей воле, но будучи введенным в заблуждение относительно истинных намерений виновного лица. Например, если потерпевшего пригласили якобы отдохнуть на даче, а на самом деле его заманили в данное место подобным образом для последующего удержания, то это похищение человека, а не незаконное лишение свободы.

Поскольку похищение — это изъятие человека из места его нахождения, а незаконное лишение свободы — удержание человека в определенном месте, можно сделать вывод о том, что

¹⁷² Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред В. И. Радченко. М., 1994. С. 231.

¹⁷³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 356.

разница между этими двумя составами преступления заключается в объективной стороне содеянного. При похищении потерпевший всегда перемещается в пространстве помимо своей воли или по своей воле, но заблуждаясь относительно истинных намерений виновного. При незаконном лишении свободы имеется только удержание потерпевшего в определенном месте, при этом оно не связано с перемещением потерпевшего в пространстве. Он лишается свободы передвижения без перемещения его с одного места в другое.

Захват заложника

Захват заложника определяется в ст. 206 УК РФ как захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

Понятие “удержание лица” нами уже рассматривалось. Оно означает физическое ограничение свободы перемещения потерпевшего. Применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, необходимо рассмотреть понятие “захват заложника”.

В специальной литературе оно не имеет однозначного определения. Некоторые авторы при толковании ст. 206 УК РФ вообще не раскрывают содержания этого понятия. Так, В. И. Радченко не дает его определения. Он пишет: “Захват заложника может осуществляться как открыто, так и тайно, с применением физического насилия либо без такового (например, завлечение заложника с помощью обмана на место его удержания)”¹⁷⁴.

Другие ограничивают данное деяние только насильственными действиями. Например, по мнению В. С. Комиссарова, захват заложника — насильственное ограничение свободы передвижения человека, а удержание — насильственное воспрепятствование в оставлении лицом определенного местонахождения¹⁷⁵.

Третьи исходят из того, что захват заложника может происходить как с применением, так и без применения насилия. В

¹⁷⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2001. С. 416.

¹⁷⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 618.

частности, А. Н. Игнатов считает, что захват заложника состоит в противоправном лишении свободы одного или нескольких лиц, соединенном с насилием или угрозой применения насилия¹⁷⁶.

Четвертые предельно широко понимают захват заложника. Так, по мнению С. И. Никулина, захват заложника — это совершенное открыто, тайно, с применением насилия или угрозы его применения либо без такового противоправное ограничение свободы хотя бы одного человека, сопровождаемое в последующем открытым сообщением об этом и выдвиганием условий освобождения захваченного (ультимативность)¹⁷⁷.

Авторы работы “Захват заложника” следующим образом раскрывают объективную сторону преступления, предусмотренно ст. 206 УК РФ:

“Захват — это действие, заставляющее потерпевшего изменить место пребывания помимо его воли.

Удержание — действие, лишаящее потерпевшего возможности покинуть это место по своей воле, т. е. воспрепятствование обретению человеком свободы.

Способы захвата и удержания могут быть различными, особенно первый этап действий, когда нужно заманить, изолировать жертву. Для достижения этой цели применяются обман, тайное изъятие (спящего, больного и т. д.)”¹⁷⁸.

На наш взгляд, вышеприведенные определения значительно обогащают и всесторонне раскрывают суть захвата заложника, несмотря на их взаимоисключающий характер. Однако, представляется, необходимо обратить внимание на тавтологичность диспозиции ст. 206 УК РФ. В названии статьи употребляется понятие “захват заложника”. Оно же, наряду с понятием “удержание”, содержится в диспозиции закона, в которой дается определение захвата заложника. Получается, что *захват* заложника — это *захват* лица или его удержание в качестве заложника. Следовательно, пытаться уяснить содержание понятия “за-

¹⁷⁶ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Х. Д. Аликуперова, Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 517.

¹⁷⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 462.

¹⁷⁸ Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н. Захват заложника. СПб., 2001. С. 45—46.

хват заложника” без учета тавтологии, имеющейся в диспозиции закона — значит заранее обречь себя на неудачу.

По нашему мнению, захват — это родовое понятие для физического ограничения свободы передвижения потерпевшего, которое может происходить путем как его похищения, так и незаконного лишения свободы, произведенное любым способом с целью воздействия на волеизъявление государства, юридических лиц, а также отдельных граждан под угрозой расправы над заложником.

Не простой является проблема определения момента окончания захвата заложника. Представители уголовно-правовой науки разделились на два лагеря. Одни захват заложника считают оконченным с момента, когда потерпевший оказался во власти виновного, т. е. с того момента, когда он лишен свободы передвижения, а другие — с момента предъявления требования третьей стороне (государству, юридическим или физическим лицам) как условия освобождения захваченного.

Поскольку данная проблема имеет важное уголовно-правовое значение, имеет смысл обратиться к анализу аргументов представителей той и другой стороны.

Так, С. И. Никулин пишет, что захват заложника является оконченным преступлением с момента фактического лишения свободы человека, выступающего в качестве заложника, или начала удержания его в этом состоянии независимо от продолжительности¹⁷⁹.

В то же время авторы работы “Захват заложника” утверждают следующее: “Захват заложника окончен в момент выполнения всех действий, входящих в объективную сторону преступления: захват, удержание (оно может быть длительным и совсем кратковременным) и требование соответствующему адресату.

Если преступники захватили заложника, удерживают его, но не успели никому объявить об этом и предъявить требования об условии его освобождения, то при доказанности желания предъявить требования третьим лицам (не самому захваченному) их действия должны быть квалифицированы как покушение на захват заложника — ст. 30 и ст. 206 УК РФ.

¹⁷⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 462.

На первый взгляд, какое же покушение, если заложник уже захвачен и удерживается? Но дело в том, что пока это еще не заложник, а незаконно лишенный свободы человек. Заложником он становится лишь после того, как преступник объявляет об этом, поэтому в случае недоказанности умысла преступников на ультиматум действия их подлежат квалификации по ст. 127 УК РФ — незаконное лишение свободы”.

На наш взгляд, трудно согласиться с последним подходом по той простой причине, что в законе говорится “с целью понуждения”, а не “понуждение”, т. е. преступление окончено не в момент предъявления незаконного требования, а в момент установления господства над местонахождением потерпевшего с определенной целью. Поэтому предъявление ультиматума находится за пределами состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ.

Отсюда вывод. Захват заложника юридически признается оконченным в момент установления господства над местонахождением потерпевшего с целью понуждения третьей стороны совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия, хотя фактически захват заложника предполагает предъявление ультиматума государству, организации, физическим лицам под угрозой расправы над захваченным лицом.

Отличие похищения человека от захвата заложника

В некоторых ситуациях необходимо разграничивать похищение человека и захват заложника. Речь идет о случаях совершения преступления из корыстных побуждений. Например, виновный, похитив человека, требует за него выкуп, угрожая в случае неуплаты расправиться с потерпевшим. Какое преступление совершается: похищение человека или захват заложника?

Объективная сторона захвата заложника и похищения человека совпадает, поскольку захват является родовым понятием похищения. Следовательно, разграничить преступления, предусмотренные ст.ст. 126 и 206 УК РФ, по объективной стороне невозможно.

Различие необходимо искать в признаках субъективной стороны. Для захвата заложника характерно то, что преступление совершается с определенной целью — предъявление ультиматума государству, организации или физическим лицам как усло-

вия освобождения захваченного под угрозой расправы над ним. При совершении преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, цели у виновного могут быть любыми, за исключением предъявления ультиматума государству, организации или физическим лицам как условия освобождения похищенного под угрозой расправы над ним. Таким образом, различие между преступлениями, предусмотренными ст. 126 и ст. 206 УК РФ, необходимо проводить по той цели, ради которой совершалось преступление. Если цель — понудить государство, организацию или гражданина совершить какое-либо действие или отказаться от совершения какого-либо действия под угрозой расправы над потерпевшим, то это захват заложника. Если цель иная, то это похищение человека.

В литературе данный вопрос решается иначе.

Так, С. И. Никулин считает, что при похищении человека, совершаемом из корыстных побуждений, виновный может, в частности, потребовать выкуп за предоставление свободы похищенному от заинтересованных в его судьбе лиц. Однако при этом как сам факт похищения, так и выдвижение требования имущественного характера не предаются огласке, осуществляются тайно (в первую очередь от правоохранительных органов)¹⁸⁰.

А. Н. Игнатов отличие похищения человека от захвата заложника видит в следующем: “По характеру действия захват заложника носит демонстративный характер, о факте захвата преступники сообщают средствам массовой информации, официальным органам. Похищение же человека часто происходит тайно, и виновные об этом сообщают только близким похищенного, если требуют выкуп”¹⁸¹.

По мнению В. И. Радченко, для квалификации действий, связанных с удовлетворением материальных требований, по ст. 206 УК требуется, чтобы они предъявлялись открыто, с расчетом на то, что они станут известны общественности и властям, в то время как при похищении человека преступник выдвигает свои

¹⁸⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 257.

¹⁸¹ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Х. Д. Аликперова, Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 321.

требования тайно, не желая, чтобы они получили огласку и стали известны властям¹⁸².

Авторы монографии “Захват заложника” при разграничении похищения человека из корыстных побуждений и захвата заложника, совершенного из корыстных побуждений, исходят из следующих моментов:

1) из личности потерпевшего. При захвате это может быть любой человек, а при похищении конкретный;

2) места совершения преступления. Местом захвата заложника, как правило, являются общественные места;

3) стремления избежать огласки при похищении человека и публичного обнаружения своего умысла при захвате заложника¹⁸³.

Что характерно: все критерии, которые приводились выше в качестве отличительных признаков похищения человека и захвата заложника, не относятся к признакам состава преступления — ни предусмотренного ст. 206 УК РФ, ни предусмотренного ст. 126 УК РФ. Поэтому основываться на них при разграничении рассматриваемых составов невозможно.

На наш взгляд, нельзя при разграничении похищения человека и захвата заложника исходить из такого критерия, как факт придания огласке выдвигаемого требования. Допустим, пропал ребенок у банкира. Преступники позвонили и потребовали выкуп, угрожая в случае невыполнения их требования ребенка убить и запрещая обращаться за помощью в правоохранительные органы. При разграничении рассматриваемых составов преступлений мы можем исходить только из признаков состава преступления. Поскольку в этом случае предъявляется ультиматум физическим лицам как условие освобождения потерпевшего, то содеянное необходимо квалифицировать как захват заложника. При похищении человека корыстные требования удовлетворяются за счет похищенного, а не за счет других лиц, имущественные требования предъявляются непосредственно к самому похищенному или для продажи похищается ребенок и т. д.

¹⁸² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2001. С. 416.

¹⁸³ Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н. Указ. соч. СПб., 2001. С. 93—94.

В некоторых случаях может быть совокупность преступлений, предусмотренных ст. 126 и 206 УК РФ. Например, похитили человека и требовали от него деньги, поскольку ничего от потерпевшего не добились, стали требовать выкуп с его родственников. На наш взгляд, содеянное виновными в этом случае подлежит квалификации и по ст. 126 и по ст. 206 УК РФ. Первоначально виновные совершили похищение человека, а с того момента, как они стали требовать выкуп с его родственников, был выполнен состав преступления, предусмотренный ст. 206 УК РФ, для которого необходимо, чтобы потерпевший в момент предъявления требования находился во власти виновного лица.

Противозаконно исходить при разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ и ст. 206 УК РФ, из родственных отношений похищенного и того, кому предъявляются требования о выкупе. Если имущественные требования предъявляются самому похищенному — это похищение человека. Если другим лицам — это захват заложника. Иного подхода, основанного на законе, быть не может. Из этого и необходимо исходить при разграничении рассматриваемых составов преступлений.

Понятие “убийство, сопряженное с иным преступлением”

Определенную сложность вызывает понимание убийства, сопряженного с похищением человека либо захватом заложника. В литературе имеются неоднозначные толкования данного понятия.

Например, А. Н. Красиков считает, что под убийством, сопряженным с похищением человека и захватом заложника, понимается убийство человека, которого предварительно помимо его воли насильно лишают или лишили свободы перемещения в пространстве¹⁸⁴.

Представляется, что данное толкование закона является излишне узким, не вытекающим из требований закона. Вряд ли можно согласиться с тем, что п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ подразумевает повышенную ответственность только за убийство уже похищенного или захваченного, а не, например, похищаемого или захватываемого. Поскольку в законе употребляется слово-

¹⁸⁴ Красиков А. Н. Указ. соч. С. 65.

сочетание “сопряженное с похищением либо захватом заложника”, а не “убийство похищенного либо захваченного”, постольку для подобного ограничительного толкования нет оснований.

По мнению Л. А. Андреевой, убийство может быть совершенно как в момент похищения или захвата заложника, так и после того, как похищение или захват уже осуществлены и потерпевший находится в руках преступников¹⁸⁵.

Это правильное, на наш взгляд, толкование закона. Однако исходя из данного определения можно сделать вывод о том, что потерпевшим может быть только тот человек, в отношении которого совершается или совершалось похищение либо захват. А если в процессе похищения был убит другой человек, подлежит ли в этом случае применению п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ или имеются основания для вменения виновному п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. убийство с целью облегчить совершение другого преступления? Видимо, автор придерживается позиции, в соответствии с которой причинение смерти иным лицам должно быть квалифицировано по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ. С чем мы согласиться не можем, так как, по нашему мнению, потерпевшим может быть и иное лицо, которому причинена смерть в связи с похищением человека либо захватом заложника.

В п. 7 постановления Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. рекомендуется: “При квалификации действий виновного по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку “убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника” следует иметь в виду, что по смыслу закона ответственность по данному пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ наступает не только за умышленное причинение смерти самому похищенному или заложнику, но и за убийство других лиц, совершенное виновным в связи с похищением человека либо захватом заложника. Содеянное должно квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 126 или ст. 206 УК РФ”¹⁸⁶.

В ст. 105 УК РФ понятие “сопряженное” упоминается семь раз. Логично предположить, что во всех случаях оно должно толковаться Верховным судом одинаково, однако анализ разъяснений Пленума Верховного суда к соответствующим пунктам

¹⁸⁵ Андреева Л. А. Квалификация убийств... С. 13.

¹⁸⁶ Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 3.

ст. 105 УК РФ заставляет убедиться в том, что это далеко не так. Справедливо замечание Т. В. Кондрашовой о том, что, исходя из правил законодательной техники и толкования, один и тот же термин в рамках одного закона (тем более одной нормы) должен иметь одно значение, ибо иное может привести к судебному произволу. Она считает, что Пленум Верховного суда РФ вообще не раскрыл понятие “убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника”, несмотря на разъяснения, имеющиеся в п. 7 постановления Пленума Верховного суда “О судебной практике по делам об убийстве”¹⁸⁷.

На наш взгляд, это не совсем так. Стоит обратить внимание на слова Постановления Пленума Верховного суда РФ “но и за убийство других лиц, совершенное виновным *в связи* с похищением человека либо захватом заложника” (выделено нами.— А. П.). Понятие “в связи” мы достаточно подробно рассмотрели в параграфе, посвященном анализу п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Здесь только отметим, что оно означает мотив (цель) и период времени, когда может быть совершено преступление. В данном случае убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника, может быть совершено или *до* похищения человека либо захвата заложника (с целью облегчить их совершение), или *в процессе* совершения преступления (например, с целью устранения препятствий), либо *после* совершения похищения человека либо захвата заложника (с целью скрыть похищение человека либо захват заложника или по мотиву мести за оказанное сопротивление или по иным причинам). Причем следует отметить, что потерпевшим может быть любой человек. Убийство может быть совершено как в отношении похищенного либо захваченного, так и в отношении других лиц. Главный момент, подлежащий доказыванию при квалификации убийства по п. “в” ч. 2 ст. 105,— это установление того, что оно было совершено *в связи* с похищением человека либо захватом заложника, а кто оказался потерпевшим, с точки зрения рассматриваемого состава преступления значения не имеет.

Соотношение убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, и убийства, сопряженного с похищением человека

¹⁸⁷ Кондрашова Т. В. Указ. соч. С. 70.

либо захватом заложника

Нередко в специальной литературе подчеркивается, что убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, по своему смыслу очень близко к убийству, сопряженному с похищением человека либо захватом заложника. Однако выводы при этом делаются различные.

Так, Н. К. Семернева отмечает: “По существу, эти лица также находятся в беспомощном состоянии. Здесь наблюдается реальная совокупность двух самостоятельных преступлений, в связи с чем действия субъекта преступления необходимо квалифицировать по ст. 126 УК РФ (похищение человека) либо ст. 206 (захват заложника) и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ”¹⁸⁸.

Н. Г. Иванов утверждает, что убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника, может быть в некоторых случаях рассмотрено как частный случай убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Обстоятельства, сопутствующие похищению человека или захвату заложника, скрывают во многих случаях возможности к сопротивлению или вовсе их устраняют. Поэтому он предлагает в подобных случаях решать вопрос так же, как и при конкуренции общей и специальной нормы — квалифицировать убийство только как сопряженное с похищением человека либо захватом заложника¹⁸⁹.

На наш взгляд, это очень спорное суждение. Несмотря на то, что указанные признаки предусматриваются в одном пункте ст. 105 УК РФ, они не соотносятся между собой как общая и специальная норма. Несомненно, что похищенный либо захваченный может находиться в беспомощном состоянии при похищении либо захвате, однако это не дает права при убийстве потерпевшего игнорировать такоеотягчающее обстоятельство, как его беспомощное состояние. Использование виновным заведомо для него беспомощного состояния потерпевшего во всех случаях должно подлежать дополнительной квалификации, поскольку оно является самостоятельным основанием для вменения виновному отягчающего обстоятельства. Например, убийство по-

¹⁸⁸ Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1997. С. 54.

¹⁸⁹ Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1998. С. 52.

хищенного малолетнего (в возрасте 5 лет) не может не квалифицироваться и по признаку “заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии”, и по признаку “сопряженное с похищением человека”. Кроме того, необходимо учитывать, что только та квалификация содеянного виновным может найти должное отражение при назначении наказания виновному лицу, которая полно отражает все обстоятельства дела. Поэтому соглашаться с высказанным Н. Г. Ивановым суждением нельзя.

Уголовно-правовая оценка убийства похищенного или захваченного лица

Неоднозначно в литературе и судебно-следственной практике оценивается убийство похищенного или захваченного.

Большинство авторов исходит из того, что в подобных случаях требуется квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 126 либо ст. 206 УК РФ и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Так, по мнению О. Ф. Шишова, если убийство сопряжено с похищением человека либо захватом заложника, квалификация должна осуществляться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 126 или ст. 206 и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁹⁰.

Аналогичного подхода придерживается С. В. Бородин, который утверждает, что во всех случаях убийства, сопряженного с похищением человека либо захватом заложника, действия виновных должны быть квалифицированы соответственно по совокупности ст. 126 или ст. 206 и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁹¹.

А. И. Рарог исходит из того, что поскольку похищение человека и захват заложника являются самостоятельными преступлениями (ст.ст. 126 и 206 УК), которые не охватываются составом убийства, такого рода преступление следует квалифицировать по совокупности п. “в” ч. 2 ст. 105 УК и ст. 126 или ст. 206 УК РФ¹⁹².

Встречается в специальной литературе и противоположная точка зрения.

¹⁹⁰ Российское уголовное право: В 2 т. / Под ред. А. И. Рарога. Т. 2. Особенная часть М., 2001. С. 25.

¹⁹¹ Бородин С. В. Указ. соч. 102.

¹⁹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановленными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 318.

Так, Н. Г. Иванов высказал суждение, что квалификация в подобных случаях и по ст. 126 (ст. 206) УК РФ и по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ означает в действительности ответственность за два преступления. Он пишет, имея в виду п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, что это преступление единично, обладает конкретно определенными, присущими именно ему признаками. Следовательно, по его мнению, если такое деяние совершается, ответственность должна наступать только по данному пункту части 2 ст. 105 УК. Рекомендацию же Пленума Верховного суда РФ о квалификации по совокупности ст. 126 либо ст. 206 УК РФ и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ он оценивает как нарушение принципа справедливости, поскольку субъект несет ответственность дважды за совершение одного преступления¹⁹³.

Б. В. Волженкин считает, что по своей сути убийство, сопряженное с похищением человека, и тому подобные составы — это учтенная реальная совокупность преступлений, которую следовало бы квалифицировать по одной статье УК. Но более правильным, по его мнению, был бы вообще полный отказ от такого рода конструкций (преступление, сопряженное с совершением другого преступления). Он полагает, что квалифицирующим обстоятельством убийства может быть какое-либо из обстоятельств, так или иначе характеризующих признаки основного состава данного преступления (мотив, цель, способ действия, количество потерпевших и т. д.), но никак не совершение другого преступления. Только в таком случае убийство и другие преступления необходимо будет квалифицировать самостоятельно и назначать наказание по совокупности преступлений¹⁹⁴.

По нашему мнению, квалификация убийства, сопряженного с похищением человека либо захватом заложника, должна быть по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 126 либо ст. 206 УК РФ и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Пункт “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ и другие аналогичные пункты статьи 105 УК РФ предусматривают повышенную ответственность не за учтенную реальную совокупность преступлений, а за то, что убийство совершается в связи с другим преступлением.

¹⁹³ Иванов Н. Г. Указ. соч.

¹⁹⁴ Волженкин Б. В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12. С. 6—7.

Мысль законодателя понятна и закономерна — усилить ответственность в тех случаях, когда убийство вызывается совершением другого преступления. Однако следует согласиться с тем, что законодатель сделал это крайне неудачно, а Пленум Верховного суда РФ усугубил ситуацию, дав рекомендации о применении понятия “убийство, сопряженное” исходя из особенностей сопряженного преступления, а не руководствуясь принципом единообразного толкования понятия, где бы оно ни встречалось в законе. В Постановлении же Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” нет единообразия толкования одного и того же понятия даже применительно к одной статье уголовного закона, что с точки зрения правил толкования категорически недопустимо.

По нашему мнению, следует отказаться от подобной конструкции ст. 105 УК РФ. Все возможные случаи ответственности, предусмотренные в данной статье, а также и не предусмотренные в законе, но возможные на практике, можно охватить таким квалифицирующим признаком ст. 105 УК РФ, как “убийство, совершенное в связи с совершением другого преступления”. Тем самым мы избавимся от громоздкости ст. 105 УК РФ и повысим эффективность ее применения, устранив дублирование и противоречия закона. Ответственность, естественно, во всех случаях должна быть по совокупности убийства с преступлениями, в связи с которыми убийство и было совершено.

Особенно большие сложности в настоящее время возникают при уголовно-правовой оценке случаев похищения человека с целью его последующего убийства.

Так, в обзоре судебной практики Верховного суда РФ за 2 квартал 2000 г. отмечено следующее: По смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием в неволе.

Основным моментом объективной стороны данного преступления является захват потерпевшего с места его нахождения и перемещение с целью последующего удержания в другом месте.

Материалами дела установлено, что осужденные, избив М., решили его убить. С этой целью они поместили потерпевшего в багажник автомобиля, вывезли на пустырь, где убили. Затем, желая скрыть совершенное в присутствии К. преступление, они отвезли К. в лес и также убили.

Поскольку действия осужденных были направлены не на удержание потерпевших в другом месте, а на их убийство, Президиум Верховного суда РФ

удовлетворил протест заместителя Председателя Верховного суда РФ и отменил судебные решения в части осуждения виновных по ч. 3 ст. 126 УК РФ и дело в этой части прекратил за отсутствием состава преступления¹⁹⁵.

На наш взгляд, Президиум Верховного суда РФ неоправданно исключил из осуждения виновных ч. 3 ст. 126 УК РФ по тому основанию, что действия осужденных не были направлены на удержание потерпевших в другом месте. Похищение человека — преступление с формальным составом. Оно признается оконченным с момента изъятия потерпевшего и установления виновным господства над его местонахождением. Удержание потерпевшего в другом месте не означает, что потерпевший должен обязательно находиться в каком-либо помещении, как это решил Президиум Верховного суда РФ. Ибо в тот момент, когда потерпевший находился в машине похитителей, он уже удерживался в другом месте. С того момента, как потерпевшего затолкнули в машину и повезли куда-либо против его воли, состав похищения человека уже выполнен виновными, независимо от того, ради каких целей совершилось его похищение, поскольку цели похищения находятся за пределами состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. На наш взгляд, Президиум Верховного суда РФ дал толкование закона, не вытекающее из его содержания. Соглашаться с подобным подходом нельзя, поскольку при такой квалификации неоправданно игнорируется факт совершения виновным другого преступления.

Возможно, потерпевшего похитили с целью последующего убийства, а он сбежал от похитителей. В этом случае не будет похищения? Или его не будет, только если потерпевший был убит? Представляется, что правовых оснований для такого вывода в законе не содержится.

К сожалению, из приведенного выше обзора судебной практики нельзя сделать вывод о полной квалификации действий виновных лиц в подобной ситуации. Мы можем только предположить, что содеянное виновными в этом случае вообще не было квалифицировано по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Поскольку если нет похищения либо захвата заложника — нет и убийства, сопряженного с похищением либо захватом заложника. И наоборот. Было похищение человека либо захват заложника (или неоконченная преступная деятельность по совершению данных преступлений), возможно и убийство, сопряженное с

¹⁹⁵ Бюллетень Верховного суда РФ. 2001. № 1.

похищением человека либо захватом заложника. Третьего не дано.

Представляется, что оснований для отказа от вменения виновному преступления, предусмотренного ст. 126 или ст. 206 УК РФ, в том случае, когда данные преступления были этапом в последующем совершении убийства, в законе не имеется. Такой подход означает не что иное, как игнорирование принципа законности. Согласиться с ним — значит согласиться с произволом в области толкования уголовного права со стороны высшей судебной инстанцией. Похищение человека и захват заложника не могут охватываться составом убийства потерпевшего. Это разные преступления, посягающие на различные объекты, охраняемые уголовным законом. Похищение и захват заложника в подобных случаях предшествуют убийству потерпевшего. Следовательно, состав данных преступлений уже выполняется виновным(и). Как же можно игнорировать их наличие? А если виновные и не собирались оставлять потерпевшего в живых при предъявлении имущественного требования другим лицам? Что в этом случае состава захвата заложника не будет?

Вполне можно представить следующую ситуацию, иногда встречающуюся на практике. Виновные хватают потерпевшего, отвозят в отдаленное место и там убивают, поскольку потерпевший знал виновных лиц и они с самого начала не хотели оставлять его живым. Затем виновные предъявляют имущественные требования богатым родственникам потерпевшего, угрожая убить потерпевшего, если им не будет передана называемая сумма денег. В момент передачи денег виновных задерживают. Как квалифицировать содеянное ими? Можем ли мы утверждать в данном случае, что не было убийства, сопряженного с захватом заложника? Конечно же, нет.

На наш взгляд, содеянное виновными в этом случае необходимо квалифицировать по п. “з” ч. 2 ст. 206, п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ и по ч. 3 ст. 30 и ст. 159 УК РФ. Они совершили захват заложника из корыстных побуждений, убийство, сопряженное с захватом заложника, и покушение на мошенничество.

Захват заложника признается оконченным с момента установления господства над местонахождением потерпевшего с целью предъявления ультиматума другим лицам. С того момента, как виновные захватили потерпевшего и повезли на автома-

шине, захват заложников следует признавать оконченным преступлением. Поскольку потерпевшего захватили из корыстных побуждений, следовательно, это преступление должно быть квалифицировано по п. “з” ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Убийство потерпевшего было совершено в связи с его захватом, с целью скрыть захват заложника, следовательно, данное преступление должно быть квалифицировано по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, сопряженное с захватом заложника.

Поскольку потерпевшего уже не было в живых, передать его родственникам у виновных не было никакой возможности, следовательно, виновные обманным путем хотели завладеть деньгами родственников погибшего. Фактически они деньгами не завладели, поскольку были задержаны в момент передачи, следовательно, содеянное необходимо по этому эпизоду квалифицировать как покушение на мошенничество.

Таким образом, если похищение человека или захват заложника предшествовали убийству потерпевшего, то содеянное во всех случаях должно квалифицироваться соответственно по ст. 126 или ст. 206 УК РФ, а также как убийство, сопряженное с похищением человека или захватом заложника. Решение, принятое Президиумом Верховного суда РФ по конкретному делу и рассмотренное нами выше, на наш взгляд, не соответствует закону, так как основано на неправильном толковании момента окончания преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ.

Основные выводы в вопросах и ответах, относящиеся к п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ

1. Что такое “беспомощное состояние”?

В русском языке *беспомощный* раскрывается как неспособный сам делать что-нибудь для себя, а *состояние* — это положение, внешние или внутренние обстоятельства, в которых находится человек. В одном из законов беспомощное состояние определяется как неспособность лица самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности.

2. Что такое “беспомощное состояние” в уголовном праве?

В действующем уголовном праве понятие “беспомощное состояние” употребляется в девяти статьях УК: 63, 105, 111, 112, 117, 120, 125, 131, 132.

Беспомощное состояние — это физическая или психическая несостоятельность потерпевшего. При физической беспомощности потерпевший не может оказать сопротивление виновному, а при психической — не понимает характера и значения совершаемых с ним действий. В беспомощном состоянии человек оказывается в силу самых различных причин (младенческого или старческого возраста, болезни, физических недостатков, сна, состояния сильного опьянения и т. д.). Установление состояния беспомощности потерпевшего в момент совершения преступления в отношении его — это вопрос факта.

3. Какое толкование понятия “беспомощное состояние” дается в Постановлении Пленума Верховного суда РФ?

В Постановления Пленума Верховного суда РФ разъясняется следующее: “По п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее”.

Из разъяснения Пленума Верховного суда РФ можно сделать вывод, что беспомощное состояние — это неспособность потерпевшего защитить себя в силу физического или психического состояния.

4. Возможно ли признание спящего заведомо для виновного находящимся в беспомощном состоянии?

На наш взгляд, возможно. Однако судебная практика по данному вопросу противоречива. Первоначально состояние сна признавали беспомощным состоянием потерпевшего, затем — нет. По нашему мнению, если потерпевший находился в состоянии сна в момент убийства, то имеются все законные основания

для признания убийства как совершенного в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. В состоянии сна потерпевший не может ни защитить себя, ни оказать сопротивления виновному, который, заведомо осознавая данное обстоятельство, использует его для совершения преступления.

5. Имеются ли основания для признания состояния сильного алкогольного опьянения беспомощным состоянием?

По нашему мнению, состояние сильного алкогольного опьянения может признаваться беспомощным состоянием потерпевшего в тех случаях, когда оно лишало потерпевшего возможности оказать сопротивление виновному или уклониться от посягательства на свою жизнь. Например, потерпевший был не в состоянии самостоятельно передвигаться, подняться с земли и т. д.

6. Имеет ли значение, кто и когда привел потерпевшего в беспомощное состояние?

На наш взгляд, если потерпевший был приведен в беспомощное состояние виновным в процессе совершения убийства, то п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ применению не подлежит, поскольку в этом случае состояние беспомощности наступает как неизбежный результат преступления. Для вменения п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить, что состояние беспомощности имелось до начала выполнения объективной стороны убийства. При этом, по нашему мнению, не имеет значения, кто привел потерпевшего в беспомощное состояние, главное, что виновный умышленно использовал беспомощное состояние потерпевшего для лишения его жизни.

7. В связи с применением п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ возникает вопрос: как толковать понятие “похищение человека”?

Похищение человека — это изъятие человека из места его обычного пребывания и определение его местонахождения, совершенные помимо (или вопреки) воли потерпевшего любым способом: как открыто, так и тайно, как вследствие обмана, так и в результате злоупотребления доверием.

8. С какого момента похищение человека признается окончательным?

По нашему мнению, похищение человека следует признавать окончательным с того момента, когда потерпевший изымается из места его обычного пребывания и виновный по своему усмотрению определяет его местонахождение.

9. В чем суть такого преступления, как незаконное лишение свободы?

Суть незаконного лишения свободы заключается в том, что потерпевшего лишают физической свободы передвижения по своему усмотрению. Его удерживают в определенном месте помимо его воли.

10. Чем отличается похищение человека от незаконного лишения свободы?

Отличие в объективной стороне преступлений. При похищении происходит перемещение потерпевшего в пространстве помимо или против его воли, т. е. виновный совершает изъятие потерпевшего из мест его обычного пребывания. При незаконном лишении свободы имеется только удержание потерпевшего в определенном месте против его воли, т. е. перемещения потерпевшего из одного места в другое не происходит.

11. Каково содержание понятия “захват заложника”?

По нашему мнению, захват — это родовое понятие для физического ограничения свободы передвижения потерпевшего, которое может происходить путем его похищения или незаконного лишения свободы. Захват заложника можно определить как установление господства над местонахождением потерпевшего, произведенное любым способом с целью воздействия на волю третьих лиц под угрозой расправы над заложником.

12. С какого момента захват заложника признается окончательным?

Захват заложника признается окончательным с момента похищения человека или незаконного лишения его свободы, т. е. установления господства над местонахождением потерпевшего, совершенного с целью понуждения третьей стороны совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-

либо действия, независимо от того, состоялось или нет предъявление ультиматума.

13. В чем отличие похищения человека от захвата заложника в случае совершения данных преступлений из корыстных побуждений?

Отличие заключается в характере действий виновного лица. Если имущественные требования предъявляются к самому потерпевшему, то это похищение человека, если к другим лицам, в том числе и близким родственникам, то это захват заложника.

14. Когда убийство признается сопряженным с похищением человека или захватом заложника?

Убийство признается сопряженным с похищением человека или захватом заложника, если оно совершено или *до* похищения либо захвата заложника (с целью облегчить их совершение), или *в процессе* похищения либо захвата заложника (например, с целью устранения препятствий), либо *после* похищения человека либо захвата заложника (с целью скрыть похищение человека либо захват заложника либо по мотиву мести за оказанное сопротивление или по иным причинам). Причем следует отметить, что потерпевшим может быть признан любой человек. Убийство может быть совершено как в отношении похищенного либо захваченного, так и в отношении других лиц в связи с похищением или захватом заложника.

15. Как квалифицировать убийство, сопряженное с похищением человека или захватом заложника?

Содеянное в подобных случаях должно квалифицироваться по совокупности преступлений — по соответствующей части ст. 126 или ст. 206 УК РФ (в зависимости от обстоятельств дела) и по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Квалифицировать все содеянное виновным только по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ нельзя, так как составом убийства похищение человека и захват заложника не охватываются.

16. Как квалифицировать похищение человека с целью его убийства?

По конкретному делу Президиум Верховного суда РФ признал, что в подобных случаях нет похищения человека, а следовательно, и убийства, сопряженного с похищением человека. По нашему мнению, соглашаться с подобным подходом нельзя, поскольку в этом случае игнорируется факт похищения человека. Похищение предшествует убийству. Оно не охватывается составом убийства. В этом случае имеется реальная совокупность преступлений. Поэтому и содеянное должно оцениваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 126 и 105 УК РФ.

3. УБИЙСТВО ЖЕНЩИНЫ, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕЙСЯ В СОСТОЯНИИ БЕРЕМЕННОСТИ (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ)

Пункт “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Следует сразу же отметить, что в постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. отсутствует разъяснение относительно применения данного пункта статьи 105 УК РФ. Это положение трудно объяснить, потому что при квалификации содеянного по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ имеется несколько сложных моментов, требующих единообразного практического разрешения.

Однако прежде чем мы приступим к рассмотрению данных проблем, обратимся к истории уголовного законодательства об ответственности за убийство беременной женщины с тем, чтобы уяснить место и роль данного преступления в системе преступлений против жизни.

3.1. Особенности состава преступления, предусмотренного п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ

История российского уголовного законодательства свиде-

тельствует о том, что ответственность за убийство беременной женщины предусматривалась уже в Уложении 1649 г. Статья 17 главы 22 Уложения содержала следующее положение: “А кто будет с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или ея тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а с суда сыщется про то допряма, и тому, кто так учинит, за такое его дело учинити жестокое наказание, велеть его бити кнутом нещадно, да на нем же доправить той жене бесчестие и увечье вдвое, да его же вкинути в тюрьму на три месяца. А будет от того его бою та жена и сама умрет, и его за такое его дело самого казнити смертию”¹⁹⁶.

Исходя из содержания данной статьи, можно сделать вывод о том, что жизнь и здоровье беременной женщины охранялись особо. Физическое воздействие на женщину, если оно вызывало прерывание беременности, наказывалось побитием кнутом и тюрьмой сроком на три месяца, а убийство беременной женщины — смертной казнью.

Убийство беременной женщины признавалось квалифицированным преступлением и Уложением 1845 г. Статья 1452 Уложения постановляла: “Кто с обдуманном заранее намерением или умыслом убьет женщину беременную, зная, что она в сем положении, тот подвергается за сие:

Лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от 15—20 лет”¹⁹⁷.

Н. С. Таганцев в своей докторской диссертации, посвященной преступлениям против жизни, уделил ст. 1452 Уложения 1845 г. только одну страницу. Он писал: “Редакторы Уложения, внося в 1845 г. это постановление в наше право, указывали, как на основание этого изъятия, на то, что здесь совершается как бы два убийства за раз, но легко можно видеть всю несостоятельность этого довода. В самом деле, я в первой главе уже указывал (№ 124), что множественность объектов в нашем праве не имеет никакого влияния на наказуемость: если А. убил напр. и мужа и жену, то размеры наказания от этого не изменятся, а останутся

¹⁹⁶ Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М., 1990. С. 246.

¹⁹⁷ Цит. по: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2. Спб., 1871. С. 62.

те же, как и при убийстве одной жены. Но тогда, естественно, является вопрос: почему же наказание увеличится, когда была убита мать и ее будущий ребенок, между тем как убийство зародыша вообще даже и не рассматривается наравне с убийством взрослого? Единственное основание для этого исключения можно приискать в истории этих постановлений, в том, что оно выделялось из общей категории еще в Уложении 1649 г.

По своему же составу этот вид убийства не представляет никаких особенностей, нельзя только не заметить, что Уложение придает значение этому особенному качеству объекта только при убийстве преднамеренном и оставляет без всякого влияния при убийстве внезапном. Самые размеры наказания здесь менее, чем при убийстве других лиц той же группы, так как здесь вместо бессрочной каторги назначается срочная от 15—20 лет. При этом само собою разумеется, что для применимости этого наказания необходимо знание со стороны виновного о беременности жертвы, как это прямо и указано в тексте статьи¹⁹⁸.

Уголовное Уложение 1903 г. не признало убийство беременной женщины квалифицированным видом убийства. Поэтому исследователи проблем уголовного права предреволюционного периода не оказывали внимания данному преступлению. Так, С. В. Познышев в своей работе по особенной части уголовного права, посвященной сравнению Уголовных Уложений 1845 и 1903 годов, отметил только, что для квалификации убийства беременной женщины по ст. 1452 Уложения 1845 г. необходимо было наличие двух условий: 1) прямой умысел и 2) знание виновным того, что женщина беременна¹⁹⁹.

Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг., как и Уложение 1903 г., не отнесли убийство беременной женщины к квалифицированным видам убийства. И лишь УК РСФСР 1960 г. предусмотрел повышенную ответственность за убийство беременной женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности (п. “ж” ст. 102 УК РСФСР).

С этого времени данное преступление становится предметом изучения в уголовном праве, как правило, наряду с другими преступлениями. Как нам известно, убийство беременной жен-

¹⁹⁸ Там же. С. 62—63.

¹⁹⁹ Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М., 1912. С. 37.

щины никогда не было объектом специального монографического исследования.

Основными проблемами, которые рассматривались и рассматриваются в работах, являются следующие: обоснование оснований выделения убийства беременной женщины в качестве квалифицированного вида убийства, а также условия уголовной ответственности за данное преступление.

Необходимо отметить, что среди исследователей нет полного согласия по поводу выделения убийства беременной женщины в квалифицированный вид убийства.

Например, М. Д. Шаргородский, как и Н. С. Таганцев, полагал, что убийство женщины, заведомо для виновного беременной, не должно сохраняться в дальнейшем в нашем законодательстве как квалифицирующее обстоятельство²⁰⁰.

Большинство же исследователей считали и считают, что законодатель, выделив в квалифицированный вид убийство беременной женщины, поступил правильно.

Так, по мнению А. А. Пионтковского, признание убийства беременной женщины квалифицированным преступлением продиктовано как необходимостью усиления охраны личности беременной женщины, так и фактом особой опасности самого преступного действия, которым лишается жизни не только женщина, но и одновременно уничтожается зародыш будущей человеческой жизни. При этом, по мнению автора, не имеет значения стадия беременности. Например, он полагал, что убийство беременной женщины отцом будущего ребенка, когда она сообщила о своей беременности, хотя бы еще и не заметной для окружающих, даст состав рассматриваемого квалифицированного вида убийства²⁰¹.

М. К. Анианц отмечал, что отсутствие в УК РСФСР 1926 г. убийства беременной женщины в качествеотягчающего обстоятельства преступления создавало на практике трудности и вызывало в ряде случаев квалификацию подобных действий как убийства с использованием беспомощного положения убитого. По его мнению, убийство беременной женщины свидетельствует об особой жестокости преступника и влечет очень тяжкие

²⁰⁰ Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 95.

²⁰¹ Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 5 / Под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чиквадзе. М., 1971. С. 38.

последствия. При совершении этого преступления лишается жизни не только женщина — будущая мать, но и погибает плод — будущий ребенок²⁰².

Как правило, в новейшей уголовно-правовой литературе вопрос о необходимости выделения убийства беременной в квалифицированный состав не обсуждается. Авторы исходят из того, что закон установил повышенную ответственность за убийство беременной женщины потому, что виновный посягает на жизнь не только женщины, но и плода. Особую позицию по данному вопросу занимает А. Н. Красиков, который считает, что установление повышенной уголовной ответственности за убийство беременной женщины представляется справедливым потому, что преступник посягает не только на право беременной женщины на жизнь, но и на ее репродуктивное право²⁰³.

Представляется, что соглашаться с последней точкой зрения нельзя, поскольку виновный посягает на жизнь человека, а не на производные функции, обусловленные полом.

В УК РСФСР 1960 г. ответственность предусматривалась за убийство женщины, заведомо для виновного *находившейся* в состоянии беременности, а в УК РФ — за убийство женщины, заведомо для виновного *находящейся* в состоянии беременности.

На наш взгляд, данное терминологическое уточнение никак не повлияло на суть рассматриваемого состава преступления. Для ответственности за убийство беременной и по УК РСФСР, и на основании действующего закона необходимо установить, что потерпевшая в момент посягательства на ее жизнь была беременна.

Кроме того, закон требует, чтобы потерпевшая *заведомо для виновного* находилась в состоянии беременности в момент посягательства на ее жизнь. Возникает вопрос, а что означает понятие “заведомо для виновного”? Достаточно ли установления того, что виновный считал потерпевшую беременной в силу каких-либо причин, или необходимо установить и доказать, что виновный достоверно знал о беременности потерпевшей, т. е. его знания соответствовали действительности? На этот вопрос в уголовно-правовой литературе мы находим различные ответы.

²⁰² Анианц М. К. Указ. соч. С. 49.

²⁰³ Красиков А. Н. Указ. соч. С. 65.

Большинство исследователей исходят из того, что понятие “заведомость” означает достоверное знание виновным о наличии беременности потерпевшей. Например, Э. Ф. Побегайло пишет, что п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ должен применяться лишь в тех случаях, когда виновному в момент совершения убийства достоверно известно, что женщина находилась в состоянии беременности²⁰⁴.

Однако имеется и иной взгляд на данную проблему. Так, С. В. Бородин утверждает: “При заведомости несомненность знания субъекта об отягчающем обстоятельстве следует относить не к тому, имеется ли оно в действительности, а к тому, что он знает о нем. При этом несомненность знания об отягчающем обстоятельстве не изменяется от того, что у субъекта нет полной уверенности в его фактическом наличии. В таких случаях отношение виновного к отягчающему обстоятельству характеризуется косвенным умыслом (безразличное отношение к его наличию) и, следовательно, квалификация убийства по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК не исключается”²⁰⁵.

Как мы видим, суть разногласий в научной среде касается степени достоверности знания виновного о беременности потерпевшей. Одни считают, что виновный должен точно знать о беременности потерпевшей. По мнению других, для ответственности по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК достаточно допущения наличия беременности потерпевшей.

На наш взгляд, квалификация действий виновного лица по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ возможна в тех случаях, когда виновный знает, что потерпевшая беременна. Предположительное знание о наличии беременности не дает оснований для подобной квалификации. В законе не случайно употребляется понятие “заведомо для виновного”. Слово “заведомый” означает хорошо известный, несомненный²⁰⁶ для виновного, а не с точки зрения действительности.

Проиллюстрируем сказанное примерами из судебной практики.

Приговором Тюменского областного суда Баженов был осужден по п. “ж” ст. 102 УК РСФСР (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

²⁰⁴ Уголовное право России. Учебник для вузов: В 2 т. / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2. Особенная часть. М., 1998. С. 27.

²⁰⁵ Бородин С. В. Указ. соч. С. 104.

²⁰⁶ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 201.

Он был признан виновным в убийстве своей жены, находившейся в состоянии беременности. Виновным себя Баженов признал, однако пояснил, что о беременности жены он знал предположительно, со слов потерпевшей, которая сама достоверно не знала об этом. Убийство он совершил из ревности.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе адвоката, в которой он просил действия осужденного переквалифицировать на ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ), Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР нашла приговор подлежащим изменению по следующим основаниям.

Суд обоснованно пришел к выводу о виновности осужденного в убийстве Баженовой. Однако действия Баженова по п. “ж” ст. 102 УК РСФСР (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ) квалифицированы неправильно, несмотря на наличие у потерпевшей беременности 10—15 дней.

Как видно из показаний свидетелей, потерпевшая достоверно не знала о наличии у нее беременности, а лишь предполагала о ней. В судебном заседании Баженов показал, что жена сообщила ему о своей беременности предположительно.

Следовательно, Баженов заведомо не знал о том, что жена находилась в состоянии беременности. Поэтому он не может нести ответственность по п. “ж” ст. 102 УК РСФСР (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ)²⁰⁷.

В данном случае потерпевшая была беременна, но виновный не был в этом убежден, поэтому и не было оснований для привлечения виновного к ответственности за убийство женщины, заведомо для него находившейся в состоянии беременности.

В другом случае в деле имелись убедительные доказательства того, что виновному было известно о беременности жертвы.

Московским городским судом Архипов был осужден по п. “ж” ст. 102 УК РСФСР (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Он был признан виновным в том, что, находясь в состоянии опьянения, из ревности кухонным ножом совершил убийство своей беременной жены Архиповой Светланы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ приговор оставила без изменения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос о переквалификации действий Архипова с п. “ж” ст. 102 УК (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ) на ст. 103 УК (ч. 1 ст. 105 УК РФ) со ссылкой на отсутствие убедительных доказательств того, что Архипову было известно о беременности жены.

Президиум Верховного суда РФ не согласился с протестом, указав следующее.

Вина Архипова в убийстве из ревности своей жены, заведомо для него находившейся в состоянии беременности, доказана показаниями свидетелей, заключением судебно-медицинской и судебно-биологических экспертиз, исследованными в судебном заседании.

²⁰⁷ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1965. № 11.

Доводы протеста о том, что Архипов заведомо не знал о беременности своей жены, нельзя признать обоснованными.

Как видно из показаний Исакова и Ященко, потерпевшая во время телефонных разговоров с Архиповым, свидетелями которых они были, говорила ему о своей беременности.

Свидетель Рыгин в судебном заседании пояснил, что по инициативе Архипова он встретился с ним на улице и просил Архипова не преследовать жену, уведомив его, что она беременна.

Из показаний свидетеля Чернобай видно, что за несколько дней до убийства ей звонил Архипов, разыскивая жену. Она сказала ему, что Светлана (его жена) беременна и боится, что он ее будет преследовать из-за желания расторгнуть брак.

Как пояснили в судебном заседании указанные свидетели, о беременности Архиповой Светланы им было известно от самой потерпевшей, кроме того, это было видно по ее состоянию здоровья — имел место сильный токсикоз.

Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, у Архиповой имела беременность 5—6 недель.

Исходя из указанных доказательств, суд сделал правильный вывод о том, что Архипов при совершении убийства заведомо знал о беременности потерпевшей. Поэтому его действия надлежит квалифицировать по п. “ж” ст. 102 УК РСФСР (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ)²⁰⁸.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что для ответственности по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо, чтобы виновный знал о беременности потерпевшей, был в этом субъективно убежден. Иначе говоря, для привлечения виновного к уголовной ответственности по данному пункту следует установить, что у него в момент посягательства на жизнь потерпевшей не было оснований сомневаться в том, что она беременна, и потерпевшая в действительности оказалась беременной.

При этом, на наш взгляд, нельзя путать понятия “хорошо известный, несомненный” и “достоверно известный”, поскольку в первом понятии подчеркивается субъективная убежденность лица в наличии какого-либо факта, а во втором — соответствие знаний объективной реальности. Употребленное в законе понятие “заведомо для виновного” означает лишь, что виновный должен быть убежден в том, что потерпевшая беременна. В противном случае, несмотря на наличие фактической беременности потерпевшей, оснований для квалификации содеянного по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ не имеется.

Чаще всего виновный достоверно знает о состоянии беременности потерпевшей. Однако в некоторых случаях, относя-

²⁰⁸ Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 8.

щихся к ранним срокам беременности, виновный может заблуждаться относительно состояния беременности потерпевшей. Субъективно, в силу определенных обстоятельств, он может быть убежден в том, что потерпевшая беременна, а объективно таковой она может не оказаться. Возможно, что виновный, опять-таки в силу каких-либо обстоятельств, исключал беременность потерпевшей, а она оказалась беременной. В подобных случаях возникает вопрос: как квалифицировать содеянное виновным при его заблуждении относительно факта наличия состояния беременности у потерпевшей?

Вопрос о фактической ошибке виновного относительно состояния беременности потерпевшей является одним из самых дискуссионных в уголовном праве. Об этом свидетельствует анализ уголовно-правовой литературы.

Например, С. И. Никулин рассуждает следующим образом: “Если виновный ошибочно (например, под влиянием обмана со стороны потерпевшей) считает, что женщина беременна, то посягательство на ее жизнь по направленности умысла охватывается п. “г” ч. 2 ст. 105 УК. Однако в силу того, что фактически (объективно) убийство женщины, находящейся в состоянии беременности, не совершено, такие случаи следовало бы квалифицировать со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК (покушение на убийство). Однако тем самым в силу ч. 3 ст. 66 УК будет смягчена ответственность виновного. Поэтому редакцию п. “г” ч. 2 ст. 105 УК следует изменить, придав значение квалифицирующего признака цели “лишить жизни женщину, заведомо для виновного находящуюся в состоянии беременности”²⁰⁹.

Исходя из рассуждения С. И. Никулина, невозможно сделать вывод о том, как в конечном итоге рекомендует автор квалифицировать действия виновного лица, если тот заблуждался относительно беременности потерпевшей. Несомненным фактом является лишь то, что автор предлагает изменить редакцию п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По нашему мнению, предлагаемое изменение закона нельзя признать удачным, поскольку приведет к тому, что при косвенном умысле к смерти беременной женщины п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ будет неприменим, а это неправильно, так как не соот-

²⁰⁹ Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2000. С. 32.

ветствует сути ответственности за совершение рассматриваемого преступления.

С. В. Бородин полагает, что убийство женщины, когда виновный ошибочно считает, что потерпевшая беременна, должно квалифицироваться по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как умысел виновного направлен на лишение жизни потерпевшей при наличии отягчающего обстоятельства, указанного в законе²¹⁰.

В качестве подтверждения правильности своего вывода он приводит следующий пример из кассационной практики Верховного суда России.

Л. состоял в интимной связи с Ш. Ш., желая, чтобы Л. ушел от жены, однажды заявила ему, что она беременна. Л., опасаясь “неприятностей” дома и на работе, решил убить Ш. С этой целью он ее пригласил в лес за ягодами и там убил. Вскрытие показало, что беременной потерпевшая не была.

Суд квалифицировал действия виновного по п. “ж” ст. 102 УК РСФСР (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ)²¹¹.

На наш взгляд, С. В. Бородин за основу при квалификации действий виновного лица принимает направленность его действий. Так, он пишет: “Л. допустил фактическую ошибку, которая состояла в предположении наличия обстоятельства, квалифицирующего убийство. Он заблуждался, полагая, что личность потерпевшей обладает теми качествами, которые влекут для него повышенную ответственность за убийство”²¹².

На это нам хотелось бы заметить следующее. Если виновный основывался на достижении какого-либо внешнего результата, который не был им достигнут в процессе совершения преступления, то квалифицировать содеянное следует по направленности его умысла, т. е. как покушение на совершение этого преступления. Именно таким образом, на наш взгляд, следует понимать учет направленности действий виновного лица.

Э. Ф. Побегайло высказал следующее мнение: “Если виновный исходит из ошибочного предположения о беременности потерпевшей, которой в действительности не было, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности двух преступлений — покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, и оконченное простое или квалифицированное другим отягчающим обстоя-

²¹⁰ Бородин С. В. Указ. соч. С. 104.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. С. 105.

тельством убийства (ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 105 либо ч. 2 ст. 105 с другим пунктом). Налицо в данном случае будет именно идеальная совокупность указанных преступлений”²¹³.

Мы не можем согласиться с предложением, высказанным Э. Ф. Побегайло, поскольку совокупности преступлений в данном случае нет, исходя и из формальных, и из сущностных признаков. Во-первых, в соответствии со ст. 17 УК РФ совокупность предполагает совершение виновным двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями УК. По мнению Э. Ф. Побегайло, виновный совершает преступления, предусмотренные одной статьей УК — ст. 105, следовательно, по чисто формальным критериям в данном случае нет совокупности преступлений. Во-вторых, совокупности преступлений не может быть хотя бы потому, что виновный фактически совершает одно преступление. Недоведение единичного преступления до конца по причинам, не зависящим от воли виновного лица, не превращает и не может превратить данное преступление в совокупность преступлений.

По мнению Л. А. Андреевой, заблуждение лица относительно факта беременности потерпевшей следует толковать в его пользу. Она полагает, что правильной в подобных случаях будет квалификация действий виновного по ч. 1 ст. 105 УК РФ²¹⁴.

На наш взгляд, при подобном подходе игнорируется направленность умысла виновного на совершение более общественно опасного преступления — квалифицированного убийства. Направленность умысла виновного должна обязательно найти отражение в уголовно-правовой оценке содеянного им. Поэтому согласиться с данным предложением мы не можем.

Иногда в литературе высказывается мнение, что в тех случаях, когда виновный ошибочно полагает, что потерпевшая беременна, квалифицировать содеянное следует как покушение на такое убийство, т. е. по ч. 3 ст. 30 и п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ²¹⁵.

Недостатком данного предложения является то, что причинение смерти женщине будет квалифицировано лишь как по-

²¹³ Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2. Особенная часть М., 1998. С. 28.

²¹⁴ Андреева Л. А. Квалификация убийств... С. 15.

²¹⁵ Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов М., 2001. С. 83.

кушение на убийство. В этом случае в формуле обвинения не находит отражения факт гибели потерпевшей.

Таким образом, в уголовно-правовой литературе предлагаются следующие варианты квалификации действий виновного лица в том случае, когда он ошибочно исходил из того, что причиняет смерть беременной женщине, а в действительности она таковой не оказалась:

- 1) п. “Г” ч. 2 ст. 105 УК РФ;
- 2) ч. 3 ст. 30 и п. “Г” ч. 2 ст. 105 УК РФ;
- 3) ч. 1 ст. 105 УК РФ;
- 4) ч. 3 ст. 30 и п. “Г” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Все приведенные варианты квалификации действий виновного лица небезупречны и не отражают полностью обстоятельств содеянного им. Поэтому в данном случае выбор должен делаться между “плохим” и “очень плохим”. На наш взгляд, наиболее предпочтительна квалификация как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, т. е. по ч. 3 ст. 30 и п. “Г” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Фактически виновный совершил простое убийство, т. е. предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Однако он стремился причинить смерть беременной женщине. И если бы женщина оказалась беременной, как это ошибочно полагал виновный, то его действия квалифицировались бы по п. “Г” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако данного преступного результата виновный не достиг по причинам, от него не зависящим. Поскольку умысел виновного был направлен на совершение квалифицированного убийства, то его действия и должны квалифицироваться по направленности умысла, т. е. по ч. 3 ст. 30 и п. “Г” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Покушение на квалифицированное убийство более опасно, чем оконченное простое. Поэтому правильным представляется квалификация содеянного именно как покушение на квалифицированное убийство, несмотря на то, что фактически виновный совершил простое убийство, т. е. предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Данная квалификация, на наш взгляд, наиболее полно отражает направленность действий виновного лица и соответствует принципу субъективного вменения, на котором основывается уголовное право. Так, если умысел виновного был направлен на совершение более общественно опасного преступления, чем фактически содеянное им, то квалификация должна быть по направленности его умысла.

Например, если виновный стремился причинить смерть потерпевшему, а фактически причинил только вред здоровью, то содеянное квалифицируется как покушение на убийство, исходя из принципа субъективного вменения. Аналогично должен решаться вопрос и в случае заблуждения виновного относительно беременности потерпевшей, когда он посягал на жизнь беременной женщины, а потерпевшая беременной не оказалась.

Рассмотренная выше фактическая ошибка относительно беременности потерпевшей не является единственной. Можно выделить и другие виды фактической ошибки в подобных случаях: 1) виновный полагал, что потерпевшая не беременна, а она оказалась беременной; 2) виновный посягал на жизнь беременной женщины, однако ошибся в личности и причинил смерть постороннему лицу.

Если виновный ошибочно полагал, что потерпевшая не беременна, а она оказалась беременной, то в этом случае, на наш взгляд, содеянное должно квалифицироваться, при отсутствии иных отягчающих обстоятельств, как простое убийство. Нельзя вменять в вину субъекту преступления отягчающее обстоятельство, которое не охватывалось его умыслом. Представляется, что иного подхода к оценке содеянного и быть не может.

Несколько сложнее оценить действия виновного лица, если он посягал на жизнь беременной женщины, но ошибся и причинил смерть постороннему лицу. Иначе говоря, речь идет об ошибке в личности, когда вместо беременной женщины виновный, обознавшись, причиняет смерть иному лицу, ложно принятому за выбранную жертву.

В специальной литературе высказано мнение, что в подобном случае квалификация действий субъекта преступления должна быть как покушение на жизнь беременной женщины и простое убийство, т. е. по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Так, Н. К. Семернева утверждает: “По общему правилу ошибка в личности при убийстве не меняет квалификации виновного, так как страдает объект — жизнь. Однако с учетом особенностей объекта по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК (жизнь не только матери, но и ее будущего ребенка) здесь имеет место идеальная совокупность преступлений, которую в данном случае образуют однородные составы — названный специфический объект и жизнь постороннего пострадавшего. При такой ситуации винов-

ный должен отвечать по ст. 30 и п. “г” ч. 2 ст. 105 УК за покушение на жизнь беременной женщины и ч. 1 ст. 105 УК. Одним действием он выполняет два самостоятельных однородных преступления”²¹⁶.

На наш взгляд, данное утверждение ошибочно. “Двойной” квалификации в этом случае быть не может, поскольку виновный ошибается в личности, а не допускает ошибку, называемую “отклонение действия”, при которой только и возможна “двойная” квалификация, так как имеется или может быть несколько пострадавших.

Следует отметить, что при ошибке в личности беременной женщины возможны следующие варианты:

виновный посягал на жизнь одной беременной женщины, а фактически, обознавшись, причинил смерть другой беременной женщине;

виновный посягал на жизнь беременной женщины, а фактически, обознавшись, причинил смерть другой женщине, не находящейся в состоянии беременности, и какому-либо постороннему лицу.

В первом случае ошибка в личности никак не повлияет на квалификацию действий виновного лица. Он все равно подлежит ответственности по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Во втором случае квалификация действий виновного лица, по нашему мнению, должна быть по ч. 3 ст. 30 и п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Виновный посягал на жизнь беременной женщины, а фактически совершил простое убийство. Поэтому его действия и должны квалифицироваться по направленности его умысла как покушение на квалифицированное убийство.

“Двойная” квалификация действий виновного лица будет, например, если виновный, посягая на жизнь беременной женщины, одновременно с этим умышленно или по неосторожности причиняет смерть постороннему лицу. В подобных случаях уголовно-правовой оценке подлежат действия виновного и по отношению к беременной женщине, и по отношению к постороннему лицу. Однако данный вариант не имеет никакого отноше-

²¹⁶ Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов М., 2001. С. 84.

ния к рассматриваемой нами ошибке в личности беременной женщины. Поэтому мнение, высказанное Н. К. Семерневой, нельзя признать убедительным.

3.2. О совершенствовании законодательства об ответственности за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности

В новейшей уголовно-правовой литературе отмечается, что основанием выделения убийства беременной женщины в квалифицированный состав является то, что виновный посягает не только на жизнь матери, но и на жизнь плода. Так, Э. Ф. Побегайло отмечает, что повышенная общественная опасность преступления, предусмотренного п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ, обусловлена тем, что лишается жизни не только женщина, но и плод человека — зародыш будущей человеческой жизни²¹⁷. Аналогично высказываются и другие ученые.

Однако обращает на себя внимание некоторая нелогичность законодательного решения, поскольку, как правильно подчеркивают некоторые исследователи, при квалификации посягательства на жизнь беременной женщины не имеет значения, погиб или нет плод, находящийся в утробе потерпевшей²¹⁸.

В некоторых исключительно редких случаях в результате преступного посягательства на жизнь беременной женщины погибает только неродившийся ребенок, а жизнь женщины удается спасти. Практике известны также случаи, когда удавалось спасти жизнь ребенка, а мать, находящаяся на поздних сроках беременности, погибала в результате преступного посягательства на ее жизнь. К сожалению, конструкция п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ такова, что практически подобные последствия никак не повлияют на квалификацию действий виновного лица. Независимо от того, погиб ребенок или нет, его жизнь уголовно-правовой охране не подлежит. Содеянное виновным, независимо от того, что произошло с ребенком, будет квалифицироваться по тем последствиям, которые наступили в отношении его матери. Представляется, что это законодательное упущение

²¹⁷ Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2. Особенная часть. М., 1998. С. 27.

²¹⁸ Российское уголовное право: В 2 т. / Под ред. А. И. Рарога. Т. 2. Особенная часть. М., 2001. С. 25.

требует исправления.

Получается некий законодательный парадокс. С одной стороны, в основании выделения данного квалифицированного вида убийства лежит посягательство на жизнь не только женщины, но и плода, а с другой — жизнь плода уголовным законом никак не охраняется. Удивительно, но факт, плод рассматривается только как некий придаток женского организма, поскольку для закона безразлично, пострадал он или нет в результате преступного посягательства. Зачем же тогда закон выделяет убийство беременной в квалифицированный вид убийства?

Представляется, что законодатель сделал только полшага в уголовно-правовой охране жизни, предусмотрев повышенную ответственность за убийство беременной женщины и не увязав ответственность за данное преступление с уголовно-правовой охраной жизни ребенка, находящегося в утробе матери.

По нашему мнению, правильное исходить из того, что виновный, посягая на жизнь беременной женщины, посягает не на одну, а на две жизни. Современная медицина утверждает, что ребенка, находящегося в утробе матери, нельзя считать частью ее организма. Его существование обладает всеми признаками самостоятельной жизни, хотя и зависимой от материнского организма в процессе внутриутробного развития.

Представляется, что в настоящее время осмысления требуют следующие моменты.

В случае посягательства на убийство беременной женщины возможны три исхода:

- 1) гибель ребенка, находящегося в утробе матери (плода);
- 2) гибель женщины;
- 3) гибель обоих.

На наш взгляд, разные исходы должны влиять на уголовную ответственность виновного с учетом направленности его умысла.

Направленность действий виновного лица также может быть различна. Он может посягать только на жизнь ребенка, допуская смерть матери, может посягать только на жизнь матери, безразлично относясь к возможной гибели ребенка, может желать причинения смерти и матери и ребенку, может допускать гибель матери и ребенка в результате своих действий. Неужели все эти особенности никак не должны учитываться действующим законодательством? Правильно ли это? Наверное, нет, неправильно.

Не считается с тем, что жизнь ребенка на этом этапе его развития представляет собой самостоятельную человеческую жизнь, нельзя.

По нашему мнению, необходимо посягательство на жизнь беременной женщины уравнивать с посягательством на жизнь двух или более лиц, одновременно разъяснив в постановлении Пленума Верховного суда РФ, что посягательство на жизнь беременной женщины следует рассматривать как посягательство на жизнь двух лиц со всеми вытекающими из данного подхода следствиями.

Только в этом случае можно будет констатировать, что в основе выделения убийства беременной женщины в качестве квалифицированного вида убийства лежит то, что виновный фактически посягает на две жизни — матери и ребенка. Такой подход представляется правильным потому, что жизнь развивающегося ребенка обладает самостоятельной ценностью. К растущему ребенку нельзя относиться как к части женского организма, поскольку он обладает всеми признаками самостоятельной жизни, хотя и зависимой от организма матери во время внутриутробного развития. Но зависимой, не означает не существующей и не подлежащей уголовно-правовой охране.

Квалификация действий виновного лица при данном подходе будет зависеть от наступивших последствий, а также от характера и направленности умысла виновного по отношению к смерти как матери, так и растущего ребенка.

Представляется, что рассуждения Н. С. Таганцева можно признать состоятельными только применительно к уголовному законодательству его времени. Поскольку убийство нескольких лиц не признавалось квалифицированным преступлением, постольку выделять убийство беременной женщины в особый вид квалифицированного убийства не было никакой необходимости. Однако его вывод о том, что данный вид убийства не обладает никакими особенностями, не может быть положительно воспринят в настоящее время в связи с успехами науки и медицины.

Основные выводы в вопросах и ответах, относящиеся к п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ

1. В чем особенность состава преступления, предусмотренного п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

Особенностью данного состава преступления является то, что предусматривается ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, т. е. за убийство и женщины и плода.

2. Что означает понятие “заведомо для виновного”?

Заведомо для виновного означает, что виновный знает о состоянии беременности потерпевшей в момент причинения ей смерти. При этом “знание” виновного не обязательно должно соответствовать действительности. Главное, чтобы оно было не предположительным, а основанным на каких-либо реальных обстоятельствах. Источник информации о состоянии беременности потерпевшей, а также срок беременности не имеют юридического значения. Для ответственности за убийство, предусмотренное п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо установить, что была убита женщина, находящаяся в состоянии беременности, и виновный знал о данном обстоятельстве в момент совершения убийства.

3. Как квалифицировать содеянное виновным в том случае, когда он заблуждался относительно наличия беременности потерпевшей?

Квалификация действий виновного лица зависит от характера его ошибки. Например, если виновный не знал о наличии беременности потерпевшей, то данноеотягчающее обстоятельство ему вменено быть не может. В то же время, если виновный ошибочно полагал, что убивает беременную женщину, то содеянное должно квалифицироваться как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Хотя следует признать, что в науке уголовного права высказываются разные варианты оценки действий виновного лица в подобном случае.

4. Как квалифицировать содеянное виновным в том случае, когда он ошибочно причиняет смерть постороннему лицу, принимая его за беременную женщину?

По нашему мнению, содеянное в этом случае также надлежит квалифицировать как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Хотя в литературе высказывается и иное мнение.

5. Как влияет на квалификацию действий виновного лица то обстоятельство, что в результате его посягательства на жизнь беременной женщины погибает или остается жив ребенок, находившийся в утробе матери?

Данное обстоятельство никоим образом не влияет на квалификацию действий виновного лица, если он посягал на жизнь беременной женщины, что, на наш взгляд, служит серьезным основанием для изменения действующего законодательства, предусматривающего ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

6. Каким образом следует изменить законодательство?

По нашему мнению, необходимо посягательство на жизнь беременной женщины уравнивать с посягательством на жизнь двух или более лиц, поскольку жизнь развивающегося ребенка требует самостоятельной уголовно-правовой охраны. Для этого в соответствующей части ст. 105 УК РФ следует предусмотреть пункт следующей редакции:

“Посягательство на жизнь двух или более лиц, а равно на жизнь беременной женщины и ребенка, находящегося в утробе матери”.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В СВЯЗИ С

**ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
ПОТЕРПЕВШЕГО (п. “б” ч. 2 ст. 105
УК РФ)..... 3**

1.1. Становление законодательства об ответственности за преступление, совершенное в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего, и практика его применения..... —

1.2. Особенности преступления против личности, совершенного в связи с общественно полезной деятельностью потерпевшего..... 10

Правомерное поведение..... 15

Близкие..... 19

Ошибка в личности потерпевшего..... 21

Осуществление служебной деятельности..... 24

Выполнение общественного долга..... 29

Умысел в преступлениях, совершаемых в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга..... 35

Некоторые сложные вопросы, возникающие при квалификации преступления, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга..... 40

1.3. Отграничение преступления, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от смежных составов..... 45

Отграничение убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от иных преступлений против жизни..... —

Отграничение убийства, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга, от посяга-

<i>тельства на жизнь лица в связи с его служебной деятельностью.....</i>	63
<i>Соотношение преступления против жизни, предусмотренного п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ, с иными преступлениями, совершаемыми в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга.....</i>	93
<i>О совершенствовании конструкции рассматриваемого состава преступления.....</i>	107
<i>Основные выводы в вопросах и ответах, относящиеся к п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ.....</i>	110
2. УБИЙСТВО ЛИЦА, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ, А РАВНО СОПРЯЖЕННОЕ С ПОХИЩЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА ЛИБО ЗАХВАТОМ ЗАЛОЖНИКА (п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ).....	120
.	
<i>2.1. Убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.....</i>	—
<i>Понятие “беспомощное состояние” в уголовном праве</i>	—
<i>Кто признается находящимся в беспомощном состоянии?.....</i>	126
<i>Квалификация убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.....</i>	141
<i>2.2. Убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника.....</i>	156
<i>Общее и особенное составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 126, 127 и 206 УК РФ.....</i>	—

<i>Понятие “убийство, сопряженное с иным преступлением”</i>	176
<i>Соотношение убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, и убийства, сопряженного с похищением человека либо захватом заложника</i>	178
<i>Уголовно-правовая оценка убийства похищенного или захваченного лица</i>	180
<i>Основные выводы в вопросах и ответах, относящиеся к п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ</i>	185
3. УБИЙСТВО ЖЕНЩИНЫ, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕЙСЯ В СОСТОЯНИИ БЕРЕМЕННОСТИ (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ)	190
3.1. Особенности состава преступления, предусмотренного п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ.....	—
3.2. О совершенствовании законодательства об ответственности за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.....	203
<i>Основные выводы в вопросах и ответах, относящиеся к п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ</i>	206

*Александр Николаевич ПОПОВ,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СОВЕРШЕННЫЕ ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ЛИЧНОСТИ
ПОТЕРПЕВШЕГО
(пп. “б”, “в”, “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ)

ИД № 01501 от 10 апреля 2000 г.

Редактор *Н. Я. Ёлкина*
Компьютерная правка и верстка
Т. И. Сюльгиной
Корректор *Ю. А. Веселова*

Подписано к печати 27.03.2002 г. Бум. тип. № 1.
Гарнитура “Times New Roman Суг”. Ризография. Печ. л. 13,25.
Уч.-изд. л. 13,25. Тираж 500 экз. Заказ 1552.

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44
Отпечатано с оригинал-макета в печатно-множительной лаборатории
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ